

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ДВО РАН

INSTITUTE OF HISTORY, ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
OF THE PEOPLES OF THE FAR EAST FEBRAS

История и культура дальневосточной России и стран АТР

**XII всероссийская научная конференция
молодых ученых
19-21 апреля 2010 г., Владивосток**

Программа и тезисы

History and Culture of Far Eastern Russia and the Pacific Rim Countries

**The XII All-Russian Conference
of Young Scholars
April 19-21, 2010, Vladivostok**

Program and Theses

Владивосток
2010

УДК: [39+930.26+930.8/.9](571.6)(5-012)

История и культура дальневосточной России и стран АТР : XII всерос. науч. конф. молодых ученых, 19–21 апреля 2010 г., Владивосток : программа и тезисы / отв. ред. Ю.В. Латушко, И.В. Ставров. – Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2010. – 142 с.

ISBN 978-5-7442-1493-7

Сборник содержит программу и тезисы XII всероссийской научной конференции молодых историков (студентов, аспирантов, научных сотрудников и преподавателей), посвященные широкому спектру проблем современных исторических, археологических и этнологических исследований.

Для специалистов, студентов и аспирантов, а также более широкого круга читателей, интересующихся вопросами истории Дальнего Востока России и стран – соседей по Азиатско-Тихоокеанскому региону.

Организатор конференции – Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (ИИАЭ ДВО РАН), 690950, г. Владивосток, ул. Пушкинская 89

History and Culture Far Eastern Russia and the Pacific Rim Countries: The XII All-Russian conference of young scholars, April 19–21, 2010, Vladivostok : program and theses / Ed. by Yu.V. Latushko, I.V. Stavrov. – Vladivostok : IHAЕ FEB RAS, 2010. – 142 p.

The collection contains program and theses of XII conference of young scholars (students, postgraduate students, scientists, tutors). The theses deal with different problems of modern historical, archaeological and ethnological studies.

For experts, students and post-graduate students, and also more a wide range of readers, who interested in questions of history of the Far East of Russia and the countries – neighbors in Asian-Pacific region.

Host organization: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS (IHAЕ FEB RAS), 89, Pushkinskaya st., Vladivostok, Russia, 690950

Работа выполнена при поддержке гранта ДВО РАН 10-III-Г-11-034

ISBN 978-5-7442-1493-7

© ИИАЭ ДВО РАН, 2010

Программный комитет

Ларин В.Л. – председатель программного комитета, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Беликов В.И., доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института русского языка РАН

Кожневников А.Е., кандидат исторических наук, доцент, декан факультета китаеведения Восточного института ДВГУ

Лихарев Д.В., доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Уссурийского государственного педагогического института

Песцов С.К., доктор политических наук, декан факультета политических наук Тихоокеанского института политики и права ДВГТУ

Организационный комитет

(ИИАЭ ДВО РАН)

Латушко Ю.В. – председатель оргкомитета, кандидат исторических наук

Ставров И.В. – заместитель председателя, кандидат исторических наук

Кондратенко Г.В. – ученый секретарь

Гвоздев Р.В.

Иванов С.А.

Савченко А.Е.

Контактная информация:

+7 (4232) 268170, latushko@mail.ru

+7 (4232) 268054, stavivan@mail.ru

ihaefeyoung@gmail.com

С электронной версией программы и тезисов можно ознакомиться на сайте:
<http://www.ihaefe.org>

**Программа XII всероссийской конференции молодых историков
«История и культура России и стран АТР»**

Дата	Мероприятие	Место, время
18 апреля	Заезд участников	Владивосток
19 апреля	Регистрация участников	9.30 – 10.00 конференц-зал Президиума ДВО РАН
	Открытие конференции, пленарное заседание	10.00 – 13.00 конференц-зал Президиума ДВО РАН
	Перерыв	13.00 – 14.00
	Видео мост Благовещенск-Владивосток. «Человек фронта: общие и особенные черты», докладчик – доктор философских наук, профессор АмГУ Забияко А.П.	14.00 – 15.00 конференц-зал ИИАЭ ДВО РАН
	Секционные заседания	15.10 – 18.10 ИИАЭ ДВО РАН
	Круглый стол «Азиатско-Тихоокеанский регион: искусство проведения границ», руководитель – доктор философских наук, профессор ДВГТУ Ячин С.Е.	15.15 – 18.15 конференц-зал ДВГТУ Пушкинская 10, корпус А, аудитория 302
20 апреля	Секционные заседания	10.00 – 13.00 ИИАЭ ДВО РАН
	Перерыв	13.00 – 14.00
	Секционные заседания	14.00 – 17.00 ИИАЭ ДВО РАН
	Заключительное пленарное заседание, за- крытие конференции	17.00 – 18.00 конференц-зал ИИАЭ ДВО РАН
21 апреля	Экскурсия на археологические памятники Южного Приморья	10.00 – 19.00
22 апреля	Отъезд участников	Владивосток

**Регламент: пленарный доклад 20 минут, секционный – 10 минут
Обсуждение секционного доклада – 5 минут**

Опыт международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе

В.В. КОЖЕВНИКОВ

РОССИЙСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЯПОНИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА)

С приходом к власти в сентябре 2009 г. Демократической партии Японии во главе с премьер-министром Ю. Хатояма в российских политическом и научном кругах появилась надежда, что двусторонние отношения, наконец-то выйдут из тупика, в котором они находятся несколько десятилетий. Насколько эти ожидания оправданы? Возможен ли вообще переход этих отношений на новый качественный уровень? При ответе на этот вопрос обычно все внимание сосредотачивается на территориальной проблеме. Существует мнение, что как только эта проблема будет решена, то отношения между Россией и Японией перейдут в новое качество и будут активизированы как в политическом, так и экономическом планах. Так ли это?

Прежде всего необходимо определиться с теоретическими вопросами. Что такое внешняя политика государства, какие цели она преследует, чем определяется? Зачастую эти вопросы остаются за рамками внимания аналитиков, что приводит к поспешным, часто немотивированным оценкам и прогнозам, базирующимся на сиюминутных факторах или благих пожеланиях.

Под внешней политикой часто понимают общий курс государства в международных делах. Она «регулирует отношения данного государства с другими государствами и народами в соответствии с его принципами и целями, достигаемыми применением различных средств и методов. Внешняя политика неразрывно связана с внутренней политикой государства».

Есть более краткое определение: «внешняя политика государства – это сознательная деятельность государства, направленная на достижение внешних целей в соответствии с национальными интересами страны».

Очевидно, что цель внешней политики – это, прежде всего, достижение экономической, политической, в некоторых случаях военной выгоды для государства. Только это может служить критериями эффективности внешней политики! Причем она должна работать на благо государства, на решение внутренних задач. Не случайно в США давно существует принцип – 1 доллар, вложенный во внешнюю политику, должен приносить 10 долларов прибыли!

Для того чтобы успешно осуществлять внешнюю политику, государство должно обладать определенным весом в мировом сообществе. Поэтому существует такое понятие, как внешнеполитический потенциал государства (ВПП), которое позволяет объективно оценить возможности государства на международной арене. Под ним понимается суммарный ресурс, затрачиваемый на проведение внешней политики. Основная его часть складывается из трех позиций: национальная оборона, международная деятельность (дипломатия), внешнеэко-

номическая деятельность (торговля и прочее). Для нас наиболее интересны первые два компонента, ибо они определяют силовой сегмент геостратегического поля.

По этому показателю, бесспорно, лидируют США – в среднем около 300 млрд. долларов в год, Япония – около 50 млрд., Россия – 8 млрд. Эти цифры дают возможность ясно представить, кто есть кто в этом мире. Исходя из этого, можно говорить как о внешнеполитических возможностях, так и об эффективности усилий той или иной страны. Важно учитывать не только абсолютные цифры ВПП, но и то, какую долю эти расходы занимают в бюджете. У США, которые утверждают свою лидирующую роль в мире, международная деятельность ограничена 1,2 % бюджета, у Японии – 0,9%, Англии – 1,2%, России – 8,7%! А если объединить две составляющие (международную деятельность и оборону), то у США получается 17,2%, Японии – 6,9%, у Англии – 7,4%, а у России – 30,3%.

Таким образом, получается, что центр глобальной силы США тратит на поддержание своей гегемонии 20% бюджета, просто великая держава Япония – менее 10%, а Россия, которая претендует на статус великой державы – более 30%. Причем речь идёт о неустойчивой экономике, не сопоставимой с американской или японской. Другими словами, внешнеполитические усилия пожирают ресурсы, которые можно было бы направить на внутренние нужды. То есть это та затратная экономика, которая во многом разрушила СССР. Ведь главная задача любой внешней политики заключается, как минимум, в том, чтобы она не приносила ущерба экономике страны, а в идеале увеличивала экономическую мощь. Необходимо также задаться вопросом – каковы же результаты такой затратной политики России? Недостаточно оценивать, например, последние российско-японские активные контакты как показатель результативности внешней политики России в отношении Японии. Ибо в большинстве случаев такие визиты заканчиваются ничем, общими словами. Из вышесказанного следует, что при определении внешней политики по отношению к той или иной стране необходимо четко представлять, какие цели ставятся, насколько они достижимы, и сколько это будет стоить. Не просчитав всего этого, не следует и начинать.

Как же Япония рассматривает Россию с точки зрения приоритетов? Мы часто убеждаем себя в заинтересованности Японии в ресурсах России, а следовательно, и в больших перспективах экономического сотрудничества. Анализ «Голубой книги по вопросам дипломатии» МИД Японии за последние десятилетия показывает, что Россия размещается в списке приоритетов на 4-5 месте. В «Голубой книге 2009» порядок приоритетов следующий: 1. Азия и Тихий океан; 2. Северная Америка; 3. Латинская Америка и бассейн Карибского моря; 4. Европа; 5. Россия, Центральная Азия и Кавказ; 6. Ближний восток и Северная Африка; 7. Африка. Последние годы это традиционный порядок. Правда, до 2000 г. он был немного другим: японо-американские отношения; японо-южнокорейские отношения; японо-китайские отношения; японо-российские отношения; отношения Японии с Европой. Можно рассуждать, почему он изменился, но это от-

дельный вопрос. Хочу отметить, что порядок, в котором располагаются страны, несет смысловую нагрузку, а не является произвольным.

Второй момент – содержание раздела, посвященного России. В вышеупомянутом издании 2009 г. отмечено, что «Россия – важная соседняя страна для Японии и укрепление сотрудничества между Японией и Россией в Азиатско-Тихоокеанском регионе не только отвечает стратегическим интересами обеих стран, но и может способствовать стабильности и процветанию региона». Это традиционный зачин, но что конкретно Япония ждет от России? А вот что: «чтобы способствовать стабильности и процветанию Азиатско-Тихоокеанского региона, японское правительство активно вело переговоры с российским правительством, стремясь достигнуть окончательного решения проблемы северных территорий, самой большой проблемы в двусторонних отношениях».

Обращает на себя внимание то, что в последних изданиях все меньше места уделено экономическому сотрудничеству, по сравнению с изданиями 90-х годов, да и в сравнении с оценками двусторонних отношений Японии с другими странами, тем же Китаем, Южной Кореей.

Еще один важный источник, который необходимо учитывать при анализе двусторонних отношений. Это «Белая книга по вопросам обороны» Министерства обороны Японии. Возьмем последнюю, «DEFENSE OF JAPAN 2009». О России там говорится в том же ключе. «С 1978 г., еще при СССР, Россия неоднократно развертывала наземные войска на японских северных территориях Итурупе, Кунашире, Шикотане. Эти территории незаконно заняты Россией, несмотря на то что они – неотъемлемая часть японской территории. Хотя число военнослужащих на островах значительно сократилось, склады, бронированные машины, различные типы артиллерии и противовоздушные ракеты все еще развернуты в регионе. ...Как упомянуто выше, российские войска продолжают размещаться на Северных Территориях, которые являются неотъемлемой частью японской территории, и мы надеемся, что проблема будет скоро решена». Кроме того, в данном издании речь идет об активизации военных учений России в регионе.

О роли России во внешней политике Японии говорит и тот факт, что в предвыборной программе, победившей на выборах ДПЯ, о России практически не говорится. Только в разделе, посвященном корейской проблеме в контексте сотрудничества с другими странами, включая США, Китай, Южную Корею, упоминается и Россия. И все!

Вышесказанное говорит о том, что Россия для Японии представляет только один интерес – с точки зрения территориальной проблемы. Очевидно, что Япония в отношениях с Россией ставит прежде всего политические, а не экономические цели.

Конечно, есть позитивные изменения и в экономических отношениях. Обычно вспоминают, что товарооборот в 2008 г. превысил 30 млрд. долларов. Это так, но за счет чего и как долго он будет продолжаться? Итоги торговли за первые 9 месяцев 2009 г. значительно меньше соответствующего периода 2008 г.

Доля взаимной торговли в товарообороте занимает довольно скромное место: доля России в японском объеме внешней торговли составляет около 1,6%, а удельный вес Японии во внешнеторговом обороте России – 3,5%. И так было всегда. Среди специалистов по российско-японским отношениям порой можно услышать суждение: «Если Россия внезапно исчезнет, то Япония этого не заметит», которое относится именно к экономическим отношениям наших стран.

При анализе перспектив стоит учитывать этот нюанс и строить политику в отношении Японии с учетом её политических целей. Ведь Россия, в отличие от Японии, в своей внешней политике ставит во главу угла именно экономические цели. Но в этом случае надо определиться, чем Россия сможет заинтересовать Японию в первую очередь в экономическом плане и сосредоточиться на этом. Ведь с тем же Китаем у Японии есть и идеологические расхождения, и территориальные споры, но отношения развиваются и торговля процветает!

Что касается политических отношений, они нужны, конечно, и необходимо их развивать, но не переоценивать их значимость. Политика России в отношении Японии должна быть лишена иллюзий, необходимо объективно оценивать собственные возможности и подходить к её выработке исключительно на прагматической основе – то есть с позиций собственной выгоды. Такая позиция будет понятна и нашим партнерам, которые строят свою политику именно так.

В.А. ПАСМУРЦЕВ

ГРАНИЧНОСТЬ И КОММУНИКАЦИЯ: ОПЫТ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ (КОНЕЦ XVII – НАЧАЛО XX ВВ.)

Термин «граница» не исчерпывается линией, проведенной на карте и закрепленной «договорными статьями». Граница – одно из сложнейших явлений и проявлений взаимодействия, вне зависимости от характера и структуры этого процесса. По мнению российского исследователя В.А. Дергачева граница не является единым, целостным феноменом, а распадается на слои, страты. Достаточно очевидно, что конвенциональные, государственные границы не всегда совпадают с зоной политического и экономического влияния, могут не соответствовать демографическим рубежам, а также культурным и другим границам. Несовпадающие рубежи рождают особую пограничную переходную зону, в которой осуществляется тесное взаимодействие.

Дальний Восток России и Северо-восток Китая можно определить как особую рубежную зону с высокой энергетикой, характеризующуюся различной степенью напряженности в разные временные периоды. Динамика напряженности обусловлена целой группой факторов, в определении которых, мы используем наработки А.Д. Воскресенского (теория многофакторного равновесия), с той оговоркой, что в нашем понимании рубежность есть проявление глубокой неравновесности. Там, где возникает равновесие, исчезает рубежность.

Определим факторы межгосударственного взаимодействия в США.

Географические факторы. Северо-Восточная Азия представляет собой «открытую», «внешнюю» границу, доступ в регион свободно осуществим со стороны Тихого океана. Пользуясь терминологией Х. Макиндера и К. Хаусхофера, СВА можно охарактеризовать как «Rimland». Появление в Тихом океане столь активных и энергичных «игроков» как США, Великобритания, Франция и Германия, а затем – Япония, привело к новому позиционированию. Российская империя активно искала пути обороны дальневосточного побережья, надежный и защищенный выход в Великий океан, путей закрепления за страной малоосвоенных восточных рубежей. Для Цинской империи географический фактор «срединности» позволил сохранить территориальную целостность, несмотря на поражение в опиумных войнах, пусть и ценой уступок некоторых «береговых зон», фрагментации «внешней границы». А заключение Айгуньского, а затем и Пекинского договора с Россией позволило Цинским властям стабилизировать «внутреннюю границу». С XVII в. границей для России и Китая стало Приамурье. Географический фактор проявился здесь достаточно четко. Территория Приамурья, к началу столкновения российских и китайских интересов, представляла собой автономный автаркичный регион. Низкая плотность коренного населения, низкая производительность хозяйства местных народов, сложные природно-климатические условия – все это делало регион трудноосваиваемым.

Политические факторы. Проникновение русских в Приамурье, поначалу эпизодическое, вызвало острые граничные процессы. Граничность прошла по политическому пространству двух держав. Дело в том, что ни одна из них не имела конвенциональных границ в регионе. При этом Российская политическая практика была основана на принципах европейского международного права, согласно которому государственные границы есть результат равноправных соглашений между двумя акторами внешнеполитического взаимодействия. Если же говорить о Китае, то понятие «политическая граница», похоже, вообще не было адекватно политическим воззрениям китайцев до встречи с европейскими государствами. Рубежность проходила для жителей Срединной империи по линии «Китай-варвары». При этом рубежность была многостепенной, в зависимости от степени культурного влияния китайского этноса на «варварскую периферию», в связи с чем, была разработана детальная градация «варваров».

Уже Нерчинский договор можно считать определенным внешнеполитическим «надломом» традиционной китайской внешнеполитической стратегии – ведь это был первый договор, подписанный с европейской державой, более-менее соответствующий нормам европейского права, и определивший конвенциональную границу. Определение конвенциональной внутренней границы с Россией привело к новому позиционированию. Россия и Китай, договорившись о частных рубежах, некоторым образом противопоставили себя агрессии европейских держав против азиатского Римленда. Однако единой «внешней границы» не случилось во многом из-за авантюризма российской политической элиты, спровоцировавшей охлаждение отношений с Китаем и вовлекшей страну в войну с Японией.

Экономические факторы. Роль экономики в процессах граничности далеко не всегда была высокой. Лишь наступление эры капитализма, с его агрессивной, энергичной внешней экспансией породило напряженные рубежные процессы. Начиная с XIX в. экономическая рубежность для империи Цинн была остро связана с экспансией европейских держав на китайский рынок. Столкновение традиционной и капиталистической экономик вызвало сложные процессы трансформации и синтеза.

Для России проблема граничности в экономике частично снималась – несмотря на консервативный характер экономической системы, капиталистические отношения в ней были достаточно развиты, и со временем все более определяли лицо российской экономики. Однако неконкурентоспособность ее по сравнению с европейскими странами вынуждали искать рынки на Востоке, и китайский рынок стал одним из перспективнейших. Но в последующем экономическое проникновение русского капитала в Маньчжурию натолкнулось на встречный процесс – китайские предприниматели все активнее осваивали дальневосточные рынки. В конечном итоге, экономические границы двух стран как бы перекрывали друг друга, и граница российского влияния захватывала Северную Маньчжурию, а граница китайского – Приамурье и Приморье.

Демографические факторы. Со времен Нерчинского договора ни Маньчжурия, ни российский Дальний Восток не были объектом продуманной демографической политики. Но с наступлением эры капитализма, с растущим влиянием европейских держав в США, наконец, с территориальными приобретениями Российской империи на Дальнем Востоке, начались интенсивные демографические процессы, столкнувшие российский и китайский народы. Демографическая рубежность между Россией и Китаем была вызвана именно разностью потенциалов расселения и освоения региона, при этом инфильтрация китайского этноса в обход административных границ России эту напряженность только увеличивала. Как впрочем, увеличивало ее и наличие русских поселенцев в Маньчжурии по линии КВЖД и ЮМЖД. Результатом явилась ксенофобия.

Культурные факторы. Очевидно, что Россия и Китай принадлежат к разным цивилизационным типам, а этническая несхожесть двух народов еще более эту разность подчеркивает. Разумеется, ксенофобия не является единственным проявлением рубежности. Непонимание, языковой и культурный барьер, играет в граничном напряжении немаловажную роль. Вместе с тем, более тесное знакомство народов – маньчжуров и китайцев с одной стороны, русских – с другой, эту напряженность частично сняло. Однако коренное различие все же порождало время от времени вспышки ксенофобии, особенно ярко проявившиеся во время восстания ихэтуаней, последовавшей русско-цинской войны 1900 г. и трагической гибели «Маньчжурского клина».

Таким образом, граничность описанных факторов приводила как к напряжению между государствами, так и к тесному взаимодействию. Изменение роли одного из факторов вызывало ответную реакцию и последующую перегруппировку сил. Несоответствие разного рода границ вело к напряженной коммуни-

кации в российско-китайском приграничье. Вместе с тем, граничное напряжение послужило основой развития сопредельных территорий и формирования особой зоны межгосударственных контактов.

Е.В. ПУСТОВОЙТ

ПЕРЕГОВОРНЫЙ ПРОЦЕСС ПО СТАТУСУ БЫВШЕГО КОРОЛЕВСТВА РЮКЮ МЕЖДУ ЯПОНИЕЙ И КИТАЕМ В 1870-1880-Х ГГ.

После преобразования королевства (княжества) Рюкю в префектуру Окинава японскому правительству в течение нескольких лет пришлось отстаивать и подтверждать «законность» присоединения архипелага к своей территории. В 1880-х гг. Япония провела ряд переговоров с Китаем, в ходе которых на высоком межправительственном уровне обсуждались проекты по разделу Рюкю на несколько частей между двумя странами.

Известие о присоединении Рюкю к Японии и образовании новой префектуры Китай узнал от рюкюских эмигрантов-аристократов, которые не смирились с преобразованием королевства и не желали подчиниться японской власти. После получения этих известий в Цзунли гэгэ шиу ямэнь (сокр. Цзунли ямэнь – Палата внешних сношений или Канцелярия по общему управлению делами различных стран, коллегиальный орган при цинском правительстве, ведавший внешнеполитическими делами) прошло обсуждение данной ситуации с целью выработки реакции китайского правительства.

В ходе предварительных консультаций была достигнута договоренность о проведении официальных переговоров по разделу Рюкю. Китай согласился провести переговоры, предполагая, что малыми усилиями все же возможно будет дипломатическим путем «отвоевать» часть островов Рюкю без предоставления им конкретной (военной или экономической) помощи. Другим немаловажным фактором, который сподвигнул Палату Внешних сношений и Ли Хунчжана сесть за стол переговоров с японцами, стало активная петиционная деятельность рюкюских эмигрантов в Китае. Именно они до самого конца верили в спасение своей страны, настойчиво боролись за него «пером и бумагой» за неимением других средств, и отстаивали свое право на собственное государство.

Перед предстоящими официальными переговорами во внешнеполитических ведомствах Китая и Японии активно проводились консультации. В марте 1880 г. китайской стороне был предложен измененный проект раздела островов, который предусматривал уступку Китаю островов Сакисима и признание равных условий интересов японцев на китайской территории, двусторонний раздел островов Рюкю. Иными словами, Китаю предлагались острова Сакисима в обмен на торговые интересы. Однако Ли Хунчжан не проявил к этому предложению интереса и настаивал на полном возвращении рюкюской территории, под которой в XIX в. понимали только центральную (о. Окинава и близлежащие мелкие острова) и южную части (о-ва Сакисима – Мияко и Яэяма). Северная часть Рюкю –

острова Амами-Осима – не входили в план раздела Рюкю, так как они уже являлись территорией Японии с 1609 г.

29 июня уполномоченным на переговорах был назначен посол Сисидо, а 26 июля Палата внешних сношений подала прошение императору Китая о назначении ответственного лица на переговорах с японцами. Официальные переговоры между Китаем и Японией по рюкюской проблеме проходили с 18 августа по 21 октября 1880 г. в Пекине. За это время было проведено восемь раундов переговоров. В переговорах с японской стороны принимали участие Сисидо Тамаки, Танабэ Тайти (дипломат правительства Японии), Иноуэ Коваси. С китайской стороны – Палата внешних сношений во главе с Чэнь Гуйфэнь.

После успешного проведения переговоров было оговорено скрепить достигнутые соглашения подписями глав двух держав. Однако китайская сторона оттягивала процедуру подписания, ссылаясь на то, что сам договор еще не был утвержден цинским императором. В дальнейшем Сисидо три раза направлял запрос в Палату внешних сношений, но утверждение договора так и не проследовало. 17 января 1881 г. Сисидо уведомил китайскую сторону, что ответственность за срыв договора будет лежать на китайской стороне, и покинул Пекин.

После провала официальных переговоров в Японии и Китае продолжали искать пути решения этой проблемы. В Японии стала формироваться немногочисленная группа, которая выступала против раздела Рюкю. Одним из ее членов был Уэки Эмори (публицист), который не считал необходимым идти на раздел и предоставление независимости неяпонской части бывшего королевства. Также стала популярной идея об увеличении военных расходов и подготовке к войне с Китаем. В самой Поднебесной возросли силы сторонников военного решения рюкюской проблемы, одним из которых был Лю Чанью (генерал-губернатор провинций Юньнань и Гуйчжоу). Чтобы снять возросшее напряжение между Китаем и Японией, было решено провести повторные переговоры...

Окончательно рюкюская проблема была снята уже после японо-китайской войны 1894-1895 гг., когда Япония юридически закрепила свое право владения этими островами.

Таким образом, Китай и Япония, достигнув конкретного решения по Рюкю на официальных переговорах, не смогли продвинуться дальше договоренностей и условностей. Цинское правительство упустило момент, когда Япония соглашалась передать часть своей территории без давления другой страны. Палата внешних сношений и Ли Хунчжан не приложили достаточных усилий и упорства для решения этой проблемы. Рюкю не было приоритетной внешнеполитической задачей для Китая и, как утверждал Ли Хунчжан, от этой территории «Китай не имел никакой выгоды». Китайская элита того времени не понимала зачем ей нужны эти острова, зачем нужно защищать маленькое островное королевство, которое было оккупировано Японией и фактически являлось её территорией. Но для Японии ценность Рюкю была очевидна. Правительство Мэйдзи в очередной раз пыталось использовать Рюкю в своих политических целях. Японские переговорщики старались обменять часть территории Рюкю на торговые приви-

легии в Китае. В конечном счёте, острова Рюкю или Окинава не принесли Японии большой выгоды, скорее, проблемы, которые японцы решают до сих пор.

XIX столетие стало переломным для королевства Рюкю. Первую угрозу его существованию принесли западные державы, часть из которых в 1850-х гг. поспешила заключить договоры о дружбе и мире с последним в обход сюзерена – Китая. От цинского правительства не последовало ответной негативной реакции. Такую же позицию Китай занял, когда чиновники из МИД и МВД Японии активно проводили реорганизацию королевства, а затем княжества Рюкю. Пассивное отношение к рюкюским событиям цинское правительство мотивировало наличием внутренних проблем и сложной международной обстановкой на западных и южных границах империи. Вассальные отношения с Китаем еще не предполагали оказания какой-либо помощи вассалу со стороны Поднебесной. Однако утратившая опыт дипломатического искусства часть рюкюской элиты наивно рассчитывала на получение военной помощи и поддержки от Китая. Другая же часть, надеялась на скорейшие перемены и модернизацию Рюкю. И те и другие ошиблись. В случае же гипотетического двустороннего раздела полуостров Рюкю, восстановленное на островах Сакисима, не просуществовало бы долго – рано или поздно эта территория снова стала бы камнем преткновения в японо-китайских отношениях.

Д.Л. МУШТА

ОСОБЕННОСТИ И СОДЕРЖАНИЕ ДОКЛАДНЫХ ЗАПИСОК ПО КИТАЙСКО-РОССИЙСКИМ ОТНОШЕНИЯМ ПЕРВЫХ ПЯТИ ЛЕТ ПРАВЛЕНИЯ ГУАНСЮЯ

Первое пятилетие правления императора Гуансюя (1875-1908) отмечено важными событиями в истории отношений Цинской империи с Россией. В это время вопросы, касавшиеся двухсторонней дипломатии, лежали в плоскости торгово-экономических и пограничных (в плане сохранения странами за собой определенных территориальных границ и участков) отношений. Картина развития китайско-российских связей представлена докладными записками (цзоучжэ). Они подавались через Цзюньцзичу (Военный совет) на рассмотрение императора* и содержали взгляды высших чиновников на ситуацию в стране, а также предлагали конкретные меры для эффективной администрации, поскольку после их утверждения (чжупи), цзоучжэ приобретали юридическую силу. Став со времен правления Юнчжэна (1722-1735) одним из основных методов осуществления политики, система докладных записок просуществовала вплоть до 1908 г.

Наиболее яркой спецификой обладают цзоучжэ, касавшиеся внешних сношений. Помимо сохранения классической структуры, содержания и стиля подобного рода документов, они отражают наиболее общую картину мировоззре-

* Все докладные записки периода правления Гуансюя направлялись на имя императрицы Цыси и подписывались ею же, либо князем Чунем. Исключение составляли лишь «100 дней реформ Гуансюя» 1898 г.

ния китайских чиновников. Так, в период с 1875-1877 гг. в отношении России и русских используется иероглиф «и» (варвар, иноземец) (Жун Цюань, октябрь, 1875), запрещенный для употребления в официальных документах 51-ой статьей англо-китайского Тяньцзиньского соглашения 1858 г. Важно, что в докладных записках Цзо Цзунтана в отношении России и русских используются нейтральные понятия. Стратегичность, употребление чэньюев и классических выражений также характерно для цзоучжэ этого периода. Одним из принципов политики в отношении внешних связей стал тезис «вэй юй чоу моу» (принимать заблаговременные меры) (И Жун, И ай, 1875). Это говорит о том, что китаецентричная модель мировоззрения сохранялась в сознании чиновников.

Содержательно докладные записки 1875-1880 гг. можно разделить на два основных направления, отражавших позиции группировок при цинском дворе: укрепление морской обороны и усиление западного фронта против России. В этот период, учитывая события Илийского кризиса, преобладают записки губернатора провинций Шэньси и Ганьсу Цзо Цзунтана и его военачальников Цзинь Шуня и Лю Цзиньтана. Значительно реже встречаются цзоучжэ той группировки, которая выступала за укрепление обороны восточного фронта, среди цзоучжэ, получивших одобрение императора, имеется всего лишь три документа. Они, в частности, посвящены обороне Маньчжурии и порядку размещения войск на этой стратегической территории. Наиболее подверженной опасности зоной считалась пров. Хэйлунцзян, поэтому здесь сановники Цинского дома Жун И и Жун Ай предлагали разместить 15 тыс. военных. Дальнейшее размещение исходило из критерия отдаленности от границы. Так, в пров. Цзилинь предлагалось разместить 10 тыс. военных, в Фэнтяне (Ляонин) – 8 тысяч.

Второй тематический блок цзоучжэ относится к илийскому вопросу. В 1875 г. цинские чиновники были озадачены миграцией населения из Или в Чугучак, из-за чего бывший илийский губернатор Жун Цюань предложил вести строгий учет населения в Чугучаке, а также, «дабы не дать пропасть населению из Или, необходимо выплачивать дополнительную компенсацию всем бежавшим в Чугучак». В дальнейшем записки посвящены вопросу возврата Или и выдачи предводителя дунганских повстанцев Бай Яньху, который скрывается в пределах России после подавления восстания. На эти требования вплоть до 1878 г. Цзо Цзунтан, Лю Цзиньтин и Цзинь Шунь получали лишь отказ. Тогда Цзинь Шунь по приказу Цзо Цзунтана отправил посольство к военному губернатору Семиреченской области Г.А. Колпаковскому, чтобы разрешить вопрос о возвращении Илийского края. Однако посольство оказалось неудачным из-за отказа Колпаковского решать вопрос на местном уровне (Цзинь Шунь, 29 апреля 1878). В этой же записке Цзинь Шунь предложил ускорить принятие решения о возвращении края посредством давления на русскую сторону в отношении вопросов сухопутной торговли. Последующие записки касались Ливадийского договора, критики в адрес посольства Чун Хоу, а также действий Цзо Цзунтана по разрешению военным способом невыгодной для Китая ситуации. Чтобы обеспечить преимущество на переговорах, Цзо Цзунтан в мае 1880 г. занял Хами.

Таким образом, докладные записки 1875-1880 гг., касавшиеся китайско-российских отношений, сохранили ряд особенностей внутренних секретных документов и, затрагивая основные проблемы двусторонних отношений в этот период, представляют богатый материал для дальнейших исследований.

Л.Е. КОЗЛОВ

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Международная экономическая интеграция с течением времени неуклонно повышает зависимость суверенного государства в проведении внутренней политики от состояния дел в мировой экономике. Внешние факторы способны как препятствовать достижению национальным правительством поставленных целей, так и усиливать результативность государственной политики, в случае благоприятной для страны конъюнктуры на мировом рынке или же ее быстрой адаптации к изменяющимся условиям.

В крупных по территории странах одним из важнейших направлений деятельности правительства является региональная политика. В XX в. она оставалась сугубо внутренним делом, направленным на стимулирование развития отдельных областей, выравнивание их общего уровня. В начале XXI в., по причине предельной специализации стран мира на производстве определенных товаров и услуг, развивать регионы исключительно за счет внутренних резервов стало практически невозможно. Необходимым условием подъема территориальной экономики является выход местных предприятий на внешние рынки. В связи с этим региональная политика России все чаще вступает в соприкосновение с интересами зарубежных стран. Это явление особенно выражено в пограничных субъектах Федерации, а также в областях, богатых природными ресурсами, на экспорте которых Россия специализируется в мировом хозяйстве.

Внешняя политика может усиливать результативность региональной политики, если двусторонние отношения носят дружественный характер. Противоречия между странами, напротив, препятствуют координации усилий в деле регионального развития. В начале XXI в. региональная политика России на Дальнем Востоке приобрела высокую интенсивность. В пределах округа реализуется несколько федеральных целевых программ, в том числе адресованные непосредственно региону: «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года» (включая подпрограмму «Развитие города Владивостока как центра международного сотрудничества в АТР») и «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2007-2015 годы». В отличие от 1990-х годов, когда федеральные программы хронически недофинансировались и порождали долгострой, сегодня целый ряд важнейших инфраструктурных объектов введен в эксплуатацию или близок к этому (например, автодороги «Колыма» и «Амур», нефтепровод ВСТО, газопровод Сахалин – Хабаровск – Владивосток, Бурейская ГЭС и др.). Одновре-

менно федеральный центр пытается укреплять единство экономического пространства России.

Поскольку Россия тесно встроена в мировую экономику, искусственное стимулирование развития отдельных регионов (особенно, меры по замещению импорта и подъему отечественного производства) вступает в противоречие с интересами зарубежных компаний. Правительства стран, где они базируются, склонны защищать интересы своих производителей. В таких условиях одной из важных задач внешней политики становится достижение согласия по спорным вопросам экономического регулирования, поиск решений, приносящих обоюдную прибыль. С течением времени правительства конкурирующих держав осознают полезность компромисса. В мировой практике возникают прецеденты согласования регионального развития между различными державами. Россия впервые приступила к подобной координации, подписав в 2009 г. Программу сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР.

Преобладающее влияние на экономику дальневосточных регионов России оказывают страны СВА. Зависимость региональной политики от состояния международных отношений наиболее рельефно выражается в случае Японии. Российско-японские отношения характеризуются негативной динамикой. Япония сохраняет претензии на Курильские острова; территориальный вопрос в настоящее время не обсуждается, ввиду неготовности сторон к взаимоприемлемому решению. При возникновении экономических противоречий правительство России, как правило, игнорирует позицию Японии. Под жестким давлением Москвы российская компания «Газпром» получила контрольный пакет акций в консорциуме с японским участием «Сахалинская энергия» на завершающем этапе освоения нефтяных месторождений на шельфе Сахалина. При необходимости Россия устанавливает протекционистские барьеры на пути импорта японских товаров. Закономерным следствием этой линии стало снижение доли Японии в импорте дальневосточных регионов с 1/3 в 2008 г. до 1/10 в 2009 г.

Отношения России с Южной Кореей развиваются в позитивном ключе, проявлением чего стала взаимная либерализация визового режима. Именно Южная Корея лидирует среди азиатских стран по объему инвестиций в российский Дальний Восток. Правительство России привлекло южнокорейскую корпорацию «Daewoo» к реализации федеральной программы развития судостроения на Дальнем Востоке: при корейском участии будет построена новая верфь в Приморье. В то же время отношения с Северной Кореей фактически свернуты по причине агрессивной политики КНДР в ядерном вопросе. Как следствие, план строительства Транскорейской железной дороги с выходом на Транссибирскую магистраль, обещавший радужные перспективы дальневосточной транспортной системе, положен под сукно.

Среди стран СВА наиболее сложные и многоплановые отношения связывают Россию и Китай. С одной стороны, они находятся на самом высоком уровне за всю историю: пограничные вопросы урегулированы в договорном порядке,

высшие руководители держав встречаются несколько раз в год на регулярной основе, дипломаты согласуют свои позиции по важнейшим международным вопросам. С другой стороны, многие проекты регионального развития Дальнего Востока и Забайкалья инициированы опасениями в адрес Китая. Тревогу федерального центра вызывают иммиграция китайских граждан на Дальний Восток, доминирование китайских товаров на местном рынке, деградация в регионе ряда отраслей промышленности и сельского хозяйства, чья продукция не может конкурировать с китайскими товарами по цене. В связи с этим правительство России периодически предпринимает меры таможенно-тарифного регулирования и стимулирования внутреннего производства, наносящие ущерб приграничной торговле. Впрочем, общий вектор экономического сотрудничества все же определяется высоким уровнем политических отношений, а именно: обе державы даже в сложных ситуациях проявляют готовность к компромиссу, поэтому региональная политика России не привела к снижению влияния Китая на экономику Дальнего Востока.

Существует также обратное влияние региональной политики на внешнюю политику. Регулирование развития Дальнего Востока решает несколько общегосударственных внешнеполитических задач, как-то: географическая диверсификация экспорта энергоносителей с запада на восток, повышение добавленной стоимости в экспортируемых товарах и расширение присутствия России на мировом рынке, развитие таможенного союза с Казахстаном и Белоруссией и другие. Создание Дальневосточного федерального университета преследует одной из целей укрепления позиций российской культуры в Восточной Азии. Региональная политика используется для усиления России в международных спорах. Позитивная социально-экономическая ситуация в регионе, интересующем зарубежные державы, снижает его зависимость от внешних факторов и расширяет пространство для маневра отечественной дипломатии в ходе переговоров. Именно таким ответом на японские претензии стала программа развития Курильских островов.

Региональная и внешняя политика имеют собственные цели и методы, поэтому их взаимное наложение усложняет выработку единой политической линии. Учитывая глубокую вовлеченность Дальнего Востока в международные процессы, такая интерференция представляется неизбежным явлением, которое вынуждает государство к переосмыслению и модернизации инструментария, обеспечивающего присутствие России в АТР.

С.А. ИВАНОВ

ЭВОЛЮЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ: ШАНСЫ И УГРОЗЫ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

С 1978 г. Китай начал проводить политику реформ и открытости, которая кардинально изменила не только облик страны, но и всю международную архитектуру. Отказ от идеи самодостаточности и встраивание страны в мировую

систему спровоцировали стремительный экономический рост, который, в свою очередь, стал фактором эволюции геополитических интересов Китая. Их основным содержанием стало максимальное использование международных отношений для нужд внутреннего экономического развития и обеспечения национальной безопасности. Однако с начала 90-х гг., с ростом китайской экономики и международного влияния, эта, вполне мирная, установка китайского руководства в большинстве стран мира стала восприниматься как угроза, которая постепенно была облачена в целую теорию («теория китайской угрозы»). Геополитические же интересы Китая стали трактоваться как экономическая и демографическая экспансия по всему миру, «захват» мировых ресурсов и даже цивилизационный вызов Западу.

Такая трактовка китайских геополитических интересов часто характерна и для России. В большинстве своем она связана с угрозой утраты контроля Москвы над граничащими с Китаем Дальним Востоком и Сибирью. Адекватное понимание того, какие сдвиги в геополитических интересах происходят в Китае, и позитивны или негативны они для российских территорий, является гарантом будущего развития дальневосточных окраин России. За последние три десятилетия можно выделить несколько больших сдвигов в геополитических интересах страны, которые затрагивают интересы Дальнего Востока.

Эволюция политики добрососедства. В 80-х – начале 90-х гг. XX столетия настоящая концепция распространялась только на близлежащие страны в целях обеспечения региональной и пограничной стабильности. Ее значение передавала установка китайских руководителей - «богатый сосед, мирный сосед, безопасный сосед». С конца 1980-х гг. для восточных районов России Китай стал гарантом социальной стабильности, обеспечив российское население окраин дешевым ширпотребом и продуктами питания.

С 90-х годов XX в. настоящая концепция трансформировалась в стратегию «глобального добрососедства», распространившись на все мировое пространство. Она, в сущности, не нивелировала важность развития контактов с приграничными территориями других стран, однако даже пограничные территории самого Китая стали смотреть на международное сотрудничество более «глобально». Например, в настоящее время традиционно ориентированная на Россию провинция Хэйлунцзян «видит» себя потенциальным центром СВА и старается развивать отношения не только с Дальним Востоком России, все больше обращая внимание на Японию, Южную Корею, Тайвань, США и т.д. В конце 2009 г. директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук КНР Син Гуанчэн, один из ведущих русоведов Китая, высказал мнение о том, что Северо-Восток Китая должен развивать сотрудничество преимущественно с центральной и европейской частью России, так как отношения с Дальним Востоком РФ не перспективны.

Эволюция подходов к обеспечению сырьевой (в большей степени, энергетической) безопасности. С 1993 г. Китай превратился в нетто-импортера нефти. Это подтолкнуло Поднебесную к поиску новых источников и диверсификации

рынков сбыта энергоносителей. В настоящее время Китай пытается снизить зависимость поставок энергоресурсов из Ближнего Востока. Помимо Африки и Центральной Азии одним из потенциальных рынков сбыта нефти для Китая является Сибирь и Дальний Восток РФ.

В настоящее время в России крайне сильно убеждение в том, что дальневосточные территории экономически зависимы от Китая и окончательно стали его сырьевым придатком. По экспорту дальневосточного сырья Китай традиционно уступает Японии и Южной Корее. Китайские инвестиции на Дальнем Востоке, хотя и вызывают беспокойство своим низким качеством, не сосредоточены в стратегических областях экономики и крайне незначительны, на протяжении нескольких лет занимая около 1% всех иностранных инвестиций на Дальнем Востоке и Забайкалье. Их распределение ограничивается в основном сферой торговли, строительства, услуг, сельского хозяйства и в незначительном количестве в добыче полезных ископаемых.

Превращение Китая в мировую державу видоизменяет его геополитические интересы, диктует необходимость получения доступа к мировым ресурсам и создания безопасной обстановки уже не только непосредственно на границе с КНР, но и в мире в целом. Тем не менее, нельзя говорить о какой-либо экспансии Китая в отношении Дальнего Востока России.

Д.В. БУЯРОВ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КИТАЙСКОЙ МИГРАЦИИ В РАКУРСЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

В настоящее время в различных странах мира насчитывается от 30 до 40 млн. выходцев из Китая, более 90% из которых проживает в Азии. Китайцы, живущие в других странах, составляют самую крупную этническую диаспору в мире. Кроме того китайские мигранты стремятся к сохранению своих этнокультурных особенностей. В результате в большинстве стран, даже те из китайских мигрантов, кто получил гражданство страны проживания, продолжают восприниматься как иностранцы китайского происхождения. Китайская миграция, как явление и процесс, в силу своих масштабов, характера и значимости все чаще оценивается сквозь призму общественного мнения.

Международные миграционные процессы часто рассматриваются в контексте безопасности. Нередко именно стремление к безопасности и стабильности оказывают влияние на отношение коренного населения к мигрантам. В тех странах, где сложились традиции принятия мигрантов, а большинство граждан не видят в них конкурентов для себя, отношение к мигрантам является толерантным. Россия же, в отличие от большинства зарубежных стран, не имеет объективных условий для цивилизованного приема мигрантов, поскольку в прошлом имела место запретительная миграционная политика.

Даже при терпимом отношении китайские диаспоры воспринимаются как нечто экзотическое, в первую очередь в силу особенностей культуры. Часто ди-

аспоры сохраняют определенную замкнутость, вытекающую из культурной, этнической, языковой и правовой отчужденности. Как показывают результаты социологических исследований, группы китайских землячеств и местного населения не настроены на установление близких отношений между собой, но при этом отторжение со стороны коренного населения сильнее.

Большую роль в формировании общественного мнения играют СМИ. Частое использование в РФ информации об угрозе китайской экспансии, повлияло на формирование определенной позиции.

Восприятие образа страны проецируется на её граждан. Результаты опроса Pew Global Attitudes Project, проведенного в 2009 г. в 25 странах, показали, что средний рейтинг популярности Китая составляет 47%. Средний процент оценивших Китай и китайцев положительно в таких странах как Канада, Англия, США составил – 50%, в России – 58%.

В пяти государствах число людей, полагающих, что Китай оказывает негативное влияние на ситуацию в их стране, превышает тех, кто придерживается противоположной точки зрения. В эту группу входят Южная Корея, Турция, Франция, Германия и Япония, которая лидирует с 69%.

Китайская миграция динамична и подвержена изменениям, что отражается и на изменении общественного мнения. Под воздействием рыночных реформ и в связи с растущей мобильностью населения масштабы миграционных потоков из Китая возрастают. Так, в последнее время международными мигрантами становятся свыше 10 млн. китайских граждан ежегодно. В последние два десятилетия внутренний характер китайской миграции начинает меняться. Это уже не только движение гастарбайтеров и мелких предпринимателей, но и квалифицированная и хорошо интегрированная в экономическом плане китайская молодежь. Значительная часть китайских студентов, стремящихся получить образование за рубежом, являются представителями компаний своих семей. Параллельно с получением высшего образования, они приобретают опыт дальнейшей работы, а также осуществляют торговое представительство.

Миграционные потоки находятся в прямой зависимости от целей, установок, статуса, образования китайских мигрантов и времени их пребывания на иностранной территории. Также следует учитывать масштабы легальных миграционных потоков и численность (пусть и приблизительную) тех, кто пересекает границы государств незаконно, либо нарушает законодательство с целью более длительного нахождения за рубежом. Нелегальная миграция из Китая, особенно сопряженная с риском для жизни и трагическими случаями, привлекает внимание не только мировой общественности, но и китайских граждан. Несколько крупных инцидентов нашли отражение в китайской прессе. Так, например, в октябре 2001 г. при попытке нелегально переправиться из Китая погибли от удущья в трюме судна 25 выходцев из пров. Фуцзянь.

Рост экспорта трудовых услуг из КНР часто сопровождается нелегальной миграцией. По данным Международной организации по миграции, только в США ежегодно прибывает от 25 до 50 тыс. китайских граждан, не имеющих

законного статуса. Во многом подобная ситуация характерна для китайской миграции в ряд других развитых стран и в Россию. Данная динамика также оказывает влияние на отношение к китайским мигрантам. Для западных стран с высокой степенью правовой культуры, уже само понятие «нелегальная миграция» вызывает негативное отношение. Для российского общественного мнения главное значение имеет не факт незаконности, а в большей степени опасения демографической экспансии.

На восприятие гражданами других государств китайских мигрантов оказывают влияние не только объективные показатели развития страны, но и устоявшиеся культурные стереотипы, различия в оценке социо-политических ценностей. По социологическому опросу, проведенному Би-Би-Си в разных странах, большинство опрошенных считают китайцев в целом современными и дружелюбными, но, в то же время, угнетаемыми людьми. Подобное восприятие может оказывать влияние на смягчение и более участливое отношение к китайцам за рубежом. При этом оценки со стороны китайских граждан могут быть противоположными. Согласно зарубежному опросу 95% китайцев оценивают ситуацию в КНР благоприятно.

Именно культурные различия заставляют видеть в китайских мигрантах чужаков. Согласно мультикультуральной теории иммигрантские этнические общины приобретают равное положение во всех средах общества, при условии принятия его ключевых ценностей. В то же время китайские мигранты далеко не всегда следуют нормам иностранной культуры, что и вызывает ответную реакцию иностранного общества. Местное население может навешивать на китайских мигрантов ярлыки (что довольно часто и происходит) основываясь на конкретном восприятии. При этом в условиях внешней маргинализации мигранты могут «переопределять» себя этнически. Не случайно западные исследователи выделяют в миграции как явление тенденцию противопоставления субъективного фактора объективному (воздействующим на мигрантов структурам и институтам). Но как свидетельствует мировой опыт, китайские мигранты в своей массе чрезвычайно медленно ассимилируются местным населением.

На сегодняшний день Китай остается одним из важнейших источников международной миграции. При этом мировой опыт заключается в том, что миграционная политика поощряет приезд китайцев. В России постепенно растет осознание полезности китайских мигрантов. Но в общественном мнении, которое не всегда совпадает с позицией правительства, по-прежнему сохраняется проблема этнокультурных различий. Именно она должна решаться благодаря более близкому знакомству и взаимодействию различных культур.

Е.Н. ПЕТЕЛИН

РАЗВИТИЕ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ КИТАЯ КАК СФЕРА СОТРУДИЧЕСТВА С РОССИЕЙ

Стратегическое решение развивать атомную энергетику, было принято китайским руководством в конце 1970-х гг. Оно отвечает общей тенденции, обозначившейся в Северо-Восточной Азии: и Япония, и Южная Корея рассматривают атомную энергетику в качестве одного из важнейших направлений решения энергетических проблем. В «Программе действий по устойчивому развитию Китая в начале XXI в.», принятой 5 февраля 2007 г., отмечается необходимость перехода на «чистые» источники энергии, в том числе атомную энергетику.

Китай планирует довести мощность всех АЭС в стране до 60 ГВт из планируемых 1000 ГВт совокупной мощности. В 11-й пятилетний план включены положения по охране окружающей среды, которые предусматривают 20% снижение энергопотребления на одну единицу ВВП. Это предполагает большую опору на атомную энергетику. Уже сейчас атомная энергетика играет важную роль в экономике Китая, хотя лишь 1,9% производимой мощности энергетики приходится на АЭС. Это объясняется тем фактом, что гражданский сектор атомной энергетики в материковом Китае начал развиваться достаточно поздно. При этом Китай сразу стал привлекать иностранные компании для строительства АЭС. Сегодня Китай имеет соглашения о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии уже с 17 государствами (Австралией, Аргентиной, Бельгией, Бразилией, Великобританией, Вьетнамом, Египтом, Ираном, Канадой, Пакистаном, Россией, США, Францией, ФРГ, Швейцарией, Южной Кореей и Японией).

В настоящий момент в Китае в общей сложности эксплуатируются 11 реакторов совокупной мощностью приблизительно 8,6 ГВт (см. табл. 1). Из них три реактора китайского производства, два – канадского, четыре – французского и два – российского (водо-водяные реакторы ВВЭР-1000). Реакторы «Лингао» хоть и имеют китайскую маркировку, основаны на французских технологиях, при этом степень локализации с каждым разом растет, если вначале она составляла 30%, то сегодня новые энергоблоки строятся по французским технологиям с уровнем локализации порядка 75%.

Китай активно проводит переговоры с иностранными корпорациями, такими как американская «Westinghouse», французская компания «Aegva» и российская компания ЗАО «Атомстройэкспорт» по вопросу строительства АЭС. Эти три компании с 2006 г. стоят в списке приоритетных участников в новых тендерах.

Самый крупный китайско-российский проект – АЭС «Тяньвань» (ТАЭС), осуществленный в рамках межправительственного соглашения от 18 декабря 1992 г. Результатом успешного выполнения российской компанией обязательств по сооружению первой очереди станции стало принципиальное соглашение между ЗАО «Атомстройэкспорт» и Цзянсуской ядерной энергетической корпорацией (JNPC) о сооружении второй очереди ТАЭС, подписанное 6 ноября 2007 г. В настоящее время готовится проект межправительственного российско-китайского соглашения по строительству третьего и четвертого блоков станции. 17 октября 2008 г. в Пекине состоялось уже 12-е заседание российско-китайской Подкомиссии по ядерным вопросам в рамках Комиссии по подготовке регуляр-

ных встреч глав правительств РФ и Китая. В октябре 2009 г. Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом» и Китайская корпорация ядерной промышленности подписали протокол, в котором подтвердили намерение продолжать сотрудничество в сооружении второй очереди ТАЭС. Как ожидается, ТАЭС станет самым крупным ядерно-энергетическим производством страны, в составе которого будет восемь энергоблоков общей мощностью 10 ГВт.

Основным камнем преткновения сегодня является неперемное условие передачи технологий, выдвигаемое китайской стороной иностранным корпорациям, строящим АЭС на китайской территории. Возможно, именно это требование стало причиной того, что «Атомстройэкспорт» принимал лишь формальное участие в тендере на строительство АЭС в КНР в декабре 2006 г., когда в конкурсе на поставку реакторов победил «Westinghouse». Кроме того, «Атомстройэкспорт» просто перегружен внешними заказами, поскольку является единственной в мире компаний, которая одновременно сооружала 7 энергоблоков за пределами своей страны (2 энергоблока АЭС «Тяньвань» в Китае, 2 энергоблока АЭС «Куданкулам» в Индии, 1 блок АЭС «Бушер» в Иране и 2 энергоблока АЭС «Белене» в Болгарии).

Российская сторона отказывается передавать технологии строительства АЭС. Во-первых, при передаче технологии строительства реакторов ВВЭР-1000 не исключена временная потеря Россией атомного рынка Китая, поскольку дальнейшее строительство комплекса ТАЭС Китай сможет осуществлять самостоятельно, как в настоящий момент уже происходит с американскими реакторами AP-1000. Во-вторых, руководство компании «Атомстройэкспорт» беспокоит то, что китайская сторона сможет наладить свой экспорт реакторов ВВЭР-1000.

Китай и Россия осуществляют сотрудничество в сфере обогащения. Так, на основе соглашения от 1992 г., Россия построила в КНР газоцентрифужный завод по обогащению урана. В рамках Соглашения и Дополнительного протокола к нему от 1996 г. на территории КНР было завершено строительство трех очередей газоцентрифужного завода по российской технологии (в городах Ханьчжун и Ланьчжоу). 6 ноября 2007 г. генеральный директор ОАО «Техснабэкспорт» А.А. Григорьев и президент «China Nuclear Energy Industry Corporation» Чэнь Синьян подписали рамочное соглашение об оказании технического содействия Китаю в сооружении четвертой очереди газоцентрифужного завода. Работа в данной области продолжается, однако дополнительное соглашение о передаче технологий не подписано. С 2010 г. «Техснабэкспорт» также начнет поставки урановой продукции в Китай. Соглашение рассчитано на 11 лет.

Китай рассчитывал принять участие в строительстве на территории России первой в мире плавучей АЭС. Помимо привлечения кредита в размере 400 млн. руб. с китайской стороны участие КНР должно было выразиться в том, что именно на китайской верфи планировалось построить корпусную часть судна для плавучей АЭС. В 2005 г. шла речь о подписании контракта на 85 млн. руб. с верфью. Однако российская сторона отказалась от договора и на сегодняшний день плавучая АЭС строится Россией без участия Китая. Одной из перспектив

сотрудничества является сооружение китайского экспериментального реактора на быстрых нейтронах. В ближайшее время планируется сооружение демонстрационных станций мощностью 800 МВт.

Можно сказать, что сотрудничество с Россией занимает особую нишу в развитии атомной энергетики КНР. При этом важно помнить о китайской политике опоры на собственные силы с привлечением иностранных технологий. В будущем Китай намерен полностью отказаться от помощи иностранных государств в строительстве своих АЭС и наладить собственный экспорт технологий атомной энергетики. Уже сейчас Китай строит АЭС в Пакистане. Тем не менее, вряд ли можно говорить о выходе КНР в важнейшие игроки на глобальном ядерном рынке даже в среднесрочной перспективе. Для России же важно не упустить эту нишу реального взаимодействия с Китаем.

Таблица 1. Действующие АЭС Китая

АЭС	Провинция	Тип	Реальная мощность одного реактора	Начало эксплуатации	Изготовитель
Циньшань 1	Чжэцзянь	PWR	288 МВт	1991	КНР
Дая Бэй 1 и 2	Гуандун	PWR (M-310)	944 МВт	1994	Франция, «Framatome»
Циньшань 2 и 3	Чжэцзянь	PWR (CNP-600)	610 МВт	2002, 2004	КНР
Лингао 1 и 2	Гуандун	PWR (CPR-1000)	938 МВт	2002, 2003	Франция, «Framatome»
Циньшань 4 и 5	Чжэцзянь	PHWR (CANDU-6)	650 МВт	2002, 2003	Канада, AECL
Тяньвань 1 и 2	Цзянсу	PWR (ВВЭР-1000)	1000 МВт	2007	Россия, «Атомстройэкспорт»
Всего: 11			8572 МВт		

Д.А. БОРИСОВ

СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РАМКАХ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

В настоящее время все большую актуальность в глобальном масштабе приобретают проблемы экологии. Итоги конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. можно считать своеобразным пределом, когда человечество осознало всю важность и срочность решения глобальной проблемы загрязнения окружающей среды.

Единственно возможный путь для борьбы с экологическим кризисом – это

построение международной системы экологической безопасности в рамках формирования нового типа взаимоотношений человека и природы, новых форм сотрудничества на основе добрососедских и партнерских отношений между странами и народами. Сотрудничество в сфере экологии в формате региональных организаций должно стать базисным элементом будущей глобальной системы.

Положительным примером регионального сотрудничества в области обеспечения экологической безопасности может служить деятельность Шанхайской организации сотрудничества. С самого начала организация включила в перечень направлений своей деятельности курс на обеспечение рационального природопользования, включая использование водных ресурсов в регионе, осуществление совместных специальных природоохранных программ и проектов. Данные пункты отражены в 3 статье Хартии ШОС. В дальнейшем ШОС поэтапно подтверждала свою готовность вносить активный вклад в развитие рациональной политики природопользования и охраны окружающей среды.

Зоны экологической угрозы в пределах общих границ стран ШОС

1. Наиболее остро звучит трагедия Аральского моря. На сегодняшний день она перешла из разряда экологической проблемы в категорию экологического бедствия. Сегодня резко сократилась площадь моря, из-за обмеления значительно выросла соленость, а также загрязненность вод сельскохозяйственными удобрениями и пестицидами. Это привело к вымиранию многих видов флоры и фауны. Участились пылевые бури. Солевые и ядовитые отложения с обнаженных участков озерного дна переносятся на поля, что приводит к деградации почв. Страдает население Приаралья: постоянно растет безработица, так как пришло в упадок сельское хозяйство, закрылись порты, а озеро потеряло рыбохозяйственное значение. Seriously ухудшилось здоровье населения: участились случаи респираторных заболеваний, анемии, рака гортани и пищевода, других болезней. Возросла детская смертность. Усыхание столь большого озера снизило его регулирующее влияние на климат, сделав зимы значительно холоднее, а летние месяцы жарче и суше.

В начале 90-х годов XX в. страны региона признали, что экологическая обстановка вокруг Арала становится критической. В связи с этим в 1993 г. было подписано соглашение между Казахстаном, Кыргызстаном, Туркменистаном, Таджикистаном, Узбекистаном и Россией (в качестве наблюдателя) о Совместных действиях по решению проблемы Аральского моря и Приаралья, экологическому оздоровлению и обеспечению социально-экономического развития Аральского региона. В том же году был создан международный Фонд спасения Арала. В течение ряда лет Фондом прилагаются значительные усилия по смягчению негативных последствий высыхания Аральского моря.

2. Бассейн водосбора Амура составляет более 1,8 млн. кв. км российской, китайской и монгольской земли. По его фарватеру проходит около 3000 км государственной границы между Россией и Китаем. Здесь проживает около тридцати разных народов и этнических групп. В настоящее время р. Амур является одной

из наиболее загрязненных рек России. Экологически неадаптированное природопользование в регионе привело к деградации экосистемы бассейна Амура практически во всех районах как российской, так и китайской частей бассейна. Самыми загрязненными являются Нижнеаргунский, Сунгаринский и Комсомольский участки Амура. Общий объем сбросов неочищенных промышленных и коммунальных стоков в водотоки бассейна Амура составляет с российской стороны около 800 млн. куб. м, а с китайской до 15 млрд. куб. м.

Данные факты говорят о необходимости скорейшего реагирования в этой области. Во-первых, необходимо разработать эффективную внутреннюю политику государства, для чего требуется:

- скорейшее рассмотрение и принятие федерального закона «О рациональном природопользовании в бассейне р. Амур и устойчивом развитии Приамурья»
- разработать федеральную программу по восстановлению экологии Амура и обеспечить её необходимой материальной поддержкой
- разработать эффективную программу налогового послабления для предприятий, которые осуществляют экологически направленную хозяйственную деятельность, и принять противоположные действия в отношении предприятий, игнорирующих соблюдение экологической безопасности.

Во-вторых, необходимо углубление международного сотрудничества. Первый шаг уже сделан, 29 января 2008 г. было подписано межправительственное соглашение между Россией и Китайской Народной Республикой о сотрудничестве в области охраны и рационального использования трансграничных водных объектов. На основе этого соглашения Россия в рамках ШОС инициировала проект по созданию механизма экологического страхования на территориях стран Шанхайской организации. В новом тысячелетии актуальность экологического направления будет возрастать с каждым годом.

Наиболее значимыми для Шанхайской организации являются следующие направления деятельности:

- координация общих усилий в обеспечении экологической безопасности
- разработка и унификация правовой базы в экологической сфере
- развитие страховой системы, в частности, страхование экологических рисков

В 2008 – 2009 гг. Деловой совет ШОС активизировал свою деятельность в области страхования. Были проведены два мероприятия: 1-ая Международная конференция «Страховое обеспечение социально-экономического сотрудничества стран-членов ШОС» в 2008г. и круглый стол Делового Совета ШОС «Состояние и перспективы перестраховочного рынка ШОС» в 2009 г.

По итогам этих мероприятий разработаны «Методические рекомендации по организации и проведению регионального пилотного проекта по экологическому страхованию», включающие «Правила страхования ответственности за вред окружающей среде, причиненный субъектом хозяйственной и иной деятельности». Тем самым стартовал первый этап развития рынка услуг страхования в решении трансграничных проблем и проблем приграничных территорий. В пилотном проекте предполагается решение следующих задач: отра-

ботка механизма взаимодействия хозяйствующих субъектов, государственных структур, экспертных организаций, страховых компаний при заключении договора страхования, его сопровождении и урегулировании убытков в случае реализации экологических рисков на национальном и межгосударственном уровне. Конечным результатом проекта является создание механизма предупреждения и гарантированного возмещения экологического вреда по обе стороны Амура.

И.В. ОЛЕЙНИКОВ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ И КНР В МЕЖДУНАРОДНЫХ ФОРМАТАХ АТР

Взаимодействие Новой Зеландии и КНР в международных форматах началось во второй половине XX в. Еще в 1950-60-х гг. страны сотрудничали в рамках ООН по вопросам дипломатического признания коммунистического правительства Мао Цзэдуна и изгнании из ООН представителей националистического Тайваня. В результате изменения международной обстановки, под воздействием процессов разрядки в отношениях сверхдержав, нарушения традиционных внешнеэкономических связей с Великобританией в результате ее вступления в «Общий рынок», сложной внутривнутриполитической ситуации в стране, ухудшавшейся под влиянием мирового экономического кризиса, внешняя политика Новой Зеландии существенно активизировалась. В последней четверти XX в. политические, экономические и стратегические интересы Новой Зеландии и КНР сконцентрировались в АТР, усилилось их сотрудничество с региональными международными организациями и интеграционными объединениями.

Как лейбористское, так и национальное правительство Новой Зеландии, начиная политику реализации многовекторной дипломатии, рассчитывали на развитие внешнеэкономических связей страны, диверсификацию торговых контактов. Важная роль в этом процессе отводилась участию в региональных интеграционных группировках, которые рассматривались как более быстрый путь к эффективному экономическому сотрудничеству. Новая Зеландия вошла в состав Азиатского банка развития, начала участвовать в торгово-экономических связях со странами АСЕАН. Большое внимание новозеландское правительство уделяло и традиционной сфере притяжения своих интересов – южной части Тихого океана. В августе 1971 г. Новая Зеландия и шесть государств юго-западной части Тихого океана создали новое интеграционное объединение – Южнотихоокеанский Форум (ЮТФ), нацеленный на интенсификацию региональной торговли. С его помощью Новая Зеландия рассчитывала укрепить стабильность в регионе путем расширения своего присутствия на островах Тихого океана.

Деятельность в рамках одного из важнейших интеграционных объединений региона – АТЭС, также существенна для Новой Зеландии, пытающейся расширить экономическое взаимодействие со странами АТР, участие в работе организации дает ей выход на ряд закрытых рынков стран региона. Так, до подписания соглашения о свободной торговле 2008 г. для Новой Зеландии и Китая соотруд-

ничество в АТЭС было крайне необходимо для решения текущих торговых проблем. В 1999 г. Новая Зеландия являлась страной-председателем АТЭС, и отвечала за организацию работы этой организации и проведение официальных встреч в рамках саммита в Окленде.

Рассматривая участие КНР в интеграционных объединениях АТР, необходимо отметить, что подход Китая к таким международным организациям как АТЭС и АСЕАН вследствие изменения внешнеполитической стратегии страны подвергся существенной корректировке. Так, к примеру, в годы культурной революции АСЕАН резко критиковалась как империалистическая организация, нацеленная своим острием против Китая.

После прихода к власти прагматического крыла КПК, правительство Дэн Сяопина начало осуществление «политики открытости», что повлияло на изменение внешнеполитических приоритетов страны. Агрессивные лозунги эпохи Мао были сняты с повестки дня, контакты с внешним миром стали расширяться. Руководство КНР стало ориентироваться на установление и поддержание долговременных политических и экономических отношений со странами Запада и ЮВА. Соответственно, во внешнеполитической риторике правительства КНР изменялись оценки региональных интеграционных группировок Азии, в частности, возрастало значение АСЕАН и АТЭС как важной зоны экономической стратегии Китая, источника технологий, контактов в области науки. Вместе с тем, в отношениях КНР и стран АСЕАН вплоть до настоящего времени сохраняются территориально-пограничные проблемы, связанные, в первую очередь с претензиями государств региона на острова архипелага Спратли.

В 1980 г. КНР заняла место Тайваня в МВФ и Всемирном Банке, а в 1986 г. присоединилась к группе стран-участников Азиатского банка развития. В том же 1986 г. КНР, являвшаяся наблюдателем комиссии ГАТТ по текстилю, членом Совета ГАТТ, подала заявку на участие в работе ГАТТ на постоянной основе. Новая Зеландия активно способствовала быстрому вхождению Китая в ГАТТ, содействовала обучению китайских чиновников.

Новая Зеландия и КНР взаимодействуют и в рамках АРФ – Регионального форума АСЕАН, основанного в 1995 г., что позволяет им с помощью превентивной дипломатии эффективно решать проблемы, связанные с вопросами безопасности в АТР.

Таким образом, к концу 1980-х гг. в результате реализации «политики открытости» в отношениях между КНР и интеграционными объединениями ЮВА исчезла настороженность и конфронтационная напряженность, базировавшаяся на идеологическом противостоянии. Стороны стали искать общие точки соприкосновения в экономической плоскости, пытаясь извлечь из них максимальную выгоду. Новозеландские внешнеполитические аналитики внимательно следили за активизацией КНР в регионе. Еще в 1976 г. заместитель премьер-министра Новой Зеландии Б. Тэлбойз во время своего визита в Сингапур отметил: «Мы наблюдаем, как Китай укрепляет свои контакты в регионе на правительственном уровне. Для Новой Зеландии является важным желание китайской стороны

вступить в нормальные и конструктивные отношения с государствами региона». Поступательное развитие отношений КНР со странами АСЕАН привело к тому, что в начале XXI в. стороны разрабатывают соглашение о свободной торговле. Его необходимость вызвана тем, что экономики стран АСЕАН в настоящее время являются пятым по величине торговым партнером Китая. Предусматривается, что реализация соглашения должна осуществляться в рамках общей зоны свободной торговли стран АСЕАН (АФТА).

Примечательно, что с 1970-х гг. Новая Зеландия и КНР стали проводить активную внешнюю политику в АТР, в первую очередь в Юго-Восточной Азии. С этого времени укрепление связей с данным интеграционным объединением стало предметом консультаций во время встреч новозеландских и китайских официальных делегаций. В настоящее время страны АСЕАН являются важным экономическим партнером КНР. Так, по состоянию на 1 декабря 2005 г. общий торговый оборот КНР со странами АСЕАН составил около 1,304 млрд. долл. Новая Зеландия, проводя политику диверсификации экономических связей, также рассчитывала расширить рынок сбыта своей продукцией, прежде всего продукцией агропромышленного комплекса, за счет стран ЮВА, членов АСЕАН. Правительство Новой Зеландии заинтересовано в мерах, направленных на снижение торговых барьеров, развитие интеграционных процессов с отдельными странами группы АСЕАН.

К началу XXI в. система международных связей в регионе кардинально изменилась. Исчезла ярко выраженная блоковая конфронтация времен «холодной войны», наступила эпоха экономической глобализации и культурной взаимозависимости. Наблюдается складывание единых политико-экономических общностей, активизируется региональная интеграция, двигателем которой является экономическое сотрудничество. Реформирование экономики, укрепившее влияние Китая на международной арене, и усиление его позиций в ЮВА создают новые условия для становления новой интеграционной конфигурации в регионе, обращая внимание таких государств как Новая Зеландия, на сотрудничество с ним в рамках международных форматов.

Д.В. КУЗНЕЦОВ

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ США И СРВ: НА ПУТИ К НОРМАЛИЗАЦИИ И СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ

Война во Вьетнаме, продолжавшаяся почти 10 лет и завершившаяся подписанием 27 января 1973 г. Парижских соглашений, была, по словам Дж. Кеннана, самым катастрофическим из всех внешнеполитических предприятий за всю 200-летнюю историю США, и имела значительные по своему характеру последствия, многие из которых ощущаются до сих пор. Одним из таких последствий стал медленный, сопровождавшийся возникновением многочисленных проблем, процесс нормализации отношений между США и СРВ.

Фактически, уже начиная с 1975 г. в США многие политические деятели стали все чаще говорить о необходимости нормализации двусторонних отношений США и СРВ. 12 ноября 1976 г. в Париже начались предварительные переговоры о возможности установления нормальных отношений между двумя странами. Это был первый со времени подписания Парижских соглашений случай, когда обе стороны установили контакт друг с другом. Однако уже через несколько недель атмосфера нормализации была нарушена острейшими разногласиями, возникшими в связи с отказом Америки от оказания финансовой помощи Вьетнаму в его послевоенном восстановлении, что было обещано еще Р. Никсоном в опубликованном вьетнамской стороной письме премьер-министру ДРВ от 1 февраля 1973 г. (речь шла о займе более чем в 3 млрд. долл. на 45 лет).

Вскоре руководство США высказало свои условия нормализации двусторонних отношений. Президенты США Дж. Форд (1974-1977 гг.) и Дж. Картер (1977-1981 гг.) постоянно подчеркивали, что нормализации отношений между странами должен предшествовать «Отчет о пропавших без вести», в котором бы содержались имена всех американских военнослужащих, пропавших без вести во время военных действий. Находящихся же на территории Вьетнама американских пленных надлежало вернуть на родину. Введенное 16 мая 1975 г. против Вьетнама торговое эмбарго усугубило ситуацию.

В период президентства Р. Рейгана (1981-1989 гг.) перспектива нормализации отношений между США и СРВ рассматривалась как маловероятная. В конце 1984 г. Университет национальной обороны США опубликовал сборник «Оборонное планирование на 90-е годы и меняющаяся международная обстановка». В нем содержался раздел, посвященный отношениям между США и СРВ. Отмечалось, что нормализация не является «панацеей» от существующих разногласий по двусторонним вопросам. Как указывали авторы сборника, в обозримой перспективе не существует таких острых национальных интересов США, на которых каким-либо образом – положительно или отрицательно – отразилась бы нормализация двусторонних отношений. Поэтому, заключали они, нет необходимости искусственно подгонять этот вопрос. В целом администрация Р. Рейгана и ее позиция сводилась к тому, что у США не может быть нормальных отношений с Вьетнамом до тех пор, пока не будет разрешена «кампучийская проблема» и вьетнамские войска не уйдут из Кампучии. Кроме того, определенное значение имело также решение вопроса об американцах, пропавших без вести во время войны во Вьетнаме. И такое положение вещей в целом сохранялось вплоть до 1989 г.

Только с окончанием «холодной войны» появилась возможность для начала процесса нормализации отношений между Америкой и Вьетнамом. В 1992 - 1994 гг. во время сессий Генеральной Ассамблеи ООН главы внешнеполитических ведомств США и СРВ регулярно обменивались мнениями по вопросу улучшения двусторонних отношений. При этом важнейшим мотивом процесса восстановления дипломатических отношений для руководства США стало начатое еще в 1975 г. сотрудничество между Вашингтоном и Ханоем в поисках

пропавших без вести во время войны во Вьетнаме американских военнослужащих. Кроме того, США проявляли и чисто экономический интерес, связанный с их желанием укрепить свои позиции в Юго-Восточной Азии, закрепиться на местных рынках.

В результате, уже 3 февраля 1994 г. Уильям Дж. Клинтон объявил об отмене торгового эмбарго, введенного ранее против Вьетнама. 11 июля 1995 г. представители высшего руководства США и СРВ объявили о нормализации отношений между двумя странами. Следующим шагом в развитии двусторонних связей стало подписание Соглашения о нормализации отношений между США и СРВ от 6 августа 1995 г.

В течение 1995-2009 гг. взаимоотношения Соединенных Штатов с Вьетнамом развивались с переменным успехом. В настоящее время следует говорить о следующих формах взаимодействия США и СРВ. Во-первых, обмен визитами с участием представителей высшего руководства. Во-вторых, торговля, объемы которой постоянно росли. В-третьих, инвестиционная деятельность, связанная с размещением американских капиталов во Вьетнаме. В-четвертых, военные связи. В-пятых, сотрудничество в области науки и техники, культуры, образования и здравоохранения. В-шестых, развитие контактов в рамках АТЭС.

Наряду с этим, американо-вьетнамские отношения периодически испытывают трудности, ввиду требований американской администрации обеспечения прав и свобод человека во Вьетнаме, в том числе свободы вероисповедания. Последняя проблема стала особенно острой после принятия в сентябре 2001 г. в Конгрессе США законопроекта «Продвижение свободы и демократии во Вьетнаме». В ответ, власти СРВ добиваются решения вопроса о пострадавших от американского диоксина вьетнамцах. Кроме того, возникают определенные сложности в торговых отношениях (например, в 2001-2003 гг. шёл спор вокруг импорта сома и креветок – так называемые «сомовые» и «креветочные» войны).

Тем не менее, есть все основания полагать, что и США и СРВ все-таки во многом преодолели болезненные моменты, связанные с войной во Вьетнаме. В настоящее время взаимоотношения между США и СРВ в основном освободились от эмоциональной подоплеки и развиваются на основе прагматического подхода, в рамках которого выстраивается такая линия поведения сторон, при которой бы учитывались интересы обоих партнёров.

Политика, экономика и культура стран АТР: прошлое, настоящее и будущее

И.В. СТАВРОВ

РЕАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КПК НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ КНР НА
РУБЕЖЕ XX – XXI ВЕКОВ (ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ)*

* Работа выполнена при поддержке гранта Отделения историко-филологических наук РАН, проект № 09-1-ОИФН-01

Национальный вопрос в Китае привлек интерес отечественных исследователей еще в 1930-е гг., что было связано с «пробуждением» Китая. В 1950-е, когда начались первые социалистические преобразования, советские исследователи оценивали национальную политику в КНР исключительно позитивно. Однако вскоре проявились первые противоречия в советско-китайских отношениях, что в дальнейшем, в 60-е – 70-е годы, привело к острой идеологической полемике, которая повлияла и на оценку проводимой в Китае национальной политики.

Постепенный отход от прежних идеологических штампов происходит с началом потепления советско-китайских отношений в 1980-е гг. К этому периоду оформилась концепция А.А. Москалева по вопросу периодизации национальной политики КПК. Автор выделял три основных периода в развитии теории и практики национального строительства:

1. 1949 – 1956 гг. – период реализации принципов, заложенных в «Общей программе НПКСК». Этот этап характеризовался организацией института районной национальной автономии, первыми социально-экономическими преобразованиями, направленными на сокращение отставания неханьцев от китайцев, создание сети национальных школ и т.п.

2. 1957 – 1977 гг. – период «деструкции». В это время произошел отход руководства КПК от ранее достигнутых результатов национальной политики.

3. 1978 – по настоящее время. Данный этап характеризуется возвращением к принципам национального строительства 50-х годов и «дальнейшего развития основных ее установок и направлений».

Изучая районную национальную автономию в КНР, А.А. Москалев пришел к заключению, что, несмотря на все ее недостатки, «унифицированный характер этой системы» выступал в роли прочной базы «укрепления территориальной целостности Китая».

Данные о законодательном регулировании районной национальной автономии на Северо-Востоке Китая содержатся в работах Д.А. Жоголева, Т.В. Лазаревой и А.А. Москалева.

Д.А. Жоголев, рассматривая особенности реализации принципов системы районной национальной автономии в местных законодательных актах, в качестве примера приводил экономический раздел Положения о Яньбянь-Корейском автономном округе (ЯКАО). Он отмечал, что спецификой данного документа является регулирование сферы лесного хозяйства, а также возможность привлечения капиталов из-за рубежа.

Т.В. Лазарева, изучая вопросы кадрового строительства в КНР среди неханьских национальностей, использовала выше названный документ для отражения процесса национализации кадров в Яньбяне. Она отмечала, что работа по подготовке и использованию национальных кадров в округе развивается весьма успешно. В середине 1990-х доля ганьбу (кадровых работников) корейской национальности составила 58,6 % от всех кадровых работников национального округа, тогда как доля корейцев – лишь 40,7 % от общей численности населения.

Подобные вопросы поднимал и А.А. Москалев в книге «Теоретическая база национальной политики КНР» (2001). В ней приводятся статьи Положения о ЯКАО, в которых закреплялись права корейцев на занятие руководящих должностей в округе, а также вопросы функционирования корейского языка.

В другой работе А.А. Москалев затронул особенности организации национальных волостей КНР, где он приводил данные Положения о национальных волостях пров. Хэйлуцзян. В частности, автор отмечал, что этническим меньшинствам названных территориальных образований полагались преференции по вопросу занятости и представительства в местных органах власти.

Таким образом, вопросы законодательной реализации национальной политики на Северо-Востоке КНР затрагивались лишь вскользь, и подробный анализ законодательной базы национального строительства в Дунбэе не проводился.

Несколько лучше отечественная историография представлена исследованиями современного развития отдельных национальностей Дунбэя. Маньчжурам КНР посвящено две специальные статьи, а также некоторые данные содержатся в обзорных трудах по национальному вопросу в Китае.

В работе Н.Г. Векиловой приводится краткий очерк положения маньчжуров в период японской оккупации и сведения о численности этого народа в начале 1950-х и 1980-х гг. Основное содержание статьи касается вопросов национального развития до 1978 г. Что же касается исследуемого нами периода, то здесь автор сделала упор на политику в области образования и культуры среди данного этнического меньшинства. Она отразила динамику организации национальных школ и учреждений культуры, особо коснувшись проблемы сохранения маньчжурского языка. Основной вывод состоит в том, что в 1980-е гг. государство достигло больших успехов в деле сохранения культуры этого народа.

Небольшая статья А.Ю. Волковой носит скорее информативный, нежели исследовательский характер. В ней дается обзор положения маньчжуров во второй половине XX в. Благодаря действию Закона о районной национальной автономии (1984) на Северо-Востоке было образовано несколько автономных уездов маньчжуров. Также, сообщается о численности этого народа и мероприятиях по возрождению традиционной культуры. Никаких конкретных выводов в работе не содержится.

Корейцам КНР посвящена статья А.Ю. Пискуловой «Корейская диаспора в Китае». Автор кратко останавливается на проблеме освоения корейцами китайского района Цзяньдао (современный ЯКАО), правовом положении этого народа до образования КНР и современном развитии корейцев в Китае. В целом, она делает вывод об успешности национальной политики, которая позволяет корейцам сохранять язык, письменность и традиционную культуру. Тем не менее, в работе есть и критические замечания. В частности, А.Ю. Пискулова обращает внимание на значительную миграцию корейцев с Северо-Востока в другие регионы Китая и за рубеж, что является, по ее мнению, симптомом сложной социальной ситуации в местах компактного проживания представителей названной национальности.

Некоторые аспекты социально-экономического и культурного положения хэчжэ рассмотрены в публикации В.Г. Булдаковой. Она отразила позитивные изменения, произошедшие с хэчжэ после образования КНР. К настоящему времени возрос уровень благосостояния представителей названной национальности (например, они стали пользоваться телевизорами, холодильниками и другими бытовыми приборами). К негативным процессам автор относит коммерциализацию культуры и возросший уровень самоубийств как реакцию на стремительные изменения традиционного уклада жизни.

Во всех названных публикациях национальная политика КПК в отношении неханьских народов Северо-Восточного Китая оценивается как успешная.

Изучение демографической ситуации в национальных районах пров. Цзилинь предпринял А.Д. Дикарёв в книге «Демографические проблемы национальных меньшинств Китайской Народной Республики» (1996). Рассматривая социально-демографические характеристики неханьских национальностей, он пришел к выводу о более быстром демографическом переходе среди корейцев и маньчжуров. В качестве доказательства автор приводит следующие показатели: низкий уровень рождаемости и смертности, рост урбанизации и промышленного производства, значительное повышение образовательного уровня названных этнических меньшинств. Также в работе приводятся общие сведения по проведению демографической политики государства в районах неханьских национальностей, результатами которой стали упомянутые социально-демографические процессы. Следует отметить, что книга, хоть и была издана в 1996 г., содержит данные середины 1980-х годов.

Таким образом, в отечественной историографии проблема реализации национальной политики в Северо-Восточном Китае не стала предметом специального исследования. Однако выводы и наблюдения, сделанные исследователями, составляют хорошую базу будущих исследований.

А.С. ВЕРЕМЕЙЧИК

ИССЛЕДОВАНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КИТАЕ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ АВТОРОВ

Миграционные процессы в Северо-Восточном Китае оказались в сфере особого внимания отечественных ученых в 1920-е годы в связи с усилением колониального движения. Первой работой, полностью посвященной анализу миграции, стало обстоятельное исследование Е.Е. Яшнова «Китайская колонизация Северной Маньчжурии». В ней автор выделил особенности, характеризующие миграционные потоки, дал оценку формам китайской колонизации региона. Миграция стала результатом правительственно-административного воздействия, производившегося в военно-политических целях и стихийного расселения в крае китайского крестьянства.

Политические потрясения, охватившие Китай с конца 1950-х, затормозили исследование современных социальных процессов, в том числе и миграцион-

ных. Возобновившаяся в конце 60-х годов работа была нацелена на критический анализ политики руководства КНР. В числе первых наиболее значительных трудов такого плана была книга Е.А. Коновалова «Социально-экономические последствия “большого скачка” в КНР», в которой исследовалось влияние «большого скачка» на миграционные процессы.

В 1970-е годы критическое изучение миграционной политики и её воздействия на социально-экономическую ситуацию было продолжено. В связи с чем, следует упомянуть статью Е.Ф. Селивановой «Экономико-демографическая характеристика трудовых ресурсов», в которой был дан развернутый анализ внутренней миграции, её влияния на рост и состав населения, распределение трудовых ресурсов, уровень занятости.

В 1980-е годы экономическая реформа в КНР вызвала ряд новых явлений в социально-экономической жизни страны и кардинальные изменения в миграционных процессах. Проблемы, связанные с внутренней миграцией в КНР и в Северо-Восточном регионе, исследовались в работах Е.Ф. Селивановой, А.В. Островского, И.Н. Коркунова. В статье Е.Ф. Селивановой «Хозяйственная реформа в КНР и миграция населения» рассматривались особенности межрайонной миграции, в качестве примера приводились провинции Хейлунцзян и Цзилинь, где миграция в значительной степени оказывала влияние на рост городского населения. Автор отмечала, что усиление миграции усугубило жилищную проблему жителей промышленных городов Северо-Восточного Китая. В статье А.В. Островского «Рабочий класс КНР: проблемы трудоустройства» говорилось о том, что развитие промышленности в сельских районах ведет к сокращению доли населения, занятого в сельском хозяйстве. Автор связывал этот процесс с миграцией населения внутри провинций, когда, с одной стороны, происходит приток населения из сельской «глубинки» в малые города и поселки для работы на промышленных предприятиях, транспорте, в торговле и в сфере услуг, а с другой – городского населения на строительство предприятий в сельской местности. И.Н. Коркунов в своей статье «Экономическая реформа и проблемы повышения эффективности народного хозяйства», исследуя некоторые аспекты экономической реформы КНР, касался также вопросов избытка рабочей силы на селе. Он отмечал, что проблема должна решаться не путем миграции, а созданием более рациональной структуры занятости, трудоустройством сельского населения в несельскохозяйственных отраслях.

Ряд статей, вышедших в 1990-е годы, был посвящен социальному и профессиональному составу мигрантов, определению периодов значительных по численности перемещений населения по стране. В монографии Е.С. Баженовой и А.В. Островского «Население Китая» отмечались характеристики миграции (направление, мотивы, социальный и половой состав мигрантов). Провинциальные столицы Северо-Восточного Китая (Шэньян, Чанчунь и Харбин) были включены в число городов, где подвижность населения значительно выше среднего по стране. В докладе Л.А. Волковой «Проблемы социально-классовой структуры крестьянства» принципиальное значение имел вывод о том, что появившаяся

возможность миграции сельской рабочей силы в другие районы, города и поселки способствовала улучшению ее качества и специальной подготовки, закладывая основы слоя научно-технических работников деревни. И.Н. Коркунов в докладе «О миграции сельского населения» основной причиной миграции крестьян в малые и средние города считал ухудшение производственных условий и разницу в доходах сельского и городского населения. И.Н. Наумов в статье «Экономический рост и реформы в КНР», изучая неравномерность развития регионов, связывал миграцию населения из Северо-Восточного Китая с низким среднегодовым темпом прироста промышленного производства в этом регионе. В коллективном труде Е.С. Баженовой и А.В. Островского «Миграции в современном Китае» рассматривалась история внутренней миграции, и были выделены периоды значительных по численности перемещений населения по стране:

1) годы «большого скачка», когда наблюдался приток в города крестьян, позднее выселенных на прежнее место жительства; 2) период «культурной революции» 1966-1976 гг., когда так называемую «грамотную молодежь», окончившую среднюю школу в городах, направляли в отдаленные горные и сельские районы; 3) 1980-1990-е годы, когда миграции происходили в результате реформы экономической системы и образования трудоизбыточного населения в сельских районах. Особое внимание авторы уделили сравнительному анализу мотивов миграции до и после начала осуществления экономической реформы. Анализ факторов внутренней миграции населения КНР, по мнению авторов, может служить базой для изучения проблем внешней миграции.

С 2000-х годов руководство КНР постепенно снимает преграды на пути миграции крестьян в города. В результате бурно растет объем миграций, и становятся более разнообразными направления их движения. В статье В.Г. Гельбраса «Миграция, преобразующая Китай» исследовались важные изменения в структуре мигрантов, такие как повышение качества рабочей силы, изменение потока мигрантов из деревни в восточные районы, увеличение занятости мигрантов в сфере услуг, возрастание влияния миграции на рост доходов крестьян. На круглом столе в издании «Проблемы Дальнего Востока» (2002) В.В. Жигулева отмечала, что крестьянам в городе обычно предоставляют более тяжелую, грязную и мало оплачиваемую работу, они же первыми увольняются. Крестьяне–работчие не получают, в отличие от штатных, социального обеспечения, медицинского обслуживания, не страхуются по старости. З.А. Муромцева анализировала перемещение излишков рабочей силы из деревни в малые города, связывая его с реформированием государственного сектора промышленности, закрытием части поселково-волостных предприятий, что вызвало увеличение числа безработных, особенно в обрабатывающей и добывающей промышленности на Северо-Востоке. Я.М. Бергер, анализируя социально-экономический раздел материалов XVIII съезда Компартии Китая, отмечал, что в переходе сотен миллионов крестьян от сельского образа жизни к городскому свою роль должны сыграть как малые, средние, так и большие города. Последние способны обеспечить наибольшую занятость и наибольший заработок временным и сезонным мигрантам

из села, тогда как первые могут дать им более дешевое и постоянное пристанище и возможность завести свое дело. Б.Н. Кузык и М.Л. Титаренко в коллективном труде «Китай-Россия 2050: стратегия соразвития», рассматривая межрегиональную миграцию, пришли к выводу, что миграция населения в Китае происходит в основном из районов со слабо развитым негосударственным сектором экономики и хорошо развитой транспортной сетью.

Г.В. КОНДРАТЕНКО

СИСТЕМА ХУКОУ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КНР

Китайская система регистрации по месту жительства или прописки (*hujū* или *hukou*), которой в 2008 г. исполнилось 50 лет, оказывает значительное влияние на многие аспекты жизни людей, живущих в КНР. Сущность этой системы состоит в том, что она фактически делит население Китая на две группы в зависимости от их гражданского состояния. В рамках этой системы с сельскими жителями обращаются как с неполноценными гражданами – они лишены права селиться в городах и лишены большинства государственных услуг и прав, которыми пользуются городские жители, начиная от небольших преимуществ, как например, возможность купить специальный билет на автобус, предоставляющий дешёвые или бесплатные поездки и заканчивая гораздо более важными вопросами, такими как возможность зачисления своих детей в государственные школы в городах, где работают их родители.

Система также не даёт возможности крестьянам занимать многие рабочие места, за исключением тех, которые считаются «грязными» или опасными или с низкой оплатой труда. Фактически, Китай проводит политику «неполной урбанизации», что часто практикуется во время реформ, то есть позволяет крестьянам перейти в город, но не даёт им права постоянного жительства в городе и связанных с ним социальных пособий. Хукоу является основным источником неравенства и несправедливости, и, пожалуй, наиболее важной основой китайской социально-пространственной стратификации, способствует нарушению прав человека в стране. Некоторые зарубежные эксперты, полагают, что система хукоу является краеугольным камнем печально известного «апартеида» города и деревни и создаёт город с «невидимыми стенами».

Китайская система хукоу является институциональным учреждением, которое регулирует и ограничивает мобильность населения и является одним из наиболее важных механизмов, определяющих право на получение общественных благ, городских услуг, а в более широком смысле полного гражданства. В своём применении система хукоу – наиболее серьёзная форма институционального отчуждения сельских жителей.

Одной из важнейших проблем, которые создаёт эта система, является проблема миграции из села в город. Она связана не только с изменением статуса, но и с усилением социального давления на город. В связи с ростом миграции в начале 1990-х годов в китайском обществе развернулась большая дискуссия, преиму-

шестввенно с участием городского населения, о резонности миграции из сельской местности в города. Многие горожане утверждали, что приток мигрантов из деревень вызовет рост преступности в городах, кроме того, они опасаются, что мигранты заполнят рынок труда и будут претендовать на равное с горожанами социальное обеспечение. В свою очередь, специалисты из Министерства Общественной безопасности отмечали, что широкомасштабная миграция в города приведёт к деформации городской инфраструктуры и всплеску преступности. Однако, как показывает практика, не горожане, а мигранты сталкиваются в городах с большими проблемами. Во-первых, как отмечают некоторые исследователи, миграция влечёт за собой ощутимую потерю статуса – мигрируя, сельский житель лишается определённых социально-политических ресурсов и вынужден конкурировать с городскими жителями в новой обстановке. Приезжая в город, мигранты из сельской местности вынуждены либо заниматься неквалифицированным и низкооплачиваемым трудом, либо пополнять ряды безработных, но при этом, в отличие от городских жителей, они не получают пособия по безработице. Кроме того мигранты не включены в систему медицинского страхования, а если учесть, что медицинские услуги в Китае очень дороги, то они практически лишены качественного медицинского обслуживания. Но самой незащищённой категорией являются дети мигрантов, которые зачастую не могут даже посещать школу, либо родители вынуждены платить большие деньги за их обучение в государственных или частных школах. Поэтому в Китае очень высока так называемая возвратная миграция, когда сельские мигранты, прожив в городе некоторое время, возвращаются обратно в деревни. Среди сельского населения очень популярно «маятниковое» перемещение – один из членов семьи ездит в ближайший город на заработки на постоянной или временной основе, при этом он получает шанс получить местную хукоу и позже забрать свою семью в город.

В то же время городские власти пытаются на своём уровне решить некоторые проблемы мигрантов. Самый большой прогресс был достигнут в сфере образования для детей мигрантов. Согласно одному сообщению, в 2006 г. 62% из 370 тыс. детей мигрантов, проживающих в городах, обучались в государственных школах и 25% в не аккредитованных мигрантских школах. Но и здесь остаются серьёзные проблемы: дети мигрантов вынуждены вносить плату за обучение в несколько раз выше, чем местные жители, значительная доля детей посещает нестандартные школы или не посещает школу вообще.

Такая же неоднозначная картина существует и в ряде других сфер. В начале 2000-х годов ряд провинций и городов (например, Сямэнь, Гуандун, Пекин, Шанхай) начали создавать ограниченную систему социального обеспечения для сельских мигрантов. Согласно исследованию Национального бюро статистики в 2006 г. около трети сельских мигрантов были охвачены страхованием при получении травмы при аварии. В целом доля этих схем является низкой, а охват по-прежнему весьма фрагментарный и он намного меньше, чем аналогичные схемы для городских работников.

В настоящее время реформа системы хукоу стала одним из основных социальных вопросов, поскольку она стала рассматриваться как препятствие дальнейшим экономическим реформам, так как ограничивает миграцию квалифицированной рабочей силы и развитие многих отраслей экономики. Так, например, экономика городов центрального подчинения – Пекина, Тяньцзиня и Шанхая, страдает из-за того, что рынок труда ограничен только работниками с местной несельскохозяйственной пропиской, и в этих городах нельзя нанимать работников из других регионов. Реформа этой системы должна привести к ослаблению контроля над миграцией и позволить предприятиям нанимать квалифицированных и неквалифицированных работников из близлежащих районов или даже соседних провинций, тем самым способствуя перераспределению трудоспособного населения и сглаживанию межрегиональных различий.

И.Ю. ЗУЕНКО

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Система политической власти и управления в КНР сегодня представляет собой сложившийся механизм, характеризующийся сочетанием и распределением полномочий по принятию и реализации властных решений между административными органами (система народных правительств), собраниями народных представителей и органами КПК различных ступеней. Данная система существует на всех уровнях административно-территориального устройства КНР – на уровне провинций (провинции, автономные районы, города центрального подчинения), округов (городские и автономные округа), уездов (уезды, городские уезды, автономные уезды, районы городского подчинения) и волостей (волости, поселки, национальные уезды, волости). Де-факто в современном Китае существует и пятый деревенский уровень, который, хотя и не играет существенной роли в системе политической власти и управления и не закреплен в Конституции, является базовой ступенью всей социально-политической системы КНР. Именно на этом уровне функционирует система местного самоуправления, «система низкой демократии», находящаяся на современном этапе в процессе становления.

Единицами деревенского (низового) уровня административно-территориального деления являются: в городских районах – местные общины (шэцзюй), микрорайоны (цзюйчжужюй) или компаунды (сяоцзюй), в сельских районах – деревни (цунь).

Местное самоуправление в современном Китае представлено следующими органами: 1) сельскими комитетами (цуньминь вэйюаньхуй), 2) квартальными комитетами (шэцзюй цзюйминь вэйюаньхуй), 3) собраниями представителей рабочих и служащих (гунжэнь чжюань дайбяо хуйи). При этом собрания представителей рабочих и служащих занимают совершенно особую нишу, поскольку представляют собой организации самоуправления на крупных государственных

предприятиях и относятся скорее к профсоюзной системе, нежели системе политической власти и управления.

Следует отметить, что система «низовой демократии» является одной из основных форм закрепленного в Конституции КНР 1982 г. права народа на обладание государственной властью. Нормативные акты, определяющие формирование местного самоуправления, включают Закон о создании сельских комитетов (последняя редакция – 1988 г.), Закон о создании городских квартальных комитетов (1989), Положение о собраниях представителей рабочих и служащих промышленных предприятий всенародной собственности (1986).

Наиболее распространенной единицей местного самоуправления являются сельские комитеты, которые начали создаваться вместе с реформами сельской экономической системы (появление кооперативов и индивидуальных хозяйств, развитие системы государственных сельхозпредприятий) и разделением исполнительной и законодательной власти на местах, повсеместно начали создаваться «комитеты сельских жителей». Сельские комитеты (СК, в литературе употребляется также термин «сельсовет») обычно создаются в рамках небольших населенных пунктов (менее тысячи жителей) в соответствии с историческими традициями и здравым смыслом. В крупных селах можно создавать несколько комитетов, в малых деревнях – объединенный сельский комитет. СК состоит из 3-7 человек: председателя, его заместителя и нескольких простых членов, которые избираются селянами на три года в результате прямых выборов. Ограничений по числу сроков нахождения на должности в СК не существует. Функции сельских комитетов ограничены решением наиболее насущных повседневных задач: организация переписи населения, выборов в волостные СНП, организация работы почты, решение возникающих между жителями разногласий и споров, представление интересов селян во время встреч с вышестоящим начальством. Формой решения наиболее важных вопросов является общее собрание селян.

Принципиальным моментом является то, что СК не включаются в административную систему КНР, для которой базовым уровнем является волость. При этом местное самоуправление на селе не является неформальным, как в большинстве стран запада (в теории не может быть сельских районов, не имеющих своего комитета). Таким образом, для большинства крестьян, проживающих в небольших населенных пунктах, именно представители сельского комитета в большинстве случаев являются воплощением государственной власти. Их влияние на жизнь деревень имеет определяющее значение.

Следует отметить, что руководством КНР всячески продвигается концепция сельских комитетов. Считается, что успешная реализация демократических принципов на низовом уровне будет способствовать постепенной демократизации всей политической системы Китая. Однако эксперты отмечают, что нынешний порядок функционирования сельских комитетов создает весьма благоприятные условия для коррупции при их избрании в виде подкупа или оказания давления на «избирателей». Это приводит к тому, что во главе СК становятся наиболее влиятельные и богатые жители, получающие, таким образом, контроль

над распределением коллективной собственности (прежде всего, на землю), что, в свою очередь, рождает известные коррупционные схемы, связанные с предоставлением земли в аренду крупным компаниям и т.п.

Единицей местного самоуправления в городских районах являются квартальные комитеты (КК). Члены комитетов избираются жителями микрорайона (общины, компаунда) посредством прямых выборов на три года (как правило, практикуется передача голосов от одной или нескольких семей одному представителю). Квартальные комитеты состоят из председателя, 1-2 заместителей, 5-11 простых членов. По необходимости в них могут создаваться рабочие группы по примирению (функции мирового судьи), общественному порядку, культуре и образованию, социальным услугам, санитарии. Рутинные вопросы решаются в этих группах, особо важные – на совещании всего комитета, отдельные проблемы выносятся на общее обсуждение жителей микрорайона и решаются посредством общественных консультаций.

На практике КК, также как и сельские комитеты, не относятся к органам административной системы, отношения между вышестоящим народным правительством (района, городского уезда или поселка) носят не подчиненный, а рекомендательный характер. В целом, в отличие от сельских комитетов, КК не имеют определяющего влияния на жизнь своих избирателей. Однако именно они выполняют ряд важнейших функций, связанных с поддержанием общественного порядка, организацией культурного досуга и образованием городских жителей, реализацией избирательного законодательства. Подспорьем для деятельности КК является активная гражданская позиция большинства китайских пенсионеров, проживающих в городах, готовых заниматься общественной работой на добровольных началах. Однако по мере развития института «низовой демократии» в городе, в КК начинают активно участвовать и жители трудоспособного возраста. Следует также отметить, что в целом деятельность квартальных комитетов находится под контролем соответствующих партийных организаций, тогда как на селе влияние партийных институтов традиционно меньше.

В качестве вывода отметим, что опыт формирования системы местного самоуправления является уникальной частью развития системы политической власти и управления КНР. При наличии ряда проблем, связанных с неопределенностью нормативной базы, сельские и квартальные комитеты объективно существуют, выполняют важнейшие общественные функции, а их опыт может использоваться как в других странах, так и в самом Китае, для реформирования административной и партийной систем.

О.Н. РЯБЧЕНКО

ЧАНЧУНЬСКАЯ КИНОСТУДИЯ В ГОДЫ РЕФОРМ

Чанчуньская киностудия, основанная в 1945 г., является одной из самых крупных в Китае. За все время работы произведено более 700 китайских кинофильмов и более 500 иностранных фильмов дублировано. Здесь снимают худо-

жественные, научно-просветительские, мультипликационные и телевизионные фильмы.

Период с 1978 по 1985 г. стал временем расцвета Чанчуньской киностудии. Было выпущено 140 фильмов. В начале 80-х гг. в кругах деятелей литературы и искусства возникло течение так называемой буржуазной либерализации. Как проявление этого течения был раскритикован снятый в 1980 г. по пьесе Бай Хуа «Горькая любовь» фильм режиссера Пэн Нина «Солнце и человек». В картине рассказывается о вернувшемся из-за рубежа художнике, который во время «культурной революции», чтобы избежать преследований, вынужден был скрываться и трагически погиб. В фильме показана неразделенная любовь интеллигента к своей родине. Кинофильм вызвал недовольство властей, а Чанчуньская киностудия подверглась идеологической проработке.

Курс на строительство «четырех модернизаций» дал толчок к появлению нового направления в китайском кинематографе, отразившем противоречия, возникающие в ходе реформ, и показавшего людей нового времени. В фильме «Человек, приближающийся к среднему возрасту» (режиссеры Ван Циминь, Сунь Юй) показан человек среднего возраста, который является «мостом», соединяющим две эпохи – новую и старую. «История, которая не должна была произойти» 1983 г. затрагивает тему реформ в деревне Северо-Востока Китая. Показана реальная жизненная ситуация разделения производственной бригады на группы и возникающие при этом противоречия. Так как режиссер Чжан Хуэй хорошо знал жизнь дунбэйской деревни, фильм получился очень интересным. «Улица Садовая №5» 1984 г. рассказывает о реформах в городе, столкновениях между новаторами и консерваторами (режиссеры Цзян Шусэнь, Чжао Ши). «История одного здания» также затрагивает тему реформ в городе, фильм раскрывает проблемы реформы и власти. Эта работа получила высокую оценку китайского руководства, отметившего образовательное значение картины. Необычная история представлена в фильме «Власть женщины» 1985 г. (режиссеры Цзян Шусэнь, Чжао Ши). Главный реформатор – директор завода – женщина, которая добротой и искренностью заслужила авторитет рабочих и служащих и смогла объединить всех, чтобы изменить облик предприятия.

Китайскому зрителю всегда были интересны исторические и приключенческие фильмы. Этим запросам отвечают работы «Цзи Хунчан» (1979), «Генерал с мечом на поясе» (1982), «Голубой кит начинает действовать» (1985), которые рассказывают об истории и современности. Высокий уровень приключенческого жанра был достигнут в фильме режиссера Чань Яня «Выстрел в секретном управлении» (1979), в котором рассказывается о шанхайских революционерах-подпольщиках. «Уданская школа бокса» 1983 г. представляет кино о боевых искусствах, популярный жанр китайского кинематографа, известный во всем мире. События фильма разворачиваются на фоне восстания няньцзуней в 1853-1868 гг., показана борьба школы «удан» (хладнокровный оборонительный стиль) с японскими мастерами боевых искусств. Об исторических деятелях рассказывают фильмы «Тань Сытун» и «Ли Бин» 1984 г.

В тяжелых исторических условиях, сопровождавших жизнь китайского народа, проявилось все многообразие человеческих качеств. Истории о простых людях, раскрывающие разные характеры – популярная тема в китайском кинематографе. Фильм «Младшее поколение» 1979 г. рассказывает о повседневной жизни водителя автобуса, кондуктора, полицейского, официантов ресторана, учителей, детей и молодых людей. Здесь воспет их труд, любовь и творческий дух в строительстве «четырёх модернизаций». Исторический облик трудной эпохи воспроизведен в картине «Измученное сердце» 1979 г., она о судьбе хирурга Ло Канчжэня, вернувшегося из-за границы. В фильме показаны высокие моральные качества и характер старшего поколения интеллигенции. Прекрасные чувства простого народа описаны в фильме «Прилетевший журавль» 1982 г. Это история о супружеской паре, которая во время «культурной революции» взяла на воспитание сына балерины, отправленной в производственную бригаду. Спустя десять лет эта семья узнает о матери, которая ищет своего сына, и возвращает ей мальчика. Но непривыкший к городской жизни, он очень скучает по воспитавшим его приемным родителям и, в конце концов, уезжает к ним. Через перипетии судьбы этого мальчика показаны новые грани современных отношений между людьми. Лейтмотивом картины «Девушка с желтой горы» 1984 г. также являются прекрасные душевные качества молодой девушки, которые раскрываются в обыденной жизни. Актриса Ли Лин, снявшаяся в этом фильме, получила награду «Золотой петух» за лучшую женскую роль.

В 1985 г. на Чанчуньской киностудии начался период творческого спада. Хотя количество снятых фильмов стабильно увеличивалось, и качество их было высокое, однако отсутствовал концептуальный прорыв. Наконец в 1987 г. был снят ставший знаменитым фильм «Красный гаолян», завоевавший «Золотого медведя» на Берлинском кинофестивале. Этот фильм сыграл важную роль в творческой карьере режиссера Чжан Имоу, получившего известность во всем мире, и актрисы Гун Ли, исполнительницы главной роли. В одном из своих интервью она сказала: «Благодаря фильму «Красный гаолян» я стала настоящей актрисой, и кино стало моей судьбой».

Фильмы Чанчуньской киностудии получили множество наград на китайских и международных фестивалях. На конкурсе фильмов «Мраморный столб с барельефом» («Хуабяо») фильм «Женщина – начальник мужчин» в 1998 г. получил три главных награды: как лучший художественный фильм, за лучший сценарий и за лучшую женскую роль. «Хуабяо» – высшая награда в китайском кинематографе. В августе 2003 г. фильм «Красивая соседка» получил награду на кинофестивале в южно-корейском городе Кванджу, а в сентябре того же года – на Фестивале китайских фильмов в Польше. Этот список можно продолжить. С 17 по 19 марта 2007 г. в Москве рамках кинофестиваля «Святая Анна» состоялись показы фильмов китайских режиссеров. Чанчуньская киностудия представила фильмы «Зима на троих», режиссер Чжан Ифэй; «Красная лента», режиссер Сун Цзянбо; «Девушка с заснеженной горы», режиссер Хань Чжицзюнь и др.

2006 г. был Годом России в Китае. В рамках VIII Чанчуньского международного кинофестиваля, который проводится с 1992 г. один раз в два года, прошел показ российских фильмов. Были представлены киноленты «Бой с тенью», «Время собирать камни», «Последний уик-энд».

На IX Чанчуньском кинофестивале (июль 2008 г.) были показаны 153 художественных фильма на китайском языке, созданные в период с 2006 г. по 2008 г. Одновременно, в ознаменование 30-летия проведения политики реформ и открытости, проводился конкурс «Фильмы, посвященные жизни китайской деревни и пользующиеся большой популярностью среди народных масс». В связи с предстоящими Олимпийскими играми в Пекине, на кинофестивале проводилась Неделя спортивных фильмов.

Расширяя свою деятельность, Чанчуньская киностудия в 1985 г. построила киноплощадку для туристов, где можно познакомиться с искусством кинематографа, историей развития китайского и мирового кино. Посетителям предоставлена возможность воочию увидеть процесс создания кино, узнать секреты кинопроизводства. 29 мая 2005 г. официально открылась первая в Китае зона кинопоказа и развлечений мирового уровня – «Городок Века» Чанчуньской киностудии. Эту зону развлечений называют «Восточный Голливуд».

Чанчуньская киностудия играет важную роль в развитии кинематографа, а фильмы, которые здесь снимают, не просто часть культуры КНР – они знакомят зрителей других стран с древней историей, культурой и современной жизнью Китая.

М.А. ХАЙМУРЗИНА

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ КОНФУЦИАНСТВА В КИТАЕ: ТОЧКА ЗРЕНИЯ ДУ ВЭЙМИНА

Конфуцианская традиция в течение тысячелетий участвовала в формировании особенностей китайской культуры, отчеканивала самосознание и мировоззрение китайцев. В ходе столкновения с западной культурой конфуцианство получило толчок к развитию на региональном и глобальном уровнях.

Ду Вэймин, профессор Гарвардского университета, историк, представитель современного нового конфуцианства, подчеркивает архаичность и важность конфуцианской традиции в китайской культуре и акцентирует внимание на том, что конфуцианство зародилось в древнем Китае в период становления «осевых» цивилизаций. Хотя изначально оно отождествлялось с высшими слоями общества, то есть интеллигенцией, аристократией и правящей элитой, тем не менее, после династии Мин конфуцианские ценности проникли уже в самые глубокие социальные слои, и мирно сосуществовали с этико-религиозными ценностями буддизма, даосизма, христианства, ислама и народных религий, совместно создавая яркий многообразный культурный ландшафт. Выступая частью китайской культуры, конфуцианство наряду с другими формами духовной жизни веками участвовало в формировании традиций, особенностей национального ментали-

тета и национального характера, так называемой «китайскости» или китайской культурной идентичности.

Размышляя о проблемах сохранения идентичности китайцев, Ду Вэймин затрагивает проблему влияния Запада на китайский мир. Столкновение китайской цивилизации с Западом в середине XIX – начале XX вв. было воспринято китайской интеллигенцией как «децентрализация», что привело к парадоксу иконоклазма и национализма в период движения 4 мая 1919 г., к масштабным антиконфуцианским атакам, когда интеллигенция усомнилась в адекватности своей «китайскости». Новое столкновение Китая с западным миром после разрушительного периода «культурной революции» привело к дихотомному противопоставлению современности и традиций, стремлению к модернизации в виде полной вестернизации всех сфер жизни китайского общества, к тотальному приобщению к западным ценностям, маргинализации исконных китайских культурных идеалов. В результате все узы с традициями были разорваны, вековые нормы и образцы разрушены, китайский менталитет расшатан.

Ду Вэймин признает, что традиционная культура действительно ослабла, но она по-прежнему продолжает жить в повседневной жизни людей, так как никто и никогда не сможет освободиться от своих истоков. Поэтому он призывает к тому, чтобы во время конфликта между западными и локальными идеалами конфуцианство давало ответ натиску западных ценностей. Поскольку конфуцианская традиция включена в общественную жизнь, она должна бороться за свое место в ней и от этого зависит её дальнейшее будущее.

Рассматривая опыт восточноазиатских стран, Ду Вэймин заключает, что «постконфуцианский» регион преуспел в усвоении современной и исключительно восточноазиатской формы жизни. Прежняя разительная дихотомия между традициями и современностью должна быть отброшена как негодная и бесполезная, так как традиционные особенности человеческого существования – этничность, язык, пол, социальный уровень, религиозная вера, оказались в полной мере релевантными в понимании и формировании жизни сообществ как развитых, так и развивающихся. В связи с этим, для дальнейшего успешного развития Китая кроме наращивания научно-технических мощностей также необходимо формировать нравственно здоровое и культурно одухотворенное общество путем приобщения к исконным традициям, сохранению собственной самобытности. В данном контексте конфуцианство вне всяких сомнений может помочь.

Конфуцианские ценности могут составить и основные принципы мировой этики, поскольку они универсальны и представляют собой локальное знание глобального значения.

Таким образом, конфуцианство, зародившееся в древности как часть великой китайской цивилизации, несмотря на культурные коллизии прошлого, до настоящего времени сохраняет собственную жизнеспособность, демонстрирует способность к трансформации, продолжает быть частью китайской культуры, нравственной и духовной основой китайского общества, фактором китайской культурной идентичности, а также частью мирового духовного опыта.

ИЗМЕНЕНИЯ В ЯПОНСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

1. Национальный характер рассматривается нами как совокупность доминирующих черт психики и психологических свойств, обладающих различной степенью выраженности, формой проявления и по-разному сочетающихся в процессах деятельности и коммуникации. Понятие "национальный характер" представляется нам более узким по сравнению с понятием "менталитет", частным проявлением общих черт национального мировосприятия, подверженных изменениям под влиянием социально-исторической обстановки.

2. "Базовая личность" японца 1940-х гг. рассматривается нами как обладающая традиционными социально желательными чертами характера: трудолюбием, стремлением отдать все силы на благо общества, уважением к авторитету старшего, чувству долга по отношению к нему и т. д.

3. В 1970-е гг. под влиянием процессов демократизации и вестернизации у молодежи изменились стереотипы отношения к труду как главной цели жизни. Уменьшилось число стремящихся упорно работать, выросла доля мечтающих вести жизнь, отвечающую собственным вкусам и жить без забот и хлопот. Сформировался слой обладателей качеств "модальной личности" американизированного, так называемого "нового японца".

4. К концу XX в. экономические и социальные процессы в Японии привели к формированию постмодернистской "модальной личности" молодого человека. Ее основными чертами стали инфантилизм, тяга к жизни для удовольствий, непонимание своего места и предназначения в жизни.

5. По мере взросления у японцев все более преобладают присущие базовой личности черты национального характера, но сохраняются и носители черт характера модальных личностей.

М.В. АЛЕШКО

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ЯПОНИИ
В 1960-2006 ГОДАХ

2 сентября 1945 г. на борту линкора «Миссури» был подписан Акт о безоговорочной капитуляции Японии, завершивший Вторую мировую войну и положивший начало новому периоду в японской истории. Период оккупации отразился на будущей стратегии Японии в первую очередь принятием новой Конституции, которая содержала отказ от войны на вечные времена.

После Сан-францисского мирного договора 1951 г. был подписан «Договор о гарантии безопасности», согласно которому американские войска брали под свою защиту территорию Японии против возможной агрессии извне и для подавления внутренних беспорядков. Военно-политическая стратегия Японии на этом этапе уже начинает формироваться, но ещё не в полной мере, поскольку

страна была ослаблена экономически и политически, население надломлено духовно. Основным тезисом будущей стратегии стало, в первую очередь, восстановление политического веса в мире невоенными средствами. Был провозглашен принцип «богатая страна, слабая армия» (в отличие от концепции «богатая страна, сильная армия», принятой в эпоху Мейдзи). Этот принцип, сформулированный премьер-министром Японии Ёсида Сигэру, на долгие годы стал определяющим в её внутренней и внешней политике.

В 1960 г. был заключён «Договор о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности между США и Японией». Американские войска теряли право подавления внутренних беспорядков (эту задачу должны были решать созданные в 1954 г. «силы самообороны»), экстерриториальность американского персонала (памятная японцам ещё со времён неравноправных «ансэйских договоров») отменялась. Оговаривался срок действия нового договора – 10 лет с автоматическим продлением в случае согласия сторон.

В 1968 г. премьер-министром Японии Сато Эйсаку были приняты так называемые «три неядерных принципа» японского руководства: не хранить, не производить, не ввозить ядерного оружия на территорию Японии.

«Договор безопасности» был автоматически продлён в 1970 г., однако, несмотря на то, что текст договора не изменился, изменилась его трактовка. Сфера его действия была расширена (в тексте договора сфера действия оговаривалась как «Дальний Восток», точного определения границ этого термина не существовало).

В 1973 г. Япония впервые показала США, что она не слепо следует их политике, а лишь до тех пор, пока это соответствует интересам самой Японии: в условиях нефтяного кризиса, вызванного арабо-израильским конфликтом, Япония приняла сторону арабских стран-экспортёров нефти, в то время как США приняли сторону Израиля.

После поражения США во Вьетнаме президент Форд выдвинул «тихоокеанскую доктрину», согласно которой США сокращали своё прямое военное присутствие, предоставляя выполнение задачи «поддержания и защиты ценностей западного мира» войскам местных дружественных режимов. Японии в этой доктрине отводилась роль главного проводника американских интересов в Юго-Восточной Азии. В дальнейшем концепция «тихоокеанской доктрины» получила развитие в виде выдвинутой в 1977 г. «доктрины Фукуда». Сформулированная премьер-министром Японии Фукуда Такэо, она провозглашала, что Япония отказывается от каких-либо военных функций в регионе в пользу экономических и политических функций.

В 1978 г. был подписан документ «Основные направления японо-американского сотрудничества в области обороны», согласно которому разграничивалась ответственность сторон в случае военной угрозы: японские силы самообороны обороняют территорию Японии в пределах её границ, американские вооружённые силы – за этими пределами, плюс обеспечивают «ядерное сдерживание» вероятного противника.

«Договор безопасности» вновь был продлён в 1980 г без изменений в тексте договора, но с изменившейся трактовкой. США настаивали на том, чтобы сфера действия Договора стала распространяться на зону Персидского залива. Японская сторона, после недолгого сопротивления, уступила требованиям США. Кроме того, с начала 1980-х гг. японские власти начинают увеличивать военные расходы на содержание американских военных баз. Численность японских «сил самообороны» при этом существенно не увеличивалась. В рамках такой политики Управлением национальной обороны Японии была принята доктрина «комплексного обеспечения национальной безопасности», согласно которой приоритет отдавался использованию политических, экономических и других невоенных средств как наиболее эффективному пути повышения влияния Японии в мире.

Во время войны в Персидском заливе (август 1990 г.) Япония помогала восстановлению независимости Кувейта только финансовыми взносами на общую сумму около 13 млрд. долларов. Такая политика вызвала недовольство всех стран антииракской коалиции, а также Кувейта. Одновременно с этим поражением на дипломатическом фронте Японию накрыл невиданный ранее экономический кризис, известный как крах «мыльного пузыря». Следствием стал политический кризис: крах существовавшей с 1955 г. монополии ЛДПЯ на власть и чехарда кабинетов, никак не способствовавшая политической стабильности в стране. В результате в 1992 г. был принят закон «О сотрудничестве в операциях ООН по поддержанию мира». Согласно закону, разрешалось отправлять за границу часть сил самообороны, правда, с рядом существенных ограничений. В дальнейшем японские военнотружущие приняли участие в операциях ООН в Мозамбике (май 1993 г.), Заире (1994) и на Голанских высотах в Сирии (1996).

Во время визита президента Клинтона в Токио в 1996 г. была подписана японо-американская «Декларация безопасности», в соответствии с которой в сентябре 1997 г. были опубликованы новые «Основные направления военного партнёрства и сотрудничества США и Японии», заменившие аналогичный документ 1978 г. Основным отличием стало обязательство Японии оказывать материально-техническую поддержку действиям американской армии за границей Японии.

Во время агрессии США в Ираке в 2003 г. части сил самообороны Японии принимали участие в конфликте. В 2007 г. началась реорганизация сил самообороны Японии. В январе 2007 г. был принят закон о преобразовании УНО (Управления национальной обороны Министерства обороны). В рамках этой реформы к функциям сил самообороны добавлены международное сотрудничество в области миротворческой деятельности и оказание помощи в ликвидации стихийных бедствий и катастроф техногенного характера. 28 марта 2007 г. созданы «силы быстрого реагирования» численностью 3200 человек для участия в миротворческих операциях.

В настоящее время в Японии идёт активное обсуждение необходимости пересмотра Конституции, «трёх неядерных принципов» и возможности создания в Японии ограниченного запаса ядерных вооружений.

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ИНДИИ

Индийский опыт стал существенной проблемой для теорий, опиравшихся на тезис о взаимозависимости демократии и уровня экономического развития. Выдвинутая в 1960-е годы концепция С. Липсета, считавшего, что переход государства к демократии обуславливается единственным существенным фактором – повышением уровня экономического развития, была впоследствии развита в исследованиях многих ученых. Бедность в Индии является одной из главных социально-экономических проблем на протяжении всей её истории. Поэтому искать взаимозависимость уровня экономического развития и демократии в Индии является сложной и в большой степени безрезультатной задачей.

Особое распространение в науке приобрела теория С. Хантингтона, основанная на утверждении о том, что процесс демократических переходов и откатов в различных странах зачастую имеет единые причины. Для подхода С. Хантингтона характерно признание многофакторного влияния на процессы демократического транзита и отсутствие единой теоретической модели перехода к демократии. Согласно этой теории в Индии впервые демократия была установлена в ходе второй волны демократизации, охватившей ряд стран. Для второй волны было характерно доминирование политических и военных факторов. В результате процесса деколонизации значительное число новых государств стартовали как демократии. С помощью теории Хантингтона также нельзя полностью объяснить все закономерности индийского демократического транзита. Причины следует искать во внутренних особенностях развития государства.

Р.А. Далем была выдвинута теория, по которой существует ряд условий, необходимых для установления демократии, при этом одни условия являются необходимыми, а другие – благоприятными. Индия – особый случай, здесь присутствовал ряд необходимых для установления демократии условий. Во-первых, контроль над армией и полицией со стороны выборных должностных лиц. Во-вторых, наличие демократических убеждений и демократической культуры. Однако в Индии всегда существовали различные виды горизонтальной и социальной стратификации, что, тем не менее, не стало препятствием процессу демократизации Индии по следующим причинам. Каждый из культурных анклавов Индии слишком мал, чтобы утвердить свою власть на всём субконтиненте. Члены этнокультурных меньшинств всегда были рассеяны по различным регионам страны. Поскольку выход из состава страны невозможен, единственной альтернативой остаётся союз с другими этническими анклавами в границах Индии. Наконец, для большинства индийцев просто не существовало и не существует реальной альтернативы демократии.

Для более четкого понимания механизмов индийского демократического перехода необходимо обратиться к результатам индологических исследований, основанных на изучении истории государства. С. Гангули утверждает, что индийский вариант в полной мере укладывается в динамическую модель перехода

к демократии, предложенную Д. Растроу. Индия прошла четыре фазы, необходимые для установления демократии. Отличительной чертой является то, что прохождение всех этих фаз непосредственно связано с развитием и функционированием индийского национально-освободительного движения. Первой фазой было формирование чувства национального единства. С последней четверти XIX в. индийские общественно-политические деятели искали корни единства населения Индии, возводя их к истокам индийской цивилизации. Вторая фаза представляла в виде укоренившегося конфликта между силами британского колониального правления и национальным движением. Подобная форма конфликта вкупе с идеологией ИНК составили значительную силу в создании демократического национального движения. Третьей фазой явилось сознательное принятие демократического правления. Данная фаза начала реализовываться тот в момент, когда лидеры ИНК полностью обратили своё внимание на конституционное строительство. В завершении произошло привыкание лидеров и электората к демократическим нормам. Несмотря на то, что нормы парламентского поведения были неизвестны для подавляющего большинства избранных представителей Индии, культура парламентаризма была заложена в колониальный период, когда сам ИНК представлял подобие парламента, благодаря практике дебатов, дискуссий и компромисса. Одним из важнейших достижений завершающей фазы стало то, что индийское руководство осознало важность установления гражданского контроля над военными структурами.

Для большинства индологических исследований характерно признание колониального наследия как одного из основных факторов политического развития. Английское правление играло большую роль в части создания единого государства, но не могло предопределить выбор демократического пути развития. В ходе формирования единой нации и государства, страна могла пойти и по недемократическому пути развития. Поэтому исследователи особенно тщательно изучают степень и характер влияния английского колониализма на структурную трансформацию индийского общества, определившую появление национально-освободительного движения. В период английского господства в колонии происходило формирование принципиально нового сегмента общества – образованной интеллигенции западного типа.

В XIX в., хоть и медленно, начинает зарождаться национальная буржуазия. К моменту развертывания национально-освободительного движения уже существовал сегмент местных предпринимателей, подвергавшихся систематической экономической дискриминации со стороны британской администрации. Индийская буржуазия не могла установить устойчивую связь с колониальным капитализмом и входила в "противоречие" с ним. В итоге индийские капиталисты стали финансовыми покровителями националистического движения.

Процесс политической модернизации Индии теоретически сложен, но индийский опыт перехода к демократии не был уникальным явлением, так как проходил в общемировом контексте политического развития незападных стран XX в. и был исторически закономерен.

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ АНТИАМЕРИКАНИЗМА В КАНАДЕ
(В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА)

Существуют различные взгляды на то, откуда берет начало антиамериканизм в Канаде. Есть мнение, что он был привнесен туда извне. Так, сторонник консервативных взглядов, историк и журналист Дж. Глазов настаивает на том, что сам по себе антиамериканизм зародился в Соединённых Штатах, а уже оттуда вместе с лоялистами попал в Канаду. Р. Стюарт, канадский историк из Галифакса, напротив, считает, что антиамериканские настроения зародились в самой Канаде в тот момент, когда северные колонии Великобритании сознательно не поддержали Американскую революцию. Анализ событий того времени подтверждает правильность этой точки зрения.

В южных колониях Британии на североамериканском континенте уже к началу 1770-х гг. наметилась консолидация общественных сил и движений за обретение полной независимости от метрополии. В 1774 г. делегаты первого Континентального конгресса в Филадельфии одобрили «Письмо жителям провинции Квебек» с призывом объединения с американцами в борьбе против британского правления. В 1775 г. 13 американских колоний восстали, объявив себя независимыми республиками-штатами. Восставшие направили в сентябре 1775 г. свои отряды в пределы Квебека. Как отмечает С.Ю. Данилов, «это был впечатляющий пример экспорта революции: если в стране нет революции – её следует принести на штыках». В те времена провинцией Квебек называли всю континентальную часть Канады, освоенную французами и перешедшую во владение Великобритании в результате Семилетней войны. Американцы были уверены, что Квебек, в котором ещё не утихло недовольство английским завоеванием, непременно присоединится к их борьбе против метрополии.

Отряды Р. Монтгомери и Б. Арнольда в ноябре захватили Монреаль, а через месяц подошли к стенам Квебека. Но, вопреки надеждам американцев, их порыв не был поддержан канадцами. Казалось бы, кому как не Квебеку поддержать американцев, «принесших им свободу»? Но мировоззрение католиков-франкоканадцев слишком сильно отличалось от взглядов протестантов-американцев. Помимо этого, американские интервенты начали раздражать поселенцев и своими действиями: когда у них кончилось продовольствие, а крестьяне отказались им его предоставить, начались экспроприации. Войска американцев вскоре потерпели поражение и были вынуждены отступить.

Важным последствием Американской революции для Канады было то, что южный сосед стал восприниматься её жителями с настороженностью и опаской. Соединённые Штаты стали рассматриваться канадцами как постоянная угроза с юга, пристанище чуждых им мыслей и ценностей, а в американцах они были склонны видеть «неотесанных мятежников, которые стремятся разрушить Канаду и навязать ей свою второсортную форму правления». Как писал канадский историк Ф. Андерхилл, в результате всего произошедшего канадцы стали «пер-

выми антиамериканцами, образцовыми, первородными, идеальными – такими, какими они существуют в уме Бога».

Антиамериканские настроения канадцев подпитывались и существовавшими в США антиканадскими настроениями. Для молодого американского государства Британская Северная Америка была «хранилищем европейских ценностей, традиций и установлений, то есть злом по определению, перенесенным в Новый Свет». Лояльность англоканадцев и франкоканадцев Британской империи воспринималась ими не как реальное национальное чувство, а как результат влияния пробританской группы, которая управляла Канадой.

Война за независимость стала тем пунктом, в котором разошлись пути двух будущих североамериканских наций: американцы выбрали путь революции, канадцы – путь эволюции. По мнению историков Д. Макдональда и Б. О'Коннора, американизм и канадизм стали двумя противостоящими национальными идеологиями, двумя соперничающими видами национального самосознания, что в позитивной форме проявлялось в строительстве каждой из наций, а в негативной – в антиамериканизме и антиканадизме. Антиамериканские взгляды также значительно усилились после прибытия в Канаду бежавших из Штатов лоялистов.

Следующая яркая вспышка антиамериканских настроений в Канаде произошла в связи с англо-американской войной 1812 г. Военное столкновение было неизбежно, так как в Штатах по-прежнему были сильны устремления к насильственному изгнанию ненавистной Британии из Нового Света. Среди американских политиков сформировалась группировка милитаристов, т.н. «военных ястребов», которые выступали за войну с Англией и рассчитывали расширить территорию США за счёт Канады. Эту идею активно поддерживало множество американских колонистов, проживающих близ границы с Канадой. Среди них находилось немало желающих получить землю в Канаде и избавиться от индейцев, которых, как они считали, вооружали канадцы. Англичане, в свою очередь, мечтали о реванше за поражение 1783 г. Поводом же к войне стали факты захвата американских торговых судов англичанами под предлогом того, что они торгуют с наполеоновской Францией, с которой Англия на тот момент была в состоянии войны. Начавшаяся по инициативе США война была для канадцев фактом безусловной агрессии со стороны американцев, неприкрытой попыткой оккупировать и аннексировать их земли. И в самом деле, план США подразумевал захват Канады путем прямого нападения на самые населенные и стратегически важные территории противника. В Канаде и до сих пор отлично помнят знаменитое высказывание Томаса Джефферсона: «Захват Канады – всего лишь дело марша».

Война завершилась в 1814 г. заключением Гентского мирного договора. Согласно ему, был восстановлен довоенный статус-кво, ни одна из сторон не получила каких-либо территориальных приобретений. Одним из важнейших последствий этой войны для Канады было то, что совместная борьба против вторжения американцев способствовала зарождению общеканадского самосознания.

Кроме того, война ещё более укрепила антиамериканские настроения и привела к оформлению т.н. «наследственного» типа антиамериканизма, в рамках которого культивировалась память о попытках захватить Канаду, что помогало формированию зарождающейся концепции канадской государственности, отличной от американской. Канадцы до сих пор помнят эту войну как победную, так как им удалось избежать завоевания своей родины, и даже добиться некоторых военных успехов, в частности, сожжения Белого дома во время захвата Вашингтона, о чём канадские студенты, изучая этот период истории, всегда говорят с удовольствием.

По мере того, как утихали воспоминания о вооруженных столкновениях между американцами и канадцами, канадский антиамериканизм медленно переходил в латентную форму. Стоило американцам совершить что-либо, затрагивающее интересы канадцев, антиамериканизм вновь в полную силу разгорался в стране. Так было во время Гражданской войны в США 1861-1865 гг., когда «на Американском Севере снова появилась идея захвата Канады», и во второй половине 1860-х гг., когда на территорию Канады из США устраивали набеги ирландские революционеры-фениы, которые рассматривали Канаду как удобный плацдарм для основания независимой от Британии Ирландской республики. Канадцы подозревали, что эти рейды совершаются не без ведома американских властей, которые, однако, никак не пытались им препятствовать. Более того, в 1866 г. на обсуждение в Конгресс США был внесен билль, согласно которому любая провинция БСА могла быть принята по её просьбе в состав США.

В.В. БОРОДИНА

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ В XIX-XX ВВ. И ФРАНЦУЗСКИЕ ВЛАДЕНИЯ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА

Первые попытки создания французской колониальной империи относятся к концу XVI в. Тогда были захвачены территории в Северной Америке, а с XVII в. начался активный процесс французской экспансии в Африке. В середине XVII в. французы овладели островом в Индийском океане, который они назвали о. Бурбон (ныне Реюньон). Первые колонии в Азии были захвачены Францией в XVII в. в Индии. Основным опорным пунктом здесь стал с начала XVIII в. г. Пондишери. После поражения в Семилетней войне 1756-1763 гг. Франция потеряла основные владения в Северной Америке: Новую Францию, о. Кап-Бретон, Луизиану (за исключением Нового Орлеана); в Вест-Индии – острова Доминика, Сент-Винсент и другие территории; в Африке – большую часть Сенегала; ряд владений в Индии.

Безусловно, колониальная политика Франции отвечала потребностям внутреннего развития государства. Первый период колониальных захватов совпал по времени с зарождением в стране капиталистических отношений. Сначала деятельность французских мореплавателей сводилась лишь к прямому грабежу и грабительской «торговле». Но с середины XVII в. в ряде колоний, в первую оче-

редь на островах Вест-Индии, начали возникать плантационные хозяйства, основанные на использовании рабского труда негров. Произведенные ими продукты вывозились не только в метрополию, но и в другие страны.

Французская революция XVIII в. открыла новый этап в истории колониального владычества Франции. Наличие огромных подвластных территорий стало непременным атрибутом ее великодержавного могущества. Так, якобинская Конституция рассматривала колонии как составную часть неделимой Французской республики, в пределах которой должно действовать единое конституционное право. Якобинский Конвент отменил рабство в колониях, но с установлением в стране авторитарного режима Наполеона Бонапарта управление в колониях снова стало строго централизованным. Была создана конституционная база для восстановления рабства. Лишь Конституция 1848 г. изменила вектор французской колониальной политики, провозгласив принцип интеграции колоний в единую французскую государственность. В ней вновь подчеркивалось, что колонии являются частью французской территории и подлежат действию конституционного права Франции.

В условиях промышленного переворота колонии перестали быть для метрополии лишь объектом прямого грабежа и поставщиком производимых там товаров. Они начали играть роль источника сырьевой базы для растущей французской промышленности, а в некоторых случаях – рынка сбыта товаров.

В середине XIX в. Франция вновь вступила на путь колониальной экспансии, прежде всего, в Северной Африке, а так же на Дальнем востоке и в Юго-Восточной Азии. В 1842 г. Франция захватила в Тихом океане Маркизские острова и установила протекторат над ними; в 1844 г. она навязала кабальный договор Китаю; в 1853 г. захватила острова Новая Каледония. С установлением колониального режима управления в 1885 г. острова французской Полинезии были объединены во французские владения в Океании.

Окончательно система колониального управления оформилась лишь во времена Третьей республики, правящие круги которой приняли самое активное участие в колониальном разделе мира, в основном закончившемся к началу XX в. После захвата огромных территорий в Африке, Индокитае, островов южного бассейна Тихого океана французская колониальная империя стала по своим размерам и численности населения второй в мире. Для управления всеми французскими владениями в 1894 г. было создано министерство колоний, причем юридический статус колониальных владений был различным.

С самого начала покорения народы французских колоний вели борьбу за свое освобождение. Постепенно эта борьба стала принимать характер национально-освободительных движений. Ограниченность французских капиталовложений в экономику подвластных территорий служила сдерживающим фактором в их развитии; промышленность колоний находилась в зачаточном состоянии. Положение начало меняться во время первой мировой войны, когда французские колонии стали важными поставщиками стратегического и промышленного сырья. Усилилось строительство инфраструктуры, стал набирать

силу национальный капитал, расширился местный рынок. Тогда национально-освободительная борьба в колониях приобрела более организованный характер, охватив в первую очередь наиболее развитые в социально-экономическом отношении французские владения в Индокитае и на Арабском Востоке.

В период второй мировой войны и особенно после неё развернулся новый этап кризиса мировой колониальной системы, приведшей к ее распаду. Крушение французской колониальной империи – составная часть этого процесса. Уже в годы войны добились независимости Сирия и Ливан (1943). В результате победы Августовской революции 1945 г. было свергнуто французское колониальное господство в Индокитае, установлена народно-демократическая власть и образована Демократическая Республика Вьетнам. Правящие круги Франции вынуждены были искать новые формы управления колониями на основе их самостоятельности в решении внутренних вопросов. Такой формой по французской конституции 1946 г. стал Французский Союз. Осуждая колониализм, конституция 1946 г., тем не менее, сохраняла политические основы колониальной системы и французский суверенитет над заморскими владениями.

В 1946 г. Французский Союз занимал площадь около 12 млн. кв. км с населением более 70 млн. человек. Формально он был разделен на три части: 1. «заморские департаменты» (три департамента Алжира, Реюньон, Мартиника, Гваделупа, Французская Гвиана); 2. «заморские территории», которые номинально становились особой составной частью Французской Республики (Французская Западная Африка: Сенегал, Мавритания, Французский Судан, Гвинея, Берег Слоновой кости, Верхняя Вольта, Дагомея, Нигер; Французская Экваториальная Африка: Габон, Средний Конго, Убанги-Шари, Чад; а также Мадагаскар, Французская Сомали, Новая Каледония, Коморские острова, Французская Полинезия, острова Сен-Пьер и Микелон, Французские владения в Индии); 3. «присоединившиеся территории и государства» (Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Марокко, Тунис, англо-французский кондоминиум Новые Гебриды, подопечные с декабря 1946 г. территории Того и Камерун).

Была создана особая система управления этими владениями. В «заморских департаментах» предусматривались те же органы местной власти, что и во Франции. В «заморских территориях» были созданы местные выборные органы – территориальные ассамблеи, правда, с ограниченными правами. В системе министерства колоний в 1946 г. было создано министерство по делам «заморских территорий». Руководящими органами Союза стали парламент Франции и Ассамблея Французского Союза – консультативный орган с ограниченными правами. Президентом Союза являлся президент Французской Республики.

В 1958 г. была принята новая конституция Франции (Пятой Республики). На смену изжившего себя Французского Союза было создано так называемое Сообщество, в котором государства-члены официально имели право на «свободное и демократическое управление своими делами». Однако важнейшие сферы государственной деятельности (внешняя политика, оборона, денежная система, юстиция, транспорт, связь) оставались в руках метрополии.

Человек и культура в антропологическом измерении: антропология, археология и этнография Дальнего Востока

I. Археология и палеоэкология

Л.Е. ВАСИЛЬЕВА, В.А. РАКОВ, Ю.В. ФЕДОРЕЦ

ФАУНА ПРОЛИВА БОСФОР-ВОСТОЧНЫЙ В ПОЗДНЕМ ГОЛОЦЕНЕ

В последнее время, в связи с реализацией больших проектов строительства на побережье о. Русский и пролива Босфор-Восточный, было открыто несколько археологических памятников с раковинными кучами раннего железного века.

В ходе раскопок раковинных куч был собран большой фаунистический материал, включающий раковины моллюсков, фрагменты домиков усонюгих раков, зубы, кости и отолиты рыб, птиц, млекопитающих. Анализ этих остатков позволил идентифицировать несколько десятков видов животных разных систематических групп, определить их возраст и сезон добычи, реконструировать размеры, выяснить способы обработки. С учетом материалов из других археологическим памятников периода раннего железного века, расположенных на побережье Уссурийского залива и пролива Босфор-Восточный, впервые получены сведения о видовом составе фауны относительно крупных промысловых животных, существовавших около 2-2,5 тыс. лет назад в этом районе.

Анализ видового состава фауны, численности животных, их возрастных и размерных характеристик, свидетельствует о более теплых климатических условиях в период раннего железного века и о заметных изменениях в водных и наземных сообществах прибрежной зоны.

О.А. ШАРОВА

ПРОМЫСЕЛ ПРИБРЕЖНЫХ МОЛЛЮСКОВ В ЗАЛИВЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В ПЕРИОД НЕОЛИТА

На побережье залива Петра Великого археологи выделяют две неолитические культуры:

1) *Зайсановская культура* представлена поселениями Зайсановка-1, Гладкая-1, Олений-1, Кировское. Время их существования приблизительно V-III тыс. до н.э.

2) *Бойсманская культура* существовала несколько ранее в том же интервале, и связана с поселениями Бойсмана-1 и Бойсмана-2.

В раковинных кучах неолитических поселений южного Приморья обнаружены раковины промысловых видов двустворчатых и брюхоногих моллюсков. Среди них по численности и биомассе доминирует один вид – устрица *Crassostrea gigas*, являвшаяся, очевидно, основным объектом промысла. Также часто встречаются раковины моллюсков, тесно связанных с устрицами. Например, брюхоногий моллюск *Rapana venosa* – хищник, питающийся только устрицами.

Этот вид также служил объектом промысла, раковины рапаны обнаружены в нижнем слое раковинной кучи раннеолитического поселения Бойсмана-2 на побережье б. Бойсмана и позднеолитического поселения Зайсановка-7, расположенном на побережье б. Экспедиции зал. Посъета, где раковины рапаны встречаются очень часто и формируют иногда слои мощностью до 8 – 14 см с плотностью до 85 экз./м².

В прибрежных водах южного Приморья уже на ранних этапах развития промысла около 7-5 тыс. лет назад добывали двустворчатых моллюсков из семейства Veneridae – раковины *Ruditapes philippinarum*, *Dosinia japonica*, *Callista brevisiphonata*, *Saxidomus purpuratus* часто встречаются в неолитических раковинных кучах. Большое количество раковин вида *Meretrix lusoria*, который в настоящее время не обитает на юге дальневосточных морей России, обнаружено в нижнем слое раковинной кучи поселения Бойсмана-2. Раковины этого же вида обнаружены в слоях поселений более поздних неолитических культур: Зайсановка-7 и Посъет-1. Данные радиоуглеродного анализа раковин *Rapana venosa* и *Crassostrea gigas* из этих поселений свидетельствует о том, что 7,6-5,0 тыс. лет назад в бухте Бойсмана осуществлялся промысел меретрикса, который позднее вымер в связи с похолоданием климата. В бухтах зал. Посъета этот вид венерид существовал еще около 4,5 тыс. лет назад, а затем, по-видимому, вымер, так как не обнаружен в раковинных кучах более поздних поселений. В малакофауне памятников б. Бойсмана много раковин промысловых видов, таких как мидия *Crenomytilus grauanus*, спизула *Spisula sachalinensis*. В раковинных кучах древних поселений неолита многочисленны находки двустворчатого моллюска рода *Anadara*, относящегося к ценным промысловым видам, который в настоящее время культивируют в странах Дальнего Востока. Это *A. Broughtonii*, появившаяся в зал. Петра Великого около 7-8 тыс. лет назад. Единственная створка еще одного ценного промыслового вида анадар *A. Subcrenata* обнаружена в нижнем слое раковинной кучи поселения Бойсмана-2. Значительно чаще в раковинных кучах этого поселения встречается анадара Броутона, из створок которой изготавливали многочисленные браслеты, собранные в женских погребениях [Попов и др., 1997]. Десятки радиоуглеродных дат, полученных для поселения Бойсмана-2 по образцам угля, раковинам, костям человека и животных, охватывают период от 6,5 до 5,4 тыс. лет назад. Промысел японского гребешка *Chlamys farreri* и тихоокеанского петушка *Ruditapes philippinarum* у побережья южного Приморья существовал на протяжении последних 6,5 тысяч лет, о чем свидетельствуют многочисленные раковины в культурных отложениях неолита.

Большинство раковин из неолитических поселений побережья залива Петра Великого принадлежали относительно теплолюбивым видам моллюсков субтропического или тропического происхождения. Некоторые из них исчезли из залива в связи с похолоданием климата (*Meretrix lusoria*, *A. Subcrenata*), другие сократили ареал (*Rapana venosa*, *Crassostrea gigas*). Возможно, в связи с потеплением климата в результате антропогенного увеличения содержания парниковых газов в атмосфере

исчезнувшие виды вновь появятся в зал. Петра Великого, что со временем позволит перспективно организовать их промысел и культивирование.

С.А. ЗВЕРЕВ, Т.В. ПОЛИЩУК

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕТОДОВ ДИСТАНЦИОННОГО ЗОНДИРОВАНИЯ ПРИ ИССЛЕДОВАНИЯХ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ КРАСКИНСКОГО ГОРОДИЩА

Повышение эффективности дистанционных методов зондирования культурного слоя для выделения и оконтуривания археологических объектов является чрезвычайно актуальной задачей. В рамках решения этой задачи выполнен сравнительный анализ результатов применения геофизических методов для исследования культурного слоя Краскинского городища (Хасанский район Приморского края России). Фактический материал получен в северо-западной части археологического памятника на участке раскопок, где по сети 1x1 м выполнены микромагнитная съёмка, электропрофилирование и послойная каппаметрия. Для определения кислотно-основных свойств, гранулометрического, минерального и валового химического состава отобраны образцы грунта на различных уровнях культурного слоя в процессе раскопок. Разрешающая способность каждого метода определяется заданной методикой, информативность – комплексом природных и антропогенных факторов, существующих на исследуемой территории.

Электропрофилирование методом срединного градиента, выполненное на раскопах, выявило только самый общий характер изменения геоэлектрических свойств культурного слоя. В то же время, этот метод наиболее информативен на начальном этапе детальных электроразведочных изысканий. Он позволяет не только выделить горизонтальные неоднородности, которые могут быть отождествлены с археологическими объектами, но и оценить геоэлектрический разрез площадки исследований для постановки более детальных работ, например, методом электрической томографии. Необходимо отметить, что применение метода электрической томографии – наиболее громоздкого и дорогостоящего метода археологической электроразведки – без предварительного проведения электропрофилирования представляется нерациональным, поскольку в этом случае средства, отпущенные на археогеофизические исследования конкретного участка, оказываются потраченными не лучшим образом.

Применение микромагнитного картирования в северной части Краскинского городища для выявления археологических объектов не всегда даёт хорошие результаты. Магнитные аномалии, создаваемые такими объектами, осложнены аномалиями-помехами. Большое влияние на результаты съёмки оказывает глубокое перекапывание слоев почвы и подстилающих осадков (участков раскопок и примыкающая к ним территория). На таких участках фиксируются высокоамплитудные «пятнистые» аномалии, избавиться от влияния которых невозможно. К аномалиям-помехам следует отнести следы хозяйственной, бытовой и военной деятельности XIX – XX вв. Резкие изменения микрорельефа, связанные с границами археологических раскопок, ям, окопов вносят значительные искаже-

ния в аномальное магнитное поле. На результаты высокоточной магнитной съемки существенное влияние оказывает засоренность почвы металлическими предметами. Территория Краскинского городища длительное время подвергалась антропогенному воздействию, в приповерхностном слое находится большое количество железных предметов: детали сельскохозяйственной техники, предметы быта, куски проволоки, фрагменты военной техники и оружия. В нашем случае они не представляют поискового интереса и рассматриваются как помехи. Возмущения поля над современными железными предметами имеют локальный характер и знакопеременный вид. Радикальным средством исключения влияния помех такого типа является предварительная тщательная очистка площади детальной магнитной съемки от металлолома с помощью металлоискателя. Такому способу устранения помех на территории Краскинского городища препятствовали два обстоятельства. Во-первых, в Бохае было развито искусство отливки из железа. Характерные аномалии позволяют легко обнаружить железные предметы, но также создают помехи по амплитуде в несколько раз превышающие амплитуды «полезных» сигналов. Разделить аномалии магнитного поля, создаваемые средневековыми и современными объектами из железа, не представляется возможным. Во-вторых, нарушение верхнего слоя почвы и песка при выкапывании железных предметов создало бы дополнительные помехи при дальнейшей магнитной съемке.

Магнитные аномалии-помехи, обусловленные антропогенными факторами, свели к нулю информативность магнитометрии на раскопах XL и XLI. Результаты микромагнитной съемки юго-западнее раскопа XL позволили восстановить предполагаемый структурный план застройки археологического памятника на площади 1505 м². Выявленные локальные аномалии магнитного поля, скорее всего, отражают влияние средневековых строительных конструкций. Надеемся, что дальнейшие исследования на этой территории будут запланированы с учетом результатов магнитной съемки.

Чрезвычайно эффективными оказались результаты капаметрии поверхности почвенного слоя на раскопе XL. Распределение исследуемого параметра по площади практически полностью соответствует местоположению археологических конструкций в верхнем строительном горизонте культурного слоя. Аномальные концентрации тяжелой фракции осадка, оказавшиеся помехой для выделения археологических объектов в культурном слое на основе поверхностной капаметрии, образовались в процессе естественного шлихования в струях паводковых вод. Количество магнитных минералов в осадке позволяет сделать вывод о высокой скорости водного потока, которым отдельные строительные конструкции могли быть разрушены, а другие замыты песком. Последующее снижение уровня моря до современной отметки сопровождалось развитием эрозионных процессов в пойме р. Цукановка, которые привели к выравниванию рельефа за пределами крепостной стены. В тоже время крепостной вал явился искусственным барьером, предотвратившим размыв и снос паводковых отложений во внутренней части городища.

Применение комплекса геофизических методов для исследования культурного слоя Краскинского городища дало удовлетворительные результаты, которые позволяют с оптимизмом относиться к перспективам дальнейшего использования неразрушающих методов исследования культурного слоя на этом археологическом памятнике. Наиболее актуальной задачей на данном этапе является выбор оптимального комплекса методов дистанционного зондирования культурного слоя применительно к существующим археологическим и геологическим условиям, который позволит с максимальной степенью детальности выделять и оконтуривать археологические объекты.

Как показали проведенные исследования, для выделения структурного плана поселения наиболее информативна электроразведка. В данном случае разрешающая способность электротомии определяется особенностями примененной методики. Некрупные археологические постройки могут быть успешно выделены по результатам микромагнитного картирования и каппаметрии поверхности почвенного слоя. Показана высокая эффективность каппаметрии поверхности почвенного слоя для выявления археологических строительных конструкций, скрытых в паводковых наносах. Она определяется рядом природных и антропогенных факторов: механическая дифференциация вмещающих пород культурного слоя в процессе их образования в условиях антропогенной застройки, биологический круговорот веществ в почве и подпочвенном грунте, сорбционные процессы на глинистых минералах и гумусовом веществе почвенного слоя.

А.Ю. ТЕЛЕЛЮЕВ

ОБЛАСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ГЕОИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ В АРХЕОЛОГИИ

Цель данной работы – охарактеризовать способы практического применения геоинформационных систем в археологическом исследовании.

Задачи, решаемые в археологии с помощью ГИС, можно классифицировать следующим образом:

1. Проведение полевых разведывательных работ с использованием GPS приемника и ГИС совместимого программного обеспечения, а также построение моделей поверхностей, рельефа.

2. Компьютерное картографирование с использованием ГИС совместимого программного обеспечения: создание археологических карт и баз данных памятников, построение пространственных моделей поверхностей археологических объектов.

3. Пространственный анализ с использованием ГИС – построение моделей исторических процессов, изучение торгово-экономических, культурных взаимодействий между различными регионами в рамках одной культуры и одного хронологического среза и т.д.

1. Базовая методика работы с GPS-навигатором («ресиверно-бродячая» техника) направлена на получение наиболее точных результатов при проведении археологических картографических работ, например, при съемке местности

Акого-либо археологического объекта (памятника целиком, либо отдельных объектов, расположенных непосредственно внутри периметра исследуемого памятника). GPS-прибор состоит из двух частей: ресиверной станции, устанавливаемой стационарно на постоянном репере и переносного приемника с высотной узкодиапазонной антенной. Археолог устанавливает ресиверную станцию на математической отметке «ноль» на репере, затем, передвигаясь по исследуемой местности вместе с переносным приемником, снимает разницу в координатах, возникающую при передвижении. При этом полученные координаты являются наиболее точными, поскольку и ресиверная станция и переносной приемник работают не только в замкнутой цепи, но каждый из них принимает сигнал со спутников, образуя тем самым приемную сеть минимальной погрешности.

Полученные данные могут обрабатываться в реальном времени с помощью портативного компьютера со специальным программным обеспечением (например, ESRI ArcPad Mobile), подключенного непосредственно к переносному приемнику, что создает практически законченную рабочую станцию, поскольку принимаемые координаты могут быть отмечены на цифровой карте компьютера прямо в момент их приема.

2. Геоинформационные системы и ГИС совместимое оборудование (вышеупомянутые GPS-навигаторы, трехмерные сканеры, лазерные дальномеры и т.п.) могут быть полезны при создании планиметрических и трехмерных моделей исследуемой поверхности (археологического памятника, объектов и т.д.). Для построения таких моделей вначале производят ряд работ по сбору координатных данных с максимально возможной точностью. С этой целью используют GPS-навигаторы «ресиверно-бродячего» типа. Точность построенной модели поверхности с использованием координатных данных напрямую зависит от количества координатных точек, полученных с помощью GPS-навигатора и нанесенных на электронную карту. Затем электронную карту с указанными на ней координатными точками переводят в тот формат, который требуется для последующей обработки в какой-либо компьютерной программе, например ArcCad. Если же координатные точки были нанесены на растровую электронную карту, ее необходимо оцифровать с помощью прикладного программного обеспечения (например, Auto Cad, Adobe Illustrator и др.). В этом случае качество и точность оцифровки зависит от аппаратных средств и самого пользователя (обычно из аппаратных средств для этих целей используются дигитайзеры – электронные графические планшеты). Для построения более сложных моделей поверхностей (в том числе и трехмерных) используется ГИС совместимая программа ArcCad. Координаты точек, нанесенных на электронную карту, не приходится переводить в другой формат, поскольку система работы программы – это ГИС система, то есть абсолютные координаты точек, а также их микробарометрическая высота совпадают с форматом оболочки программы. Более того, если электронная карта была предварительно переведена в векторный формат и загружена в программную оболочку ArcCad, нанесение координатных точек на карту возможно напрямую, непосредственно из GPS-навигатора в реальном времени, поскольку

калибровка координат в программе происходит автоматически с учетом системы работы самого навигационного оборудования.

Очень часто при построении планиметрических моделей поверхности исследуемых объектов используют послойную организацию и отображения данных. Точную цифровую модель поверхности используют в качестве базового слоя. После этого создают дополнительные слои для отображения самых разных данных. Эти слои накладываются на базовую планиметрическую модель в порядке отображаемых данных. За счет этого, например, в пределах определенной территории можно отобразить наличие археологических памятников разных эпох, причем каждый слой будет соответствовать одной эпохе. Кроме того, на построенной планиметрической модели какого-либо памятника таким образом можно отображать ход проведения раскопок с подробной информацией о каждом этапе работ. Данная технология также позволяет визуальным образом представить распространение артефактов различных эпох в рамках одного памятника. Существуют и другие области применения указанного способа, причем он постоянно совершенствуется исследователями.

3. Для построения трехмерных моделей поверхностей учитываются не только планиметрические координатные данные, но и барометрическая высота каждой точки. В этом случае векторизованная планиметрическая модель может быть автоматически построена в трехмерном варианте отображения, максимально точно соответствующая реальной физической обстановке (при условии высокой точности проведения работ по созданию координатных точек). Готовый вариант такой модели также может иметь слоевую систему организации данных и отображать различную информацию, аналогичную планиметрическим моделям.

В качестве отдельного слоя может использоваться текстурированное изображение деталей поверхности, например, архитектурных конструкций, стен, валов и т.д. Обычно для реконструкции и построения трехмерной модели подобных объектов используется трехмерный сканер. Этот прибор также может быть успешно использован для построения моделей поверхности исследуемых археологических объектов.

Таким образом, группа исследователей-археологов, вооруженная подобной техникой, имеет возможность проводить полевые геоархеологические работы и создавать полностью законченные планиметрические или трехмерные модели исследуемых областей, объектов, а также создавать электронные ГИС совместимые археологические карты, постоянно пополняя электронную базу данных.

Я.Е. ПИСКАРЕВА

ОБРАБОТКА ПОВЕРХНОСТИ МОХЭСКИХ СОСУДОВ ПРИМОРЬЯ

Обработка поверхности мохэских сосудов включала применение выбивки, заглаживания, лощения и окрашивания. Последовательность применения этих приемов имеет несколько вариантов. Обычно, после формовки, тулово подвер-

гали выбивке, затем заглаживали или ложили. В некоторых случаях ложили только внешнюю поверхность, а внутреннюю просто заглаживали.

Выбивка. Для формовки большинства мохэских сосудов выбивка была обязательной процедурой, ее не применяли лишь для изделий небольших размеров. Все мохэские сосуды формовались кольцевым ленточным налепом. Такой способ формовки тулова и выбивка тесно связаны между собой, поскольку именно при применении выбивки плотнее скрепляются стыки лент, утончаются и уплотняются стенки [Rice, 1987].

По виду поверхности выбивающего инструмента выбивку на мохэской керамике Приморья можно разделить на два типа: выбивка, нанесенная гладкой колотушкой и рельефная выбивка, нанесенная нарезной колотушкой.

Рельефная выбивка на мохэских сосудах Приморья представлена в двух вариантах:

1. Выбивка, получившая в литературе названия «вафельной», «ложнотекстильного орнамента», «шахматно-шашечного узора». Все эти термины указывают на характерные следы, остающиеся на внешней поверхности сосуда в виде мелких квадратных или прямоугольных ячеек. Форма отпечатков на мохэской керамике – квадратная или прямоугольная, ширина – 1-2 мм. Необходимо отметить, что выбивка нарезной колотушкой дает еще одно важное преимущество – повышает термические качества сосуда, поскольку рельефная текстура увеличивает площадь поверхности, способной аккумулировать и передавать тепло [Shiffer, 2001].

2. Выбивка, нанесенная колотушкой, поверхность которой покрывали параллельные линии. Отпечатки представляют собой полосы длиной 1,5-2 см. Поверхность таких сосудов заглажена, но довольно небрежно, так что следы достаточно хорошо видны. Такие сосуды присутствуют на поселении Чернятино-2 и в могильнике Чернятино-5.

Заглаживание. После выбивки поверхность сосудов ложились или заглаживалась, но зачастую следы выбивки окончательно не уничтожались. Заглаживание на приморских мохэских лепных сосудах производилось, как правило, по пластичной глине рукой. Качественное заглаживание, устранявшее все неровности, встречается нечасто, как правило, бугристость стенок сохранялась. Сосуды, поверхность которых заглаживалась твердым инструментом, встречаются гораздо реже (можно отметить сосуд с городища Синельниково-1 со следами вертикального заглаживания деревянным инструментом). Заглаживание на круговых сосудах производилось автоматически при вращении на круге.

Лощение. Лощение наносилось после выбивки на поверхности, находящиеся в подсушенном или сухом состоянии. На мохэских сосудах фиксируются два типа лощения: лощение с блеском и тусклое. Первое, несомненно, более эффективно, но его нанесение связано с большими временными затратами [Жуциховская, 2004]. Визуально эти два типа различаются очень легко, но происхождение и способ получения таких качеств поверхности до конца не ясен. Некоторые исследователи отмечают большое значение физических свойств глины,

влияющих на лощение. По нашим наблюдениям, тусклое лощение получается в том случае, когда поверхность недостаточно хорошо подсушена. Влияют также вид применявшегося инструмента, воздействие влаги, перепад температур во время использования изделия. Полосчатое лощение фиксируется нечасто – только на керамике памятников Чернятино-2, Чернятино-5, Константиновское-1 селище, городище Синельниково-1. Соотношение лощеных лепных и круговых мохэских сосудов неодинаково на памятниках разных групп. В целом, на круговых изделиях оно встречается немного чаще, а на памятниках среднего течения р. Раздольной количество лощеных лепных и круговых сосудов одинаково.

Окраска. До сих пор такой способ обработки мохэских сосудов Приморья был неизвестен. В 2003 г. нами впервые было выявлено окрашивание, или точнее, побелка мохэской керамики из гончарных печей в бухте Троицы. Сосуды покрывались известью. После побелки внешняя поверхность сосуда становилась грязно-белого, бежевого, светло-рыжего цвета. Под микроскопом в поперечном шлифе известковый слой выглядит как узкая (0,01-0,05 мм, иногда 0,1 мм) светлая полоска. Хорошо прослеживаются затеки извести в трещинах и выбоинах на поверхности сосуда. В некоторых случаях, когда присутствие извести фиксировалось при петрографическом анализе, визуально поверхность ничем не отличалась и была рыжего, рыже-коричневого цвета. Видимо, это связано с тем, что известь исчезла за время пребывания черепка в земле, возможно из-за воздействия солей, присутствующих в почве.

Технологические показатели производства керамических сосудов часто служат характеристике временных и культурных особенностей различных памятников [Бобринский, 1978; Кожин, 1989; Цетлин, 1996; Гельман и др., 2001].

Для керамики мохэских памятников V-VII вв. характерно отсутствие качественного блестящего лощения и присутствие небольшой доли изделий с тусклым лощением. Выбивка наносилась только гладким инструментом и фиксируется практически у всех сосудов, за исключением изделий небольших размеров. Так, среди керамики памятников ханкайской группы (Куркуниха, Куркуниха-3, Новоселище-2, Аргановка-4, Новоселищенское городище) у 96-98% всех сосудов лощение отсутствует, а у 2-4% изделий есть признаки тусклого лощения. У 64-70% сосудов памятников прибрежной группы (Троица-2, Троица-5, Маньчжурбаза-1, Посьетская пещера) присутствует в основном тусклое лощение, как и у изделий памятников раковской группы (Раковка-10, Михайловка-1,2, Абрамовка-3, Лузановский могильник). Характерной особенностью керамики прибрежных памятников является окраска известью. Можно отметить, что оно зафиксировано у 52% проанализированных шлифов.

На большинстве мохэских сосудов бохайских памятников суйфунской группы (Чернятино-2, Чернятино-5, Константиновское-1 селище, городище Синельниково-1) фиксируется лощение, более двух третей изделий имеет лощение с блеском, на некоторых фрагментах присутствует полосчатое лощение. Аналогичные показатели характерны и для круговой керамики. У значительной доли емкостей обнаружены следы выбивки гладкой колотушкой, а у некоторых сосу-

дов – выбивки колотушкой, на поверхность которой нанесены параллельные линии.

Для лепных и круговых сосудов нижнего горизонта Краскинского городища отмечено наличие в основном тусклого лощения. На двух круговых сосудах присутствует сочетание ручного (вертикального) лощения на тулове и машинного (горизонтального) на горловине [Гельман, Пискарева, 2002].

Для бохайских памятников горбаткинской группы (городища Горбатка, Николаевское-1,2), а также Марьяновского городища и верхнего слоя Краскинского городища характерна залощенная ячеистая выбивка. Следует отметить, что в отличие от подобной приамурской керамики на приморских сосудах ячеистая выбивка сочетается только с неорнаментированным валиком под венчиком. При этом больше всего сосудов с ячеистой выбивкой (до 90%) обнаружено на городищах горбаткинской группы, а в верхнем горизонте Краскинского городища такие изделия составляют не больше 25%. Особенность мохэской керамики Марьяновского городища состоит в присутствии сосудов с ячеистой выбивкой и сосудов с орнаментированным валиком под венчиком в одном комплексе.

На мохэских сосудах могильника Монастырка-3 не обнаружено никаких признаков ячеистой выбивки, небольшая часть изделий подвергалась тусклому лощению [Семина, Коломиец, 1990].

Таким образом, для мохэской керамики различных хронологических периодов характерны определенные способы обработки поверхности. Особенности в применении приемов, наличие или отсутствие некоторых способов обработки поверхности, неодинаковые доли сосудов, например, с ячеистой выбивкой или лощением являются признаками, характеризующими различные группы приморских памятников, содержащих мохэскую керамику.

С.Е. САРАНЦЕВА

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БОХАЙСКОЙ И ЧЖУРЧЖЭНЬСКОЙ ЧЕРЕПИЦЫ (НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКОВ ПРИМОРЬЯ)

Доклад посвящен сравнительному анализу керамической черепицы, обнаруженной на средневековых памятниках Приморья для выделения общих и особенных черт, присущих бохайской и чжурчжэньской черепице.

На территории Приморского края постройки с черепичными крышами впервые прослеживаются на буддийских культовых комплексах в период существования государства Бохай (VIII-X вв.). Находки представлены четырьмя полностью изученными храмами – кумирнями (Копытинского, Абрикосовского, Корсаковского, Борисовского) и одним храмовым комплексом (Краскинское городище). Находки черепицы зафиксированы также и на других бохайских памятниках. Основой для сравнения черепицы послужили ранее опубликованные материалы, в том числе обобщающего характера [Шавкунов, 1960; Шавкунов, 1968; Болдин, Ивлиев, 1984; Болдин, 1993; Артемьева, 1998; Медведев, 1998; Гельман, 2003; Гельман, 2005 и др.]. Материалы чжурчжэньских памятников

представлены в основном находками, обнаруженными на городищах, датированных XII-XIII вв. – Красноярском, Николаевском, Шайгинском, Западно-Уссурийском, Южно-Уссурийском и др.; которые были найдены при исследовании построек, имевших административные и дворцовые функции.

Ассортимент. Изучение черепицы бохайских памятников показало, что набор черепиц, использовавшихся в кровлях бохайских храмов, является постоянным для разных памятников. Такой ассортимент черепицы, вероятно, определялся культовым назначением построек и близкими к четырехскатному силуэту крышами зданий.

В чжурчжэньское время происходит изменение ассортимента в виде сокращения некоторых разновидностей черепицы, применяющихся при сооружении кровли. Вместе с этим нельзя не отметить, что исследованные постройки обоих периодов различны по своему назначению. В первом случае – это храмовые сооружения, а во втором – здания, имеющие дворцовые и административные функции. С другой стороны, изменения, произошедшие в ассортименте черепицы исследуемого периода, носят не количественный, а качественный характер. В частности, на чжурчжэньских памятниках в Приморье не обнаружены угловые основные, угловые карнизные и фигурные черепицы. С другой стороны, в более раннее время нет верхних карнизных черепиц с подтреугольным завершением, а также верхних основных и карнизных черепиц без хвостовика. На чжурчжэньских памятниках гораздо реже встречаются гребневые и коньковые черепицы; только на одном памятнике прослежены фрагменты подгребневых черепиц.

Морфология. Нижняя карнизная черепица, обнаруженная на бохайских памятниках, располагавшаяся на карнизах крыш храмовых сооружений, в отличие от нижней карнизной черепицы чжурчжэньского времени, имела орнаментированный торец вместо отлива. Верхняя черепица (и основная и карнизная) была различной формы. Часть ее (на Копытинской кумирне и Краскинском храме) имела конусовидную форму и предполагала вкладывание одной черепицы в другую на крыше. Некоторые черепицы имели на своем зауженном конце по три бороздки (валика), предназначенные для лучшего соединения на крыше. Основная масса верхних черепиц, обнаруженных на бохайских памятниках, цилиндрической формы, с оформленным хвостовиком. Формы хвостовиков обоих периодов отличаются друг от друга. Чжурчжэньская черепица имеет, как правило, гладкий и не такой длинный хвостовик. Отверстие для гвоздя на бохайской верхней карнизной черепице находилось в центре хвостовика или в верхнем зауженном конце, в отличие от чжурчжэньской черепицы, где отверстие всегда располагалось в теле самой черепицы. Концевой диск верхней карнизной черепицы в некоторых случаях был дополнительно оформлен кольцевой рамкой.

Декор. В основе декора верхней карнизной черепицы бохайских памятников лежит буддийская символика: различные варианты розеток лотоса с несколькими, как правило, двудольными лепестками. Зооантропоморфные мотивы, столь распространенные в XII-XIII вв., на концевых дисках верхней карнизной черепицы, найденной в Приморье и датированной бохайским временем, полностью

отсутствуют. Орнаменты нижней черепицы, располагавшиеся на ее широких торцах, по характеру изображений просты: это довольно примитивные оттиски пальцев, изображения кружков, косых полосок и треугольников, сгруппированных в фигуры. Большинство из них повторяются среди находок, обнаруженных на разных памятниках в Приморье. Способы их нанесения также более просты. Это, как правило, нож, заостренная или полая палочка, простейший штамп. Одной из причин появления черепицы с отливами (взамен орнаментированных торцов) являлась трансформация последнего при его декорировании. Другая причина этого лежит, вероятно, в изменении угла подъема крыш.

Техника и технология. В плане технико-технологических особенностей черепицы также имеется масса черт, отличающих черепицу обоих периодов друг от друга. Шаблоны для формовки черепиц были разными: для бохайского периода они составные из отдельных дощечек, для чжурчжэньского – из цельного материала, в некоторых случаях, возможно, также из дощечек. Углубления для гвоздей шаблона на бохайской черепице отсутствует, что также является подтверждением применения разных шаблонов. Ткань, использовавшаяся для обтягивания шаблона, была различной по своему качеству, очевидно, произведена из разного сырья. Чжурчжэньская черепица, обнаруженная в Приморье, на своей внутренней поверхности не имеет следов надрезки для разделения готовых изделий после формовки.

При обработке внешней поверхности на чжурчжэньской черепице отсутствуют следы выбивки внешней поверхности через ткань, носившие технологический характер, хотя в бохайский период оттиски были чрезвычайно распространены и известны в нескольких видах.

Таким образом, обнаруженная на бохайских и чжурчжэньских памятниках черепица различна в своих элементах: морфологии, видовом составе, орнаментации. Также имеются технические особенности, характерные для черепицы каждой из культур. Исходя из анализа разновременного материала, найденного на одной и той же территории, становится очевидным тот факт, что всё это проявления разных традиций разных культур, при этом прямой преемственности не наблюдается. В литературе приводится точка зрения, что традиция изготовления черепицы проникает на территорию Приморья в VIII-X вв. из Когурё. Позднее она прерывается и появляется вновь только в XII-XIII вв., но теперь уже из Китая. По сообщениям письменных источников, чжурчжэни, захватив в 1127 г. г. Кайфын – столицу Сунского Китая – вывезли помимо прочего и мастеров – черепичников. На этом история чжурчжэньской черепицы не заканчивается. Она распространяется далеко на запад и находит свое продолжение в архитектуре и строительстве монгольских городов.

H. NAKASAWA

COMPARATIVE ARCHEOLOGICAL APPROACH TO THE TABLEWARE STYLE
IN THE MEDIEVAL NORTHEAST ASIA
(THE REGIONAL DIFFERENCE AND HISTORICAL SIGNIFICANCE)

Introduction. The purpose of this report is to discuss the transition and the meaning of “Tableware style” of East Asia in the VII-XIII centuries by the comparison archeology viewpoint. In this area, various “Tableware” such as earthenware, pottery, wooden ware, lacquer ware and metallic machines was used. “Tableware” is a generic name of the tool related to meal. So I want to define as not only bowl and plate, but also as the one including the cooking tool (pot and kitchen knife), the boiling tool (Caldron and boiler) and the storing tool (jar, Vase and pot). The kind, the material, the amount and composition of tableware are different in each consumption sites. This reflects not only the character of the archaeological sites and the remains, but also the character of the age, the regionality, the politics, the group and so on. I think that the regionality of the tableware style, the intentions of the production and the circulation, the meal style, the lifestyles etc. is clarified, if the combination of tableware is caught by the concept “Tableware style”, and it examines it from the aspect of the macro and micro.

1. The tableware style in the Medieval Northeast Asia

1-1. Bohai. Feature of the tableware style in *Bohai* is as follows; 1. There are a lot of kinds of tableware; 2. The pottery bowl and plate is few; 3. Production of the black ceramic with “luster by polish”; 4. The hierarchical difference of tableware had arisen in the capital and the local ancient town of *Mudanjiang* and *Tumenjiang* (*Tuman*) where there are the central parts of *Bohai*. In other words, the glazed pottery was ranked higher than ceramic in the area (Fig. 1). The black ceramic, which assumed to have imitated the metallic small plate (lid), has been excavated in Kraskino ancient town. I think that the appearance of the ceramic bowl and plate have been connected with beginning of the black ceramic production. However, pottery which had a tradition of *Mohe* culture had been used in another area of *Bohai* territory. Such a pottery had been used as grave goods in the center of *Bohai* territory.

1-2. Liao, Jin and Dong’Xia. The tableware style of *Liao* and *jin* is composed of Ceramic, Glazed pottery, Porcelain, metallic ware, Wooden ware and lacquer ware etc [NAKASAWA, 2009 b]. Ceramic was used universally. Particularly, the use of the jar, the pot, and the Laver becomes remarkable. Basically, the pottery small bowl and plate were not used, and wooden ware was usually used.

A metallic caldron and pot, glazed pottery and porcelain had spread in the XII century. Metallic caldron and pot has the regional variation [NAKASAWA, 2009 b; 2009 c: Fig. 2]. Caldron with 4-8 grips (Caldron-B IV type) had spread in the western area of the line that links South *Primorye* and the middle of *Songhuajiang*. Pot with 3 legs (Pot-A type) had spread in its eastern and northern area. This regional variation reflects the difference between the fabrication technology and the way of using. The former is remarkably seen in the region where farming comes in contact with nomadism. And the pottery with some grips is excavated from the grave of *Liao* and *Jin* in *Heibei*, *Shanxi* and *Shandong* provinces etc. The latter is excavated in *Koryo* sites, too. And pot with 3 legs was used after the later of XIII century. And then, pottery pot with 3 legs was used in western Japan after the latter half of XIII century. I think that the form difference of the caldron and pot reflects the difference of the technology ex-

change. In other words, caldron-B IV type reflects the relation with China (the north region of *Hwang Ho?*), and Pot-A type reflects the relation with Korean peninsula (*Koryo*).

After the latter half of the XII century, Glazed pottery and porcelain of *Ting* and *Chun* ware were carried not only to *Songhuajiang* area, but also to the middle of *Amur* and *Primorye*. White porcelain (the bowl and plate) and black glazed jar (small size) spread to the large area [NAKASAWA, 2008 b]. I think that the spread of the tea culture had promoted the demand of porcelain (Fig. 3). Tea ceremony is one of the Buddhism courtesy. However, it is indistinct whether the tea style was similar to Song, because there is not excavated a tea tray used when tea is drunk. Porcelain has the possibility to have used for the feast, too.

2. Tableware style in Japan

2-1. Tableware style in VII-VIII centuries. The feature of the tableware style in Japanese capital from the second half of VII century to VIII century is as follows: 1. Standardization of form and size; 2. The variety of the kind of tableware; 3. The establishment of interchangeability of *Haji* pottery and *Sue* ceramic; 4. Imitation of the metallic tableware (Fig. 4). There are development of bureaucracy and the appearance of a large amount of public official as the background. The feature in the tableware style at that period is to reflect the social rank order in the quality, the kind, and the number of tableware. However, this aspect is different in regions other than the capital.

2-2. Tableware style in IX-X centuries. The porcelain from China flows in to Japan the IX century. In that time, the ceramic and the glazed pottery which copied the form of porcelain had been produced. And then, ceramic “Jar with long neck” was produced in various parts of the Japanese Islands. Pottery and ceramic production in this period is characterized by this jar. And then, in the end of IX century, Sue ceramic production was begun in *Goshogawara kilns* which were located in the north of Japanese Islands. This production continued until the latter half of the X century. It is important that the technology had spread to the northern frontier region of the Japanese Islands.

2-3. Tableware style in XI-XIII centuries. The earthenware aspect becomes indistinct in the XI century. The Sue ceramic production had not been done. At the same time, wooden have spread. Moreover, the iron pot appeared in the northern part of Japanese Islands. The deep bowl pottery had declined, and the pot and the boiler were used more and more. The ceramic industry production mainly composed of the jar, the pot and the ceramic mortar was done after the second half of the XII century. And, new tableware style appeared at that period. This tableware style was consisted of porcelain (bowl and plate), lacquer ware, ceramic jar, pot and mortar. After the XIII century, the Japanese Islands were built into the circulation network of China and the economic system. “Relation” with various regions in the surrounding influenced the difference of the tableware style in Japan.

Conclusion

The tableware style since medieval age has been transformed at the different level from the ecology and the living environment of the region where the human group had

lived. Hierarchical order of the tableware shown by the model and the copy, which had been seen in *Bohai* and Japan, is one of the examples of the representative. It is important to catch the tableware style when we think about the society in the medieval northeast Asia.

Moreover, it is also necessary to think the meaning of the pottery industry production in the Northeast Asia from a point of view of the tableware style. For instance, the jar and the pot in a similar form were produced in various parts of East Asia in the IX-X centuries. When we think about the feature of the tableware style in one region, it is necessary to understand its characteristic from a global aspect like East Asia. We should discuss the regionality of the tableware style at the East Asian level in the near future.

E.В. АСТАШЕНКОВА

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГО СЯ (1215-1233)

В ходе многолетних археологических работ на Шайгинском (Партизанский район) и Ананьевском (Надеждинский район Приморского края) городищах было обнаружено большое количество предметов декоративно-прикладного и изобразительного искусства, которые, безусловно, представляют собой значительную художественную ценность и играют важную роль в характеристике мировоззрения средневекового населения. Они в разной степени могут освещать такие аспекты как технико-технологические, идеологические, этнокультурные, религиозные, культурные и др. В данной работе речь пойдет о проблеме социально-экономической дифференциации общества Восточного Ся. Безусловно, предметы искусства не являются в решении данного вопроса основным источником, но поскольку их можно отнести к категории «статусных» или «престижных» вещей, следовательно, можно предположить, что сами изделия могут выступать в качестве социально-экономических маркеров. Дана характеристика самих предметов (материал изготовления, выбранные образы и их символика) и проведен анализ их распределения на территории городищ. При этом, как показывает исследование, необходимо ориентироваться не на отдельные статусные предметы, обнаруженные в пределах отдельных жилищ городища, а на комплексы «престижных» социально диагностирующих изделий.

E.А. ГИРЧЕНКО

РИТУАЛЬНЫЕ НЕФРИТЫ КУЛЬТУРЫ САНЬСИДУЙ (К ПРОБЛЕМЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ)

В древности во всех культурах Китая предметы из нефрита являлись непременными атрибутами ритуальных церемоний, а ко времени династий Шан и Чжоу (XVI в. – 771 г. до н.э.) уже сложилась определенная система культов.

Нефритовые регалии цун с канальцем посередине в их вариациях были распространены в Китае уже в неолите. Примерно пять тысяч лет назад, они начинают встречаться на некоторых неолитических памятниках среднего и нижнего течений р. Янцзы и на памятниках культуры Луншань среднего и нижнего течений Хуанхэ. Наибольшего расцвета обработка нефрита достигла в эпоху неолита в культуре Лянчжу, обнаруженной в провинциях Чжэцзян, Цзянсу и в районе Шанхая.

Нефритовые находки часто отражали и социальное положение погребенного. Например, в могиле №3 в Сыдуне в провинции Цзянсу было обнаружено более 200 различных изделий, в том числе и регалии цун, они помещались на груди покойного и их орнаментация (человекоподобные божества, птицы, перья, глаза) имела символическое значение.

Рассматриваемая культура Саньсиндуй была открыта в районе Саньсиндуй уезда Гуанхань провинции Сычуань еще в 30-х годах XX в., но это были единичные находки, не позволяющие определить истинные масштабы государственного образования, существовавшего на территории Сычуаньской котловины. Лишь в 1986 г. были обнаружены две ямы, наполненные различными предметами из бронзы, камня, золотой фольги, кости и нефрита. Сейчас мы можем со всей уверенностью утверждать, что на этой территории существовало государство Шу, упоминавшееся лишь в легендах и некогда считавшееся мифическим.

Нефриты, найденные на памятниках культуры Саньсиндуй, свидетельствуют о наличии тесных связей Сычуаньской котловины и шанского Китая Центральной равнины на севере. О религиозных представлениях шусцев можно лишь догадываться, т.к. практически не сохранилось письменных свидетельств о существовании этого государства. Исходя из этого, сложно сказать, заимствовались ли культы или в государстве Шу ритуальные предметы из Шан приобретали другие функции. Но определенно, судя по тому, что нефритовых регалий цун, плоских колец би, хуань, юань было найдено огромное количество, использование этих предметов в Саньсиндуй получило широкое распространение.

Тот факт, что регалии цун, как и остальные предметы из нефрита, производились на территории самого города, не подлежит сомнению, т.к. там, на территории двух холмов, были обнаружены мусорные кучи, заготовки и готовые предметы. Скорее всего, там находились мастерские по обработке нефрита.

Предметы из Саньсиндуй не орнаментированы или украшены лишь горизонтальными линиями, при этом они небольшие и имеют квадратную форму, а не вытянутого цилиндра как в культурах Лянчжу, Луншань или в Аньяне. Возможно, это связано с тем, что регалии не использовались как атрибуты погребального обряда, они были найдены в жертвенных ямах, а не в могилах и не должны были отражать представления о загробном мире, поэтому на них отсутствуют изображения птиц или человекоподобных существ.

Скорее всего, регалии цун попали в Саньсиндуй благодаря культурным влияниям сопредельных территорий, также были заимствованы и некоторые функции данных предметов, но не был заимствован сам погребальный обряд.

Мы видим своеобразное подражание, потому что данные предметы использовались на всех сопредельных территориях. В Саньсиндуй регалии цун были найдены внутри бронзовых сосудов цзунь и лэй, это могло быть связано с культом определенных мест, где бронзовые сосуды, наполненные ритуальными предметами, выставлялись в качестве подношений духам.

Интересен тот факт, что 10 найденных на данный момент нефритовых регалий цун из Цзиньша (памятник культуры Саньсиндуй более позднего времени) различны по форме и орнаментации. Если в Саньсиндуй они одинаковы по форме и практически не орнаментированы, то в Цзиньша встречаются как похожие на найденные в Саньсиндуй, так и находки, характерные для культуры Лянчжу или похожие на более поздние из Аньяна (могилы Фухао), где были найдены 14 предметов. Например, регалия цун из зеленого нефрита – это классический образец подобных регалий Центральной равнины. Высота данной находки составляет 22,26 см. В верхней части есть вырезанное изображение священного божества в длинной рубашке с широко раскрытыми руками. Разделение регалии на сегменты горизонтальными линиями было характерно для находок Центральной равнины или культуры Лянчжу. Например, находки могилы №12 в Фаньшане провинции Чжэцзян практически идентичны по орнаментации (они разделены на сегменты, углы украшены предметами в виде глаз), но различны по форме. Данные предметы могли попасть в Цзиньша благодаря культурным и торговым контактам из юго-восточных районов нижнего течения Янцзы.

Что касается антропоморфных и зооморфных изображений на нефрите, то внимания заслуживает найденная в провинции Чжэцзян на памятнике Юйхан нефритовая регалия цун с круглым канальцем, довольно большая по размерам, с вырезанными на ней изображениями «священных фигур со звероподобными личинами». В культуре Луншань на теслах бэнь также встречаются антропоморфные и зооморфные личины. Эти изображения демонстрируют особый акцент на глаза с округлыми зрачками, культ которых характерен и для Саньсиндуй. Наконец, еще одним примером является нефритовое украшение в виде звероподобной личины из Фэнсифэнгао в провинции Шэнси, датируемой уже Западной Чжоу. Находка демонстрирует несколько иные, чем в Саньсиндуй, физиономические характеристики носа и бровей, но изображена с оскаленными зубами и выпуклыми зрачками, такое изображение встречается и в Саньсиндуй.

Также можно привести в пример еще одну находку из желтого нефрита (высотой 16,57 см), найденную в Цзиньша. Она неорнаментированная и отшлифованная. На четырех углах есть горизонтальные выемки в виде прямых тонких линий, практически незаметных. Данная находка больше сходна с классическими для памятника Саньсиндуй регалиями цун, в сравнении с нефритовыми регалиями культуры Лянчжу наблюдается различие в общем стиле, нет изображений, наблюдаются только ровные и прямые линии.

Предметы, похожие на кольца би, появились достаточно рано, причем район распространения этих предметов велик, подобные находки были обнаружены в среднем и нижнем течениях р. Хуанхэ в культуре Луншань и в могильниках

культуры Иньсюй, например, в могиле Фухао в Аньяне. В Гуанхани в Саньсиндуй было также обнаружено большое количество нефритовых предметов, похожих на кольца би. На более поздних этапах аналогии можно проследить в провинции Юньнань (могильник Шичжайшань) близ города Цзинин и в могильнике в уезде Цзянчуань у горы Лицзяшань. В Гуандуне и Вьетнаме тоже находят подобные предметы. В Шичжайшань они надевались на руки умершим, поэтому некоторые исследователи предполагают, что кольца би это своеобразные браслеты. Но тогда возникает вопрос о назначении небольших предметов подобного типа, которые нельзя было надеть на руки, например, кольца би, найденные в Саньсиндуй. К тому же, ни в Саньсиндуй, ни в Цзиньша нет никаких следов того, что данные предметы предназначались для рук (руки бронзовых статуй обильно украшены браслетами, но они имеют несколько иную форму).

Таким образом, мы можем выявить пути возможного взаимодействия культуры Саньсиндуй южного Китая с её северными и восточными соседями. Наибольшее количество аналогий мы находим в неолитических культурах Лянчжу и Луншань, оказавших, по всей видимости, огромное влияние на становление культуры Саньсиндуй, а также в культуре Иньсюй шанского Китая, существовавшей на севере параллельно с Саньсиндуй.

Е.Ю. НИКИТИН

ГОСУДАРСТВО БОХАЙ И МИР-СИСТЕМНЫЕ СВЯЗИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Изучение государства Бохай включает в себя такие вопросы, как природа социально-политических процессов приведших к возникновению это государства, характер его взаимоотношений с другими политиями, роль других культур в складывании бохайской культуры. Для исследований подобного рода используются теоретические методы и подходы, одним из важнейших является мир-системный подход, который позволяет выявить и осмыслить исторические модели развития древних обществ в их взаимодействии друг с другом. **Ключевым аспектом** мир-системной теории является идея того, что все общества развиваются и эволюционируют в постоянной и неразрывной связи друг с другом. В ходе развития они образуют пирамидальную иерархию, наверху находится «ядро», в середине – «полупериферия», а внизу – «периферия», место общества в иерархии определяется степенью его социально-политического, экономического и военного развития. Все части такой мир-системной иерархии связаны между собой мир-системными связями, иначе говоря, сетями взаимодействий, благодаря которым и осуществляются контакты между обществами [Hall, 1999]. Взаимосвязь между частями мир-системы складывается из четырех сетей: сетей большегрузных товаров (BNG), сетей престижных товаров (PGN), политических и военных сетей (PMN), информационных сетей (IN) [Чейз-Данн, Холл, 2001]. Благодаря сетям взаимодействия «ядро» влияет на «периферию», и наоборот.

Военные сети ускоряют политическую интеграцию периферийных обществ или разрушают их. Военно-политические сети имеют большое значение в про-

изводстве властных структур на «периферии», влияние «ядра» на «периферию», посредством этих сетей ускоряют политическую интеграцию периферийных обществ. В случае, когда «ядро» являлось центром империи, ведущей военные действия на периферийных территориях, процессы складывания централизованных политических структур на периферии ускорялись. Военно-политические сети связывали мохэские племена с ближайшими соседями. Постоянные военные столкновения, вызванные напором империи Тан, способствовали консолидации и политической интеграции мохэских вожеств, что в итоге привело к возникновению государственности.

Взаимодействие «ядра» и «периферии», в рамках **информационных сетей**, неизбежно вело к проникновению различных инновационных для периферийного общества идей. Такими «идеями» могут выступать совершенно разные явления, от религиозных верований, до системы государственного устройства и канонов монументальной архитектуры. Распространение буддизма является одним из наилучших примеров взаимодействия через информационные сети. Через информационные сети в Бохай проникали такие элементы культуры, как система государственного устройства, архитектурные традиции, градостроительные каноны, а также традиция строительства погребальных сооружений. Все упомянутые явления можно проследить на археологическом материале.

Импортные товары распространялись через **торговые сети** (сети больших грузовых товаров и сети престижных товаров). Торговые сети частично прослеживаются по археологическим данным, частично по письменным источникам. На периферийных к «ядру» территориях элита стремилась контролировать обмен с более высокоразвитыми соседями с целью получения от них товаров, которые их общество производить не могло (например, предметы роскоши). Престижные (экзотические) товары могли символизировать власть, привилегии, и формы знания, удерживаемого вождями и другими представителями элиты, что зафиксировано в летописных источниках. Торговый обмен между частями восточно-азиатской мир-системы, как правило, имел форму данничества, когда в обмен на привозимую «дань» прибывавшие ко двору империи Тан мохэские и бохайские посольства получали эквивалентное количество подарков [Ивлиев, 1997]. Вожди племенных группировок сосредоточивали в своих руках собираемые со всех племен товары для отправки в качестве дани и получения ответных «даров». Подобное накопление богатств давало элите возможность их перераспределения, и, соответственно, приводило к усложнению социально-политической иерархии среди мохэской знати, что является важным фактором на пути к становлению государственности.

Таким образом, сети взаимодействия играли важную роль в поддержании существования Восточно-Азиатской мир-системы, связывая между собой ее части.

II. Антропология и этнография

В.И. БЕЛИКОВ

ЦЕНТР VS. ПЕРИФЕРИЯ В ЛИНГВОГЕОГРАФИИ РУССКОГОВОРЯЩЕГО ГОРОДА

Лингвогеография зародилась в конце XIX в. как методология картографической фиксации разнородных явлений сельских диалектов. В этой дисциплине важным оказывается противопоставление центра и периферии: максимальная концентрация специфических особенностей диалектного ареала присуща его центральной части, при удалении от центра происходит неравномерно распределенная утрата тех или иных черт диалекта.

Повседневный языковой узус (то, как язык фактически используется) современного города неоднороден: преобладают варианты, близкие к литературной норме, параллельно функционируют просторечие и жаргоны; влияние сельских диалектов минимально, да и то существует не везде. Попробуем выяснить, насколько лингвогеографический подход применим к русскому литературному языку, а именно к его лексикону.

Нет сомнений, что русский литературный язык «восходит» к московскому койнэ XVII в., но об истории современного литературного языка можно говорить лишь с карамзинской эпохи, особенно после Пушкина. Академик В.В. Виноградов закончил свою известную статью «Вопросы образования русского национального литературного языка» такими словами: «К 30—40-м годам XIX в. основное ядро национального русского литературного языка вполне сложилось. Русский язык становится языком художественной литературы, культуры и цивилизации мирового значения». Ответ на вопрос, где именно это произошло, очевиден: в Петербурге. Но «основное ядро» — это еще не всё, язык развивался. И не случайно вслед за констатацией факта формирования ядра литературного языка упомянута художественная литература: последующее развитие языка во многом представляет собой результат усилий писателей-классиков. Трудно решить привязать дореволюционных писателей к одному конкретному населенному пункту, но это иногда делалось. Академик С.П. Обнорский в 1916 г. писал: «Не приходится доказывать, что язык наших писателей есть язык северной столицы, не язык Москвы».

В советский период выдвижения какого бы то ни было одного города или региона на роль средоточия образцового языка не происходило. В первые после-революционные годы во многом оказалось неизбежным расшатывание нормы: с одной стороны, в общегосударственный коммуникативный процесс вовлекались широкие массы населения, недостаточно владевшие нормативным языком, с другой стороны, менялся спектр функций литературного языка и охватываемая им проблематика. Процесс шел одновременно по всей стране, так что о едино-

образии результатов не могло быть и речи^{*}. С середины 1930-х гг. можно говорить об относительной стабилизации нормы, но в области лексики «новая» норма довольно заметно отличалась от «старой» (не случайно в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова появились пометы «новое» и «дореволюционное»). В ходе осмысления сложившейся социолингвистической ситуации встал вопрос о региональной лексической специфике языка города; Р.Р. Гельгардт справедливо утверждал, что «местные различия (...) литературного языка могут и не иметь источников в народной диалектной среде. Тогда они являются только вариантами литературной нормы» («О литературном языке в географической проекции», 1959).

Однако такие взгляды были признаны идеологически вредными: «старые» диалекты отмирают, любые их следы в городской речи — пережитки, «новые» различия в литературном языке не могут возникнуть в принципе, поскольку для них нет социальной базы. Возобладал декларативный тезис о полном единообразии русского литературного языка на всей территории его распространения, «общеобязательности его норм как образцовых для всех, кто им владеет и пользуется, независимо от социальной, профессиональной и территориальной принадлежности» (Ф.П. Филин, 1973).

Упоминание социальной принадлежности параллельно с профессиональной и территориальной указывает на довольно примитивное понимание социального всего лишь как классового, что характерно для далекой от социологии части научного сообщества, использовавшей свои элементарные познания в этой сфере в административно-идеологической борьбе.

Профессионалам же известно, что любой город и другой населенный пункт представляет собой самостоятельный сложно устроенный социальный организм; каждый из них занимает собственное место в иерархически организованной системе «однотипных» социальных организмов. Однотипность тут условная, всякое поселение имеет свое лицо, определяемое многими показателями: историей образования, численностью населения, родом занятий жителей, местом в административной иерархии, физико- и экономикогеографическим положением, развитостью культурной среды, сетью учебных заведений и другими параметрами, вплоть до локальных мифологем. И было бы удивительно, если бы всё это не находило отражения в словаре, в том числе в его нормативной части.

Центром толковой академической лексикографии с ее зарождения является Петербург—Ленинград, поэтому малоизвестная за пределами северной столицы лексика попадает в толковые словари без ограничительных помет (банлón ‘водолазка’, водогрей ‘водонагревательная колонка’, латка ‘толстостенная посуда

^{*} Р.О. Шор в книге «Язык и общество» (1926) отмечала, что в дореволюционном языке имелись значительные лексические лакуны, например, среди «терминов кухни и домашнего хозяйства». «Очевидно, что при отсутствии соответствующих слов в „литературном языке“ „образованные классы“ общества принуждены заимствовать их из народных говоров данной местности»

для тушения' и т. п.). Особая выпечка с творогом представлена под петербургским (и не только) именем сочень, а московского (и не только) синонима сочник в петербургских словарях нет. Во многих регионах Сибири в нормативах снабжения спецодеждой фигурируют куртки с утепленным подкладом и рукавицы-верхонки; организации, ведущие документооборот, снабжаются мультифорами [прозрачные файлы для бумаг с боковой перфорацией]; в Удмуртии места расположения мულд [мусорных контейнеров] согласуются с Госсанэпиднадзором; в Казани издаются распорядительные документы о ремонте дорожного покрытия внутри разворотной петли трамвая; в Нижнем Новгороде при строительстве предусматривают сооружение стационарных сараев в подвале здания... В официальном региональном узусе используются сотни слов, непосвященным либо вообще непонятных (мульда), либо с неожиданными значениями (сарай в подвале). Эти слова (значения) не попадают в толковые словари по той же причине, по какой в них присутствуют латки и банлоны: кодифицированная словарями норма отражает узус самих лексикографов.

К понятию литературной нормы может быть два подхода. 1. Норма — то, что кодифицировано (и тогда центром оказывается место работы лексикографо-кодификатора*, всё остальное — периферия). 2. Норма — это то, что стоит за стилистически немаркированной речью тех, кто признается обществом высокообразованным человеком, что стоит за текстами официальных документов и т. п. Объективным можно считать лишь второй подход, но тогда проблематика центр—периферия оказывается организована довольно сложно. Лексическое ядро общенационального русского языка однородно, но трудно было бы ожидать полного единообразия всего лексикона в языке, обслуживающем заметно отличные в культурном отношении социумы на огромной территории.

Интернет привел к ликвидации пространственных границ в коммуникации, в русском языковом сообществе уровень понимания территориальных лексических различий стал принципиально иным, чем десяток лет назад. Региональные различия в русском литературном лексиконе невелики, и реальное непонимание «чужого» текста — явление исключительное, но эти различия существуют. Ранее их игнорирование лексикографами не только основывалось на неполноте используемого материала, но и имело идеологическую подоплеку: «ложная теория о локальных вариантах русского литературного языка» (Ф.П. Филин) была признана вредной для единства советского общества. Идеология ушла в небытие, традиция осталась.

* Даже не город, а именно место. *Водь* (учтенный переписью 2002 г. небольшой народ Ленинградской области, язык которого финно-угроведы всё еще изучают в полевых условиях) согласно нормативным словарям «слился к 19 в. с русским населением»; этнографы петербургской Кунсткамеры в отношении этого (и не только) этнонима окажутся на языковой периферии, поскольку вряд ли будут строго придерживаться кодифицированной нормы.

Один блоггер из Псковской области писал: Интересно — почему у одних городов есть лицо, а у других нет? Ну, Москва-Питер — с этим всё понятно. У первого — мурло, у второго брезгливая морда... Дело не в оценках. Дело в том, что любой город имеет право на собственное лицо, в том числе языковое. Пренебрежительно-снобистское к нему отношение оскорбляет.

Т.В. КРАЮШКИНА

СТРУКТУРНЫЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ОДНОЛИНЕЙНЫЕ ЦЕПИ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Мотив эмоций – один из самых распространенных мотивов состояний человека в русских народных волшебных сказках. К сожалению, он оказался за рамками исследований фольклористов. Неизученным оказалось и такое явление, как структурные эмоциональные цепи. В сказках встречается объединение эмоций в эмоциональные цепи. Эмоциональные цепи – это такие конструкции, в которых эмоция одного персонажа вызывает ответную эмоциональную реакцию у другого персонажа. Данное исследование сделано на материале 20 сборников русских народных волшебных сказок, записанных в Сибири и на Дальнем Востоке в XIX–XX вв., а также на материале архива кафедры истории русской литературы ИРЯЛ ДВГУ (записи 2-й половины XX века). Всего в рассмотренных текстах сказок было выявлено 4008 эмоциональных единиц. 455 (т.е. 11,35% от общего числа) из них объединены в 197 эмоциональных цепей, состоящих из двух, трех, четырех, пяти и шести звеньев. Каждое звено цепи включает в себя два элемента: первый персонаж испытывает эмоцию, а в адрес второго эта эмоция направляется.

Самые распространенные – двусоставные цепи (152). Как правило, они имеют полную структуру: 1) один персонаж направляет эмоцию на второго; 2) второй персонаж направляет эмоцию на первого. Больше всего единиц (107) имеет следующая цепь: 1) $P_1 \rightarrow$ на P_2 ; 2) $P_2 \rightarrow P_1$. Одни и те же эмоции одновременно может испытывать и пара персонажей. У цепи, в которой 1) два $P_1 \rightarrow$ на P_2 ; 2) $P_2 \rightarrow$ на двух P_1 , выявлено 11 единиц. Меньше единиц у цепи с обратной структурой (6 единиц): 1) $P_1 \rightarrow$ на двух P_2 ; 1) два $P_2 \rightarrow$ на P_1 . Отмечена и цепь, в которой эмоции испытывают две пары персонажей: 1) два первых $P_1 \rightarrow$ на двух других P_2 ; 2) два других $P_2 \rightarrow$ на двух первых P_1 .

Не только пара персонажей, но даже целая группа (три и более персонажей) может одновременно испытывать одну и ту же эмоцию и при этом вести себя как один персонаж. Но в сравнении с рассмотренными выше, этих цепей немного. Цепь, где функционируют один персонаж и группа, выглядит так: 1) один $P_1 \rightarrow$ на группу P_2 ; 2) группа $P_2 \rightarrow$ на одного P_1 . Таких цепей шесть. Меньше единиц у цепей (2), имеющих обратную структуру: 1) группа $P_1 \rightarrow$ на одного P_2 ; 2) один $P_2 \rightarrow$ на группу P_1 . Отмечена и структура, где задействованы два персонажа и группа (1 единица): 1) группа $P_1 \rightarrow$ на пару других P_2 ; 2) пара других P_2

→ на группу P_1 . Цепей с обратной структурой в проанализированных текстах русских народных волшебных сказок не выявлено.

Второе место занимают неполные структуры с отсутствием направления эмоций во втором звене: 1) один персонаж направляет эмоцию на второго; 2) второй персонаж испытывает эмоцию, лишённую направления. 10 цепей имеют следующую структуру: 1) $P_1 \rightarrow$ на P_2 ; 2) $P_2 \rightarrow -$. У двух цепей обнаружена такая структура: 1) 1 персонаж \rightarrow на группу; 2) группа $\rightarrow -$. По одной единице у цепей 1) два персонажа \rightarrow на третьего персонажа; 2) третий персонаж $\rightarrow -$ и 1) группа \rightarrow на одного персонажа; 2) один персонаж $\rightarrow -$.

Третье место у неполных структур с отсутствием направления эмоций в первом звене: 1) один персонаж испытывает эмоцию, лишённую направления; 2) второй персонаж направляет эмоцию на второго. Выявлено только две единицы, в которых задействованы по два персонажа: 1) первый персонаж $\rightarrow -$; 2) второй персонаж \rightarrow на первого персонажа.

Цепи, состоящие из трех звеньев (31 единица), как и рассмотренные выше, имеют полную или неполную структуру. Цепи с полными структурами также преобладают (25 единиц). Чаще всего используется структура, где присутствуют эмоции двух персонажей: 1) $P_1 \rightarrow$ на P_2 ; 2) $P_2 \rightarrow P_1$; 3) 1) $P_1 \rightarrow$ на P_2 (20 единиц). Кроме того, представлены эмоции одного персонажа и группы. 1) группа $P_1 \rightarrow$ на одного P_2 ; 2) один $P_2 \rightarrow$ на группу P_1 ; 3) группа $P_1 \rightarrow$ на одного P_2 (4 единицы). Цепей с обратной структурой меньше (1 единица): 1) один $P_1 \rightarrow$ на группу P_2 ; 2) группа $P_2 \rightarrow$ на одного P_1 ; 3) один $P_1 \rightarrow$ на группу P_2 .

Неполных трехзвеньевых цепей шесть. Они имеют пустоты в первом, во втором и в третьем звене. С пустотой в первом звене – 2 единицы: 1) $P_1 \rightarrow -$; 2) $P_2 \rightarrow$ на P_1 ; 3) $P_1 \rightarrow$ на P_2 (2 единицы). Больше звеньев с пустотами во втором звене. 1) $P_1 \rightarrow$ на двух P_2 ; 1) два $P_2 \rightarrow -$; 3) $P_1 \rightarrow$ на двух P_2 (2 единицы). 1) группа $P_1 \rightarrow$ на одного P_2 ; 2) один $P_2 \rightarrow -$; 3) группа $P_1 \rightarrow$ на одного P_2 (1 единица). И только одна единица с пустотой в третьем звене: 1) $P_1 \rightarrow$ на P_2 ; 2) $P_2 \rightarrow$ на P_1 ; 3) $P_1 \rightarrow -$.

Меньше, чем трехзвеньевых, цепей, состоящих из четырех звеньев (9 единиц). И в этом случае полные цепи преобладают над неполными. В проанализированных текстах обнаружены цепи, в которых задействованы два персонажа: 1) $P_1 \rightarrow$ на P_2 ; 2) $P_2 \rightarrow P_1$; 3) $P_1 \rightarrow$ на P_2 ; 4) $P_2 \rightarrow P_1$ (7 единиц). В единственном случае задействованы три персонажа, но цепь имеет некольцевую форму (т.е. в четвертом звене эмоция направляется на третьего персонажа, в трех предыдущих звеньях не задействованного). 1) $P_1 \rightarrow$ на P_2 ; 2) $P_2 \rightarrow P_1$; 3) $P_1 \rightarrow$ на P_2 ; 4) $P_2 \rightarrow P_3$. Первая цепь имеет неполную структуру, в ней фигурируют один и пара персонажей: 1) два $P_1 \rightarrow -$; 2) $P_2 \rightarrow$ на двух P_1 ; 3) два $P_1 \rightarrow$ на P_2 ; 4) $P_2 \rightarrow$ на двух P_1 .

Только две цепи имеют пятизвеньевую структуру. В них обеих участвуют два персонажа: 1) $P_1 \rightarrow$ на P_2 ; 2) $P_2 \rightarrow P_1$; 3) $P_1 \rightarrow$ на P_2 ; 4) $P_2 \rightarrow P_1$; 5) $P_1 \rightarrow$ на P_2 . Шестизвеньевых цепей тоже выявлено две единицы, в них фигурируют два

персонажа: 1) $P_1 \rightarrow$ на P_2 ; 2) $P_2 \rightarrow P_1$; 3) $P_1 \rightarrow$ на P_2 ; 4) $P_2 \rightarrow P_1$; 5) $P_1 \rightarrow$ на P_2 ; 6) $P_2 \rightarrow P_1$.

Интересная картина наблюдается, если анализировать структурные эмоциональные однолинейные цепи по типам задействованных персонажей. (Каждое следующее нечетное звено повторяет первое звено, а каждое последующее четное – второе). В первом звене цепи чаще всего эмоции испытывает герой (72 раза). Остальные типы персонажей идут со значительным отрывом. На втором месте – второстепенный положительный персонаж мужского пола (22 раза) (далее ВПМ+). На третьем – второстепенный положительный персонаж женского пола (15 раз) (далее ВПЖ+). На четвертом – антагонист (14), на пятом – помощник и помощница (по 12 раз), на шестом – царевна (7), на седьмом – антагонистка (6), на восьмом – отправитель (5), на девятом – мнимый освободитель (3), на десятом – героиня (2), на одиннадцатом – даритель и второстепенный отрицательный персонаж мужского пола (далее ВПМ-) (по 1 разу). Пары персонажей, испытывающие эмоции, распределились следующим образом: 1) два мнимых освободителя (4 раза); 2) два ВПМ- (3 раза); 3) ВПМ+ и ВПЖ+ (3 раза); 4) два ВПЖ+ (2 раза). По одному разу испытывают эмоции такие пары, как два героя; две антагонистки; помощник и ВПМ+. Реже всего испытывают эмоции группы персонажей (10 раз).

В большинстве случаев эмоции направлены на одного персонажа: 1) на героя (65 раз), 2) на помощника (20 раз), 3) на царевну (17), 4) на ВПМ+ (16), 5) на помощницу (15); 6) на антагониста (11), 7) на ВПЖ+ (8), 8) на антагонистку (7), 9) на дарителя (6), 10) на отправителя (3), 11) на дарительницу (2). На втором месте находятся пары персонажей и группы (по 11 раз). На следующие пары персонажей направлены эмоции: 1) на двух мнимых освободителей (4), 2) на двух ВПМ+ (3). По одному разу: на двух антагонисток; на двух ВПМ-; на героя и ВПМ+; на ВПМ+ и ВПЖ+. В пяти случаях (для первого звена цепи) направление отсутствует. Дважды такие эмоции испытывает ВПМ+, по одному разу – два ВПМ-, мнимый освободитель и героиня.

Таким образом, в русских народных волшебных сказках Сибири и Дальнего Востока преобладают двухзвеньевые цепи над более сложными. Превалирует кольцевая форма; полные цепи используются чаще цепей с пустотами. Цепей, где задействованы по одному персонажу, больше, чем цепей, где действуют по два персонажа или группа. Чаще всего эмоции испытывает герой, на него же они в большинстве случаев и направляются.

Ю.С. ОЛЕСИК

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЕ ОТКРЫТКИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ СВАДЬБЫ ПРИМОРЬЯ)

Свадебный ритуал – один из наиболее сложных комплексов традиционной бытовой культуры. В нем сочетаются, хотя и в трансформированном виде, напластования исторических эпох, многогранно отразившие социальные, право-

вые, религиозные представления, этические нормы и эстетические воззрения народа, а также быт и семейно-брачные отношения.

Образование семьи сопряжено с самыми возвышенными переживаниями молодых, обрядовыми действиями, а также со множеством аспектов, которые требуют немало усилий в подготовке и проведении самого свадебного торжества. Одним из таких аспектов является тот, с которого начинается организация свадьбы - приглашение гостей.

В настоящей работе речь пойдет о пригласительных открытках или карточках. Эта традиция имеет давние корни. В XVI веке типичным для дворянского сословия был обычай рассылать гостям свадебные приглашения в виде особых именных билетов и карточек. В них указывались имена и сословная принадлежность жениха и невесты, название церкви, в которой будет совершаться обряд бракосочетания, час венчания, а также адрес (дома, квартиры, ресторана или имения), где будет происходить свадебный бал. К билетам нередко прилагали вкладыш с подробным описанием распорядка торжества, включая меню [Жирнова, 1978].

Этот обычай сохраняется по сей день. Особую популярность в XXI веке завоевали приглашения на свадьбу в виде красиво оформленных и собственноручно подписанных открыток. Такие уведомления рассылаются или вручаются лично за две-три недели до свадьбы, чтобы получившие их могли запланировать свое время, выбрать подарок, подготовиться.

В специализированных магазинах или свадебных салонах городов и сел Приморского края можно приобрести разнообразно оформленные бланки приглашений. Как правило, они оформляются цветами. Чаще всего на пригласительных открытках изображаются розы. Можно встретить открытки с незабудками, ромашками и другими цветами. Цветы на свадьбе говорят о радости, торжественности и важности происходящего события, о человеческих отношениях.

Символом бракосочетания являются и переплетенные между собой обручальные кольца. Золотые кольца свидетельствуют о том, что вскоре образуется еще одна счастливая семья. Кольца могут быть помещены в центр открытки и окружены разноцветными лентами или цветами, могут размещаться в центре нарисованного на ней сердца.

Встречаются приглашения с изображениями золотого солнца и серебряной луны. Эти светила символизируют брачующуюся пару. Золотое солнышко – это муж в брачном союзе. Солнце – это главная звезда для всего живущего, значит, солнце – муж к тому же является главой семьи. Серебряный же лик луны символизирует жену, потому что луна является телом, сияющим отраженным светом солнца [Веселовская, 2003]. В отдаленный доисторический период народного развития, с зарождением личного брака как определенной формы соединения двух полов черты человеческого брака были перенесены на небо, что сделало последний таинством [Сумцов, 1996].

Приглашения могут быть украшены нарисованными лентами, воздушными шарами, веточками растений, деревьев. Применение растений и деревьев в сва-

дебном ритуале является традиционным. Они, как считают многие исследователи, имеют глубинную связь с идеями усиленного роста и плодородия [Агапкина, 1994].

Символами любви могут служить также сердца и профили влюбленных. В русских народных свадебных песнях распространена символика птиц: два голубя, сокол и соколушка, сокол и пойманная им лебедушка. Эти образы-символы служат преимущественно для обозначения молодых [Колесническая, 1978]. Потому и на пригласительных открытках нередко изображены целующиеся голубки или лебеди.

Форма бланка для приглашения может быть любой: прямоугольной, овальной, вырезанной в форме сердца. Самое главное в приглашении – внешний вид карточки, но и тексту должно быть уделено особое внимание. Готовые открытки в своем большинстве уже имеют отпечатанный текст, и жениху с невестой остается только вписать имена приглашенных и указать где и когда состоится торжество. Другое дело – текст приглашений, изготовленных собственноручно.

В настоящее время в городах Приморского края существуют несколько основных видов приглашений:

1. Официальный. Этот вариант текста приглашения предусматривает только официальные слова, которые содержат максимум информации и минимум эмоций.

2. Душевный. Этот текст приглашения используют, если хотят вложить в свои приглашения эмоции и не только показать, что гости молодым небезразличны, но и подчеркнуть тем самым, что день бракосочетания является в их жизни самым главным

3. Произвольный вариант. Это могут быть стихотворные приглашения, как шуточные, так и трогательные. К таким приглашениям, как правило, в прозе добавляется, где и когда состоится свадьба.

Самым распространенным в Приморье является официальный вид, он достаточно простой в исполнении и не требует лишних затрат. Способ извещения гостей о дне свадьбы посредством пригласительных открыток, отсылаемых по почте или вручаемых лично, пользуется в Приморье большой популярностью и сегодня.

К.С. ТЮТРИНА

НААДЫМ – ПРАЗДНИК ТУВИНСКИХ ЖИВОТНОВОДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРЕССЫ)*

Традиционные спортивные состязания, заложенные в основу Наадыма, до начала XX в. проводились в триаде «коллективное моление – соревнование – пиршество» [Кужугет, 2006]. После того как коллективные моления были запрещены (этого требовала господствующая антирелигиозная идеология), им на

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 08-06-10006-к.

смену появился Наадым – спортивный праздник, освобожденный от религиозного содержания и не противоречащий установкам советского человека. Таким образом, со второй половины XX в. летний праздник животноводов – Наадым – стал ежегодно проводиться в общенациональном масштабе. Есть мнение, что праздник чабана был учрежден на совещании народного правительства Танну-Тува в 1923 г. [Мурыгина, 2007]. Наадым, полностью лишенный своей обрядовой составляющей, все же был неугоден советской власти, как проявление национализма. В 1989 г. праздник был реабилитирован. С этой инициативой самостоятельно выступило руководство республики [Монгуш, 2001].

Название праздника образовано от монгольского слова «надом» (игрища). Одноименный праздник популярен в монгольской культуре и по сей день. В основу Наадыма легли традиционные спортивные состязания – борьба хуреш и конные скачки. Стоит отметить, что первоначально в программу спортивных состязаний также включались соревнования в стрельбе из лука, но уже в начале XX в. этот вид спортивного троеборья был почти полностью забыт, возможно, ввиду повсеместного распространения огнестрельного оружия [Кужугет, 2006]. Практически отсутствуют упоминания о состязаниях в стрельбе из лука и в описаниях путешественников рубежа веков. Единственное упоминание находим в работе М. Райкова (1898), посвященной буддийскому богослужению в честь бога Майдыра [Райков, 2002 (1898)].

На территории проведения Наадыма буквально за сутки вырастает юрточный городок. Открывает праздничные мероприятия в городке парад всадников в национальных костюмах, который принимает Президент РТ и его заместители, звучит рапорт министра сельского хозяйства и продовольствия. По итогам прошедшего года вручаются награды передовым животноводам. Главным событием юрточного городка становится конкурс-смотр самих юрт. Участниками конкурса становятся семьи, представители различных объединений, например, команды от кожуунов (районов), сельскохозяйственных предприятий, учреждений культуры и даже политических партий. Особое внимание судей привлекает утварь, изготовленная вручную по традиционным технологиям. Кроме смотра юрт в последние годы проводится ряд конкурсов: на изготовление далгана (блюда из толченого обжаренного зерна), на изготовление войлока и веревок ручным способом. В 2007 г. впервые был проведен конкурс «Метание аркана и укрощение коня», который с тех пор регулярно включается в план праздничных мероприятий. Также в юрточном городке проводится конкурс национальной кухни. Здесь же проходит ярмарка, на которой желающие могут приобрести готовые блюда тувинской национальной кухни, животноводческую утварь, национальную одежду, тувинские музыкальные инструменты, различные сувениры и продукцию художественных промыслов. Победители и участники всех описанных конкурсов награждаются ценными призами.

Основным событием Наадыма становятся спортивные состязания. В ходе работы с периодикой обнаружилось упоминание о попытке провести соревнования в стрельбе из лука во время праздника 1993 г. Эту попытку нельзя назвать

успешной, поскольку в состязаниях приняли участие всего четыре спортсмена [Бузыкаев, 1993]. Интересно, что на аналогичном бурятском празднике – Сурхарбане – стрельба из лука не только не теряет своих позиций, но играет главенствующую роль, поскольку дает название всему празднику. Поэтому вряд ли стоит связывать забвение стрельбы из лука в Туве с распространением огнестрельного оружия. Скорее оно связано с утратой ремесла по изготовлению луков и стрел.

Самым зрелищным состязанием считается хуреш. Тувинская борьба имеет много общего с монгольской. Спортсмены Тувы не только переняли у монголов все основные правила состязаний, но и традиционную борцовскую форму, которая включает узкие трусы (шуудаг), особую куртку, закрывающую спину до нижнего края лопаток и руки (дзодог), обувь (гутул) и шапку с конусообразной макушкой. Перед началом схватки соперники исполняют традиционный танец орла (девиг). У монголов движения в этом танце (походка, взмахи руками, хлопывания по бедрам) ассоциируются также с полетом мифической птицы Гаруды [Жуковская, 2002], которая почиталась и тувинцами под именем Хан-Херети [Кужугет, 2002]. Особенно актуален в наши дни девиг, упоминаемый ещё Ф. Коном [Кон, 2002 (1936)]. За лучшее исполнение танца орла в последние годы учрежден особый приз. Призы также получают за борцовскую форму и технику. С 1994 г. Указом Президента РТ учреждены высшие спортивные звания по хурешу. В 1994 г. победителю состязаний было присуждено звание «Тыванын арзылан могози» (Тувинский лев). Традиция давать звания борцам-победителям по имени сильных почитаемых животных (Лев, Слон, Сокол, Ястреб) восходит к монгольской культуре.

Другой вид традиционных состязаний – конные скачки – также собирает немало зрителей и болельщиков. Скачки обычно устраиваются неподалеку от юрточного городка, на открытой местности. Состязания открываются концертом с участием фольклорных коллективов и парадом всадников. По окончании парада проводится конкурс на призы Правительства РТ за лучшее снаряжение коня. Судьи оценивают не только убранство лошади (седло, уздечку, потник, подпруги), но и одежду и аксессуары всадника (халат, обувь, головной убор, нож/огниво/кисет у мужчин, браслет/кольца/серьги у женщин). Орнамент на одежде и упряжи, украшения должны отражать социальный и возрастной статус всадника. Данный конкурс был впервые проведен в 1993 г. и с тех пор регулярно включается в план наадымских мероприятий. По традиции в конных скачках участвуют и дети. Умение держаться в седле необходимо для кочевника с самого раннего детства (как мальчикам, так и девочкам). Сегодня возрастной состав участников соревнований колеблется от 3 до 90 лет. В начале 1990-х гг. скачки проходили на ипподроме г. Кызыл. Дистанции были небольшими – 1600, 3200, редко 4000 метров. Заезды на длинные дистанции – 10, 15, 25 или 40 км. – проходили за городом по пересеченной местности. В настоящее время порядок проведения конных состязаний все больше возвращается к традиционной форме:

скачки полностью перенесены с ипподрома в степь, заезды на короткие дистанции упразднены.

В 1990-е годы, на волне роста национального самосознания, открытие праздника чабана не обходилось без участия представителей буддизма или шаманизма. В разные годы Наадым благословляли ламы кызыльских хурээ, представитель Далай-Ламы, президент тувинского шаманского общества «Дунгур» (ныне Верховный шаман Тувы) М.Б. Кенин-Лопсан. Иногда участие в открытии праздника принимали представители обеих конфессий, что в очередной раз подтверждает неразрывность шаманской и буддийской традиций в сознании тувинского народа. С конца 90-х годов подобный религиозный элемент перестали включать в программу Наадыма. Предположительно это связано с возрождением традиционных обрядов, как шаманистских так и буддийских. Иными словами, представители данных конфессий нашли другие способы саморекламы, либо вовсе перестали в ней нуждаться.

С 1993 г. Наадым проводится одновременно с Днем Республики Тува. С каждым годом наадымские конкурсы и состязания собирают все большее количество участников. Это связано не только с ростом интереса тувинцев к национальной культуре, праздничные мероприятия, рекламируемые через Интернет, привлекают внимание российских и иностранных туристов. Кроме того, Наадым является частью политики республиканского правительства по возрождению сельского хозяйства и народных промыслов в Туве.

Г.С. ПОПОВКИНА

АНТРОПОЛОГИЯ БОЛЕЗНИ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЕ: ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД

Одной из задач медицинской антропологии является выявление специфики понимания здоровья и болезни, характерных для представителей различных сообществ (этнических, религиозных, гендерных, профессиональных и т.п.). Ключевым понятием для медицинской антропологии выступает понятие болезни. Это, казалось бы, узко медицинское понятие на самом деле может иметь не только общеантропологический, но даже онтологический смысл.

На формирование медицинских представлений, способы лечения восточных славян фундаментальное влияние оказало православие, ставшее у них основной религией более тысячи лет назад. Так, с точки зрения православного христианства, существо первородного греха состоит именно в повреждении природы человека, а через нее и всего тварного бытия. Характерно различие в объяснении необходимости крещения младенца у католиков и православных: в первом случае крещение понимается как некий юридический акт, закрепляющий прощение грехов благодаря жертве Христа. В православии же считается, что младенец невиновен перед Богом, но, поскольку обладает падшей человеческой природой (поврежденной грехопадением Адама и Евы) – он смертен, как бы болен смертью, и в Крещении он получает не прощение, а возрождение к вечной жизни.

Более глубокую разработку этих вопросов можно найти в трудах И. Мейендорфа, В.В. Зеньковского и других представителей неопатристического синтеза.

Глубокое, хотя и краткое осмысление понятия болезни мы находим у В.В.Зеньковского: болезнь понимается им как универсальная категория; осознание болезненности коренится в различении того, как есть, и того, как должно быть – сущего и должного.

Тезис о поврежденности человеческой природы и связанном с ней стремлении вернуть присущую изначально человеку целостность развивается в учениях святых Отцов Церкви. Болезнь понимается как возможность очищения и получения «небесной мзды»: «Когда тело претерпевает испытание, душа освящается. От болезни страдает тело..., но от этого будет вечно радоваться ... наша душа — в том небесном дворце, который готовит нам Христос» [Паисий Святогорец]. Это не значит, что мирянину нельзя лечиться, более того, с точки зрения христианской медицинской этики, обращение к врачу — это знак смирения, признание человеком ограниченности собственных сил, а, в конечном счете – своей несамодостаточности, что способствует обращению человека к Абсолюту, то есть к Богу. Однако лечение у врача нужно проводить «не оставляя в стороне и духовное исцеление» [Антоний Сурожский]. Дело в том, что, с точки зрения православной антропологии, все три части человека: дух, душа и тело, должны находиться в иерархическом подчинении: дух руководит душой, последняя – телом. Вследствие же поврежденности нашей природы первородным грехом, в человеке возникло рассогласование: мы можем хотеть того, что считаем плохим или даже постыдным: душевное не подчиняется духовному. Такое же рассогласование имеется и на телесном уровне (современная терапия все больше склоняется к психосоматической природе большинства заболеваний).

Таким образом, в православии болезнь считается духовно полезным событием, возможностью стяжать Дух Святой, что является главной целью христианской жизни. Дух Святой является источником особых благодатных даров, среди которых – дар чудотворений (исцеление больных и бесноватых, воскрешение мертвых), дар различия духов и др. Считается, что дар чудотворений (иногда называемый даром врачевания) дается Богом людям за исключительные подвиги благочестия, которые не под силу обычному мирскому человеку. Даром исцеления обладали многие святые подвижники (например, Агапит Печерский, Сергей Радонежский, Матрона Московская и др.). Для его обладателя этот дар является и тяжелым бременем, так как врачующий берет на себя ответственность за исцеленного человека. Нередко имеющие дар чудотворения пытались всячески скрыть его от окружающих, либо совершали чудеса исцеления тайно.

Однако, кроме чудесных способов исцеления, православному верующему доступны и другие средства лечения. Так, церковные таинства возвращают мир душевный и здоровье – душевное и телесное. Регулярное участие в таинствах рассматривается как залог человеческого здоровья. В православной Церкви существует семь таинств: крещения, миропомазания, исповеди, евхаристии (причастия), елеосвящения (соборования), брака, священства. Таинство крещения,

как мы говорили выше, дает возрождение к вечной жизни и Ангела Хранителя, оберегающего от бед и болезней. После крещения человека совершается таинство миропомазания. Миро – особое освященное благовонное масло, в состав которого в настоящее время входит около трех десятков благовонных веществ. Главный смысл таинства – в сообщении человеку благодати Святого Духа, сообщение телу силы и Божией помощи для совершения служения Христу. По мнению верующих, таинство миропомазания имеет огромное значение для духовного и физического здоровья. В таинстве исповеди происходит искреннее раскаяние, сожаление о совершении греховных поступков, а также пересмотр жизненных позиций, осознание пагубности прежней духовной жизни. Считается, что покаяние может привести к исцелению болезней, поскольку причиной многих болезней является грех. Паисий Святогорец указывает, что это своего рода очищение души – необходимое условие последующего исцеления. Евхаристия (причастие) является самым главным таинством Церкви. Христиане верят, что во время евхаристии хлеб и вино таинственно претворяются в истинную Кровь и истинную Плоть Спасителя. Исцеляющим действием, хотя и в меньшей степени, обладает также антидор – оставшаяся после совершения таинства причастия часть просфор. Таинство елеосвящения (соборования) – особое таинство, специально предназначенное для врачевания верующих от всех недугов, хотя все церковные таинства обладают исцеляющим действием. Соборование состоит в помазании определенных частей тела больного (семь раз) при чтении особых молитв. Совершается это таинство часто уже тогда, когда медицина оказывается бессильна чем-либо помочь больному. Считается, что венчание и священство тоже способны оказывать положительное влияние на здоровье.

Кроме церковных таинств, в деле исцеления важным средством считается молитва, которая может быть церковной и домашней. Обычно домашняя молитва совершается утром и вечером, а также в особых случаях. В молитвенниках православного христианина значатся молитвы на разные случаи жизни, среди них выделяется большой корпус молитв «в болезнях», причем нередко молитвы имеют конкретный характер, например, при зубных, глазных болезнях, заболеваниях рук, ног, горла, при нарывах и т.д. Однако молитва имеет принципиальное отличие от заговора. Заговор – магическое (силовое) воздействие, правильное исполнение которого необходимо должно приводить к выздоровлению. Молитва же – это просьба, свободно обращенная к свободному Существо, и потому Бог может ответить на нее, а может и нет. Существует очень мало молитв, на которые, согласно Писанию, Бог обещал отвечать всегда. Молебен о здравии не входит в их число.

Действенным средством исцеления с давних времен полагается совершение заказной литургии о здравии раба Божьего. Также полезным считается употребление просфоры и святой воды (во время болезни или поста). Таким образом, главная цель совершения церковных таинств и соблюдения различных православных канонов – обретение благодати Божьей, которая помогает преодолеть душевные и телесные недуги.

Нередко и монастыри выступали в качестве лечебниц для болящих. Часто в монастырях существовали целые аптеки, включающие лекарственные травы, мази и т.п. В настоящее время верующие также ищут исцеления от недугов в стенах монастырей. Распространено мнение, что лучше всего лечиться в старинных, «намоленных» монастырях. По-видимому, в данном случае также имеют место представления о благодати Божьей как особой исцеляющей силе.

Ю.В. ЛАТУШКО

ГЕНЕЗИС ГОСУДАРСТВА В ПОЛИНЕЗИИ

Проблема возникновения туземных государств в Полинезии уже обсуждалась в антропологической литературе [Claessen and Skalnik, 1978]. Разумеется, она далека от своего разрешения. Дело здесь не только в ограниченности источниковой базы по доконтактному периоду, но и в терминологических трудностях. Концепты вожества и раннего государства при описании до- и раннеконтактных полинезийских обществ оспариваются. Квазибюрократические иерархические структуры с консенсуальной формой организации власти обычно определяются как вожество. На практике оно не всегда отличимо от раннего государства, а является до известной степени простой «негацией» государства [Белков, 1995] (если есть стратифицированное общество и политический класс, но нет государства, тогда это вожество). Что касается раннего государства в дефинициях Классена и Скальника, то оно так же похоже на субститут и излишне перегружено добавочными конструктами (подразделение на зачаточное, типичное, переходное). Налоги, бюрократия и аппарат принуждения (армия, полиция) считаются классическими определителями государства. Важно также понимать, что в государственной форме организации социума должна возникнуть потребность (должны присутствовать известные ресурсные ограничения, большая численность населения, производящее хозяйство, городские поселения, идеологическая система и проч.), которая часто возникает в условиях внешнего давления.

Туземные королевства сформировались в крупных по полинезийским меркам обществах «высоких» вулканических островов (кроме Новой Зеландии) – Тонга, Гавайи, Таити – лишь с приходом европейцев. Особенно показательно гавайское королевство Камеамеа I. Остановимся на этом примере подробнее с тем, чтобы прояснить общую картину. Среди специалистов нет единого мнения о том, когда и под действием каких факторов (эндогенных, экзогенных) сформировалось государство на Гавайях:

1. До открытия архипелага европейцами (1778 г.), процесс перехода был обусловлен внутренними причинами [Fried, 1967; Vakel, 1991].

2а. После открытия европейцами при вмешательстве последних, особенно в связи с «делом Шеффера», когда был установлен контроль Камеамеа над всей территорией архипелага. При этом «архаическое (зачаточное) государство» являлось «уникальным продуктом туземной политической культуры» и сформировалось до прихода европейцев [Seaton 1978: 270].

26. После открытия ввиду более или менее активного влияния европейцев, в связи с культурной революцией 1819 г. [Service, 1975; Салинз, 2000].

По основным характеристикам – территория, численность и плотность населения, «наличие производственной системы, дающей прибавочный продукт для поддержания специалистов и привилегированных категорий населения», «наличие идеологии, которая объясняет и оправдывает иерархическую административную организацию и социополитическое неравенство» [Классен, 2000; Claessen, 2002] – предпосылки перехода к раннему государству сформировались ещё в доконтактный период, но во времена Камеаеа они были усилены острой внутривосточной борьбой, чему немало способствовали контакты с европейцами и североамериканцами (хаоле). В определениях теории раннего государства, держава Камеаеа подходит как к зачаточному, так и типичному, а по ряду моментов и переходному типам раннего государства. В отдельных сферах (в первую очередь фискальной) процесс формирования государства на Гавайях продвинулся гораздо дальше, чем в остальных. 1) В отношении налогов сохранялась двойственность. С одной стороны, вводилась упорядоченная система европейского образца, с другой, сохранялись чрезвычайные подношения и использование денег не как средства обращения, а как средства накопления [Campbell, 1816]. 2) «Типичное» раннее государство проявлялось в элементах внеклановых отношений в структуре управления (институт наместников *kuhina*) [Коцебу, 1822]. 3) При Камеаеа появляются полиция (*иламуку*) и армия, организованная по европейскому образцу, снабжаемая централизованным способом через сеть королевских складов, расположенных на всех островах архипелага. 4) Влияние коллегиальных органов управления (совета вождей) постепенно уменьшалось [Kuukendall, 1938]. Народные же собрания превратились в органы публичного оглашения решений власти [Ellis, 1818]. 5) Административно-территориальное деление основывалось на традиционной схеме: хутор, район, округ (остров). Но если раньше верховный вождь вынужден был лично контролировать местных вождей, то теперь это делали его наместники. 6) Письменного свода законов при Камеаеа не появилось, с целью точной передачи распоряжений власти использовались секретари из числа европейцев. Для решения проблемы контроля за точностью записываемой и передаваемой ими информации, была введена сложная система устного дублирования распоряжений центральной и местных властей [Головнин, 1965 (1822)]. 7) В социально-экономическом плане длительное общение гавайцев с хаоле приводило к разрушению старой экономической системы, основанной на контроле верховных вождей над интенсивными средствами сельскохозяйственного производства [Earle, 1997], нарушался натуральный характер экономики, что приводило к формированию жёстких различий в жизни элиты и простых общинников и разрушению патриархального уклада общества [Jarves, 1844], чему немало способствовали реформы Камеаеа в сфере управления, в ходе которых большая часть региональной элиты была вынуждена следовать за королём, либо направлялась наместниками или земельными управляющими в другие регионы архипелага.

На наш взгляд, механизм формирования государства на Гавайях был запущен в период завоевательных походов Камеаеа на о-ва Мауи и Оаху (середина 1790-х гг.). В условиях территориального расширения, продвижение на запад обострило прежнюю проблему редистрибуции власти. Междоусобицы и торговля с хаоле требовали ресурсов, которые верховные вожди пытались получить сначала за счёт расширения сферы традиционной политекономии (увеличения поступлений прибавочного продукта посредством интенсификации земледелия), а позже за счёт бартерных сделок с иностранцами («сандаловая лихорадка»). Решая эти проблемы, Камеаеа предпринял меры по реформированию системы управления и землевладения. Их половинчатость обуславливалась сохранением традиционной идеологии. Культурная революция, таким образом, является тем индикатором, по которому можно определить, что процесс образования государства перешёл в свою заключительную фазу.

Ввиду специфики среды обитания и исторического развития, догосударственные социо-политические структуры Полинезии были «вождецентричными». Возможно, это рождало иллюзию государственной вертикали у европейских наблюдателей. М. Салинз указывал на существование двух основных типов родственных (десцентных) объединений на вулканических островах Полинезии, которые «равным образом интегрируются в политические институты различной формы» – рэмиджей и «усечённых десцентных линий». Базовой характеристикой рэмиджа является его экстерриториальность. Такая структура может охватывать собой часть острова, целый остров или даже группу островов, оставаясь при этом одной таксономической единицей. Сегменты рэмиджа (отдельные домохозяйства) могут образовывать различные рекомбинации в зависимости от экологических или экономических факторов. Таким образом, один или несколько максимальных рэмиджей могут становиться готовой формой для образования отдельной политической единицы. На базе ранговой иерархии формировался прообраз «штаба управления», где верховный вождь оказывался на его вершине, а главы сегментов максимального рэмиджа становились правителями «на местах». Так из родственных объединений выросли объединения политические. Вопрос дефиниции таких структур связан с телеологией исследователя, презумпцией превосходства государства перед другими организационными иерархиями, что заставляет трактовать конкретный социум в зависимости от субъективного отношения к нему (прогрессивный/непрогрессивный).

А.Л. ТАШЛЫКОВА

ПОЛИТИКА КАНАДЫ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ

На мировом рынке образовательных товаров и услуг Канада занимает одно из первых мест. По аналогии с «культурными отраслями» появилась «образовательная отрасль», которая объединяет как государственные, так и частные учебные заведения, компании и организации, которые предоставляют услуги в области начального, среднего, высшего, профессионального и корпоративного

образования и повышения квалификации кадров или выпускают учебные материалы, учебники и программное обеспечение. Однако в стране, где образование стало индустрией, проблемы в сфере просвещения коренных народов являются актуальными и сегодня.

Роль традиционного образования для коренных народов играли устные рассказы, легенды, песни, передающиеся от поколения к поколению. Европейцы считали аборигенов нецивилизованными, отсталыми дикарями, которых необходимо было ассимилировать. Осуществить это можно было, прежде всего, с помощью образования, полностью изменив процесс обучения коренных народов.

Индейцев пытались обучать французские католические ордены и английская протестантская церковь. Обучение коренных народов проходило в школах-интернатах, которые преследовали две главные цели: изоляция детей от влияния семьи, традиций, культуры и ассимиляция аборигенов. Многие канадские исследователи в качестве цели таких школ видят "убийство индейца в ребенке".

С 1840-х гг. на территории современного Онтарио стали открываться первые миссионерские школы-интернаты, которые впоследствии распространились по всей Канаде. Церковь обучала индейских детей не только христианским нормам, но и сельскому хозяйству, надеясь, что коренные народы не вернуться к обычному образу жизни после окончания школы. С середины XIX до конца XX века на территории Канады действовали 132 школы, управлявшиеся церковными организациями и финансировавшиеся правительством. Около века индейские школы-интернаты отлучали свыше 150 тысяч аборигенных детей от их семей и общин. Более половины этих детей умерло в школе или вскоре после возвращения домой.

Помимо проблем со здоровьем, школьники испытывали сложности с адаптацией к существовавшей школьной системе, были вынуждены по несколько раз начинать обучение в первом классе, без особого желания покидали родные места, а чаще всего просто прекращали учиться. Родители не стремились посылать детей в школы-интернаты. Они были недовольны тем, что дети забывали родной язык, подвергались суровому обращению. С 1850 г. посещение школ стало обязательным для детей в возрасте от 6 до 15 лет.

Кроме того, образование не отвечало требованиям повседневной жизни индейцев: возвращаясь в общины, они забывали все, чему их научили и подчинялись принципам и правилам племени. Подготовка учительских кадров была одной из самых ключевых проблем индейского образования. Большие трудности были с финансированием школ-интернатов: федеральное правительство не выделяло средств, достаточных для организации должного обучения.

С начала 1950-х гг. был взят курс на обучение детей коренных народов в общих школах, чтобы путем совместного обучения с неиндейцами еще более активно осуществлять политику ассимиляции. В принятом в 1951 г. Индейском акте были законодательно закреплены основные направления политики в области образования детей коренных народов, в том числе отменялось принудитель-

ное посещение школ-интернатов, но устанавливалось обязательное обучение в любой школе в возрасте от 6 до 16 лет.

В конце 50-х гг. XX в. только 63% индейских детей и молодежи посещали школы. Предпринятое в 1966 г. обследование положения коренного населения выявило, что только 6% индейских детей, поступающих в школы, заканчивали их и получали среднее образование. В стране, где фактически была всеобщая грамотность среди остального населения, большинство коренных жителей были неграмотными. Тем более оставалось недоступным высшее образование. В 1963 г. во всех канадских университетах обучалось только 57 студентов-индейцев.

В 1969 г. полный контроль над системой школ-интернатов взяло на себя Министерство по делам индейцев.

С начала 70-х гг. наиболее сильные индейские общины и организации выступили с собственными требованиями и программами в области образования. В 1970 г. возникла первая школа Blue Quills, управляемая выходцами из числа коренного населения. Позднее в 1970-80-е гг. на территории резерваций стали открывать школы, подконтрольные индейским общинам и частично финансируемые властями. В эти же годы начинает уделяться особое внимание высшему образованию коренных народов. За десятилетие общее число обучающихся в школах индейцев увеличилось на 50%. Почти в 3 раза выросло число учителей из числа коренных жителей в федеральных индейских школах. Число студентов-индейцев в канадских университетах за 10 лет увеличилось в 10 раз и в 1980 г. составило 4200 человек.

Однако с учетом инфляции и роста численности коренного населения реального увеличения расходов на образование не произошло, а рост учащихся в начальной школе с 1973 г. стал сопровождаться падением посещаемости в средней школе. Кроме того, оставался неизменно высоким отсев индейских детей из школы. Только 20 % поступивших в школу индейских детей заканчивали ее. От общественности было скрыто реальное положение дел в индейских школах-интернатах. Лишь в 1990-е гг. бывшие учащиеся начали подавать в суд в связи с нанесением тяжелых физических и психологических травм, иногда связанных с сексуальным насилием. В общей сложности было подано свыше 4500 исков от 9000 индейцев.

С 1990-х гг. правительство стало предпринимать шаги для изменения положения в области образования и улучшения отношений с коренными народами. Было издано «Заявление о примирении», создан Фонд восстановления коренных народов, запущены различные проекты и программы компенсации учащимся школ-интернатов. Министерство по делам индейцев наряду с другими организациями разработало ряд программ профессионального обучения коренных народов в инновационных сферах, что в свою очередь гарантировало повышение занятости. В 1996 г. была закрыта последняя школа-интернат (White Calf Collegiate).

На международном уровне также была признана отрицательная роль церкви в канадских школах. Папа Римский высказал свое сожаление по поводу страданий коренных народов.

Многие исследователи считали существовавшую с XIX века в Канаде систему образования элементом геноцида коренных народов. В настоящее время сохраняется ряд проблем, связанных с недостаточным уровнем образованности коренного населения в сравнении с остальными канадцами. По переписи населения в 2006 г. 38% коренных жителей не окончили школу, 20% имели аттестат о школьном образовании как наивысший образовательный документ, 13% - документ о среднем профессиональном образовании, 17% закончили колледж, 7% имели высшее образование.

Тем не менее, многое сделано для повышения образовательного уровня коренных народов: увеличено федеральное финансирование, введена программа партнерства между аборигенными сообществами и образовательными учреждениями, созданы новые университетские программы и т.д. Что касается начального школьного образования, то в Канаде в настоящее время первые несколько лет обучение ведётся на аборигенных языках, а английский и французский языки преподают в качестве отдельных предметов.

Е.В. МАКИТРЮК

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ ЦАРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ОТНОШЕНИИ КОННЫХ ЭВЕНКОВ ПРИАМУРЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Подписание русско-китайских договоров 1858 и 1860 гг. четко определило политическую границу между двумя странами на Дальнем Востоке. Айгунский и Пекинский договоры фиксируют власть Цинского императора над дауроманьчжурским населением левобережья Амура. При этом соглашения не определяют правовой статус манегров (этническая группа эвенков), кочующих по обоим берегам пограничной реки.

По свидетельствам первых исследователей края, до заключения пограничных соглашений, по берегам реки Амур кочевали этнические группы эвенков (орочоны, манегры, бирары). Главным отличием среди аборигенов было использование оленя или лошади в качестве основной хозяйственной единицы. Ежегодно с февраля по ноябрь они кочевали по правому берегу Зеи от р. Пёра до Депа и по Амуру от поселка Пермыкина до р. Кумары, на зиму возвращаясь на китайскую территорию. Основой их существования являлась охота, а также сезонное рыболовство. При этом отечественные исследователи отмечали, что конные эвенки (манегры) состоят в подданстве у маньчжурского императора.

В отличие от амурских оленных эвенков, конные – с 1683 г. находились в составе восьми знамен. В административном отношении они подразделялись на 5 лу и 7 цзо (с 1894 г. на 5 лу и 16 цзо). Каждый Лу управлялся селином, назначаемый правительством династии Цин, который, в свою очередь, подчинялся цзунгуаню. Манегры в мирное время были обязаны вносить в казну подать по

одному соболу с мужчины, а в случае войны должны были вступить в ряды войск и принимать участие в военных операциях. Китайские источники также упоминают о несении пограничной службы манеграми, сопровождении и охране транспорта с приисков. Таким образом, конные эвенки (манегры) признавали подданство маньчжур, выплачивали подати, несли воинскую обязанность и имели четкое военно-административное устройство.

С первых лет установления власти царской администрации в Приамурье, конные эвенки обвиняются в кражах, грабежах и лесных пожарах, в результате которых выгорал урожай русских поселенцев. Для разрешения подобных вопросов, а также для оформления юридического статуса кочевков манегров на левобережье Амура военный губернатор Амурской области неоднократно выдвигал восточно-сибирскому генерал-губернатору вопрос о контроле кочевков конных эвенков в пределах Приамурья. Однако данный вопрос не получил конкретного решения. По словам русского посланника в Пекине, решая эти мелкие вопросы, китайское правительство остается во мнении, будто делает особые уступки и одолжения. Приграничные китайские власти также не спешили ограничить или воспретить переход манегров на левобережье Амура.

Не увенчалась успехом попытка царского правительства распространить на них действие русских законов. Манегры соглашались с несправедливостью «уплаты соболей цинскому императору» во время их кочевий на русской стороне Амура, однако не понимали, почему русские власти тогда не могут воспрепятствовать этому. Русское правительство пыталось найти экономический путь решения вопроса, для чего конным эвенкам было разрешено заниматься традиционными промыслами в Приамурье по русским билетам, устраивалась продажа необходимых товаров.

Основными элементами царской политики в отношении конных эвенков был отказ от дипломатического решения данного вопроса, создание экономических стимулов для прекращения зависимости от поставок маньчжурских купцов, административное закрепление их на русском берегу Амура и запрет цинским чиновникам ездить для сбора подати в Приамурье.

Однако амурским губернаторам не удалось наладить регулярное снабжение манегров всеми необходимыми товарами. Разовые акции, не могли убедить манегров остаться на левобережье Амура и принять русское подданство. При этом на протяжении всей второй половины XIX в. источники отмечают сбор дани маньчжурскими чиновниками на традиционных ярмарках по притокам рек Амура и Зеи. Таким образом, конные эвенки продолжали кочевать и в начале XX в., а вопрос об их статусе на приграничной территории оставался открытым.

Л.А. ШАЛУНОВА

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИВОСТОКА)

Под социокультурной (межкультурной, кросс-культурной) адаптацией понимается процесс и результат активного приспособления этнических групп и отдельных их представителей к условиям другой социокультурной среды [Маркарян, 1969]. Миграции представителей коренных народов во Владивосток (в основном молодежи) вызваны потребностями трудоустройства и получения образования. Основополагающую роль здесь играет неблагоприятная социально-экономическая ситуация в местах компактного расселения коренных народов Дальнего Востока. К отдельной категории можно отнести причины личного характера. Среди них были выявлены такие как: вступление в брак с жителями города, военная служба и карьерные соображения. Данные причины не являются преобладающими и, вследствие этого, не достаточно изучены, что создает перспективное направление исследования.

Можно отметить ряд факторов, существенно влияющих на процесс адаптации представителей коренных народов в иноэтничной среде:

1) Степень интеграции в доминирующую культуру. Представители малочисленных народов уже при переезде во Владивосток демонстрируют потерю многих важных аспектов своей традиционной культуры. Одной из причин этого являлась проводимая в советское время политика, характеризующаяся этнообъединительными тенденциями, в результате которых произошла утрата языка, изменилась система воспитания и отношение к традиционным верованиям.

2) Возраст. Переезд во Владивосток осуществляется, в основном, молодыми людьми, которым легче приспособиться к перемене обстановки, в отличие от людей более пожилого возраста.

3) Глубина различий между культурами. Такие ценности как «достаток», «удовлетворенность трудом», «успешность», «спокойная жизнь» являются общими для многих культур, что облегчает процесс адаптации. Не исключение здесь и традиционная культура коренных народов. Однако отдельные специфические культурные элементы могут служить причиной разногласий.

4) Гендерный аспект. Женщинам легче приспособиться к меняющимся жизненным условиям в силу более широкого круга своих адаптивных возможностей.

5) Мотивация и ожидания. Городская среда способствует реализации потребностей, таких как трудоустройство, получение образования и т.д.

6) Социальная поддержка со стороны общественных объединений коренных народов, которая способствует успешной психологической адаптации, в связи с потерей человеком социальных связей, поддерживавших его в прошлом. В частности, подобную функцию выполняет АКМНС «Сунэйни», которая оказывает поддержку только что переехавшему молодому человеку. В рамках Ассоциации молодые люди имеют возможность обменяться необходимой информацией, впечатлениями, оказать друг другу эмоциональную поддержку. Членство в «Сунэйни» основано на принципе принадлежности к малочисленной культуре Севера.

Не смотря на значительную потерю респондентами основных составляющих своей традиционной культуры, наблюдается сохранение определенных культурных элементов в их повседневной жизни. В первую очередь это касается вопросов ментальности. Все респонденты подтвердили свою принадлежность к культуре коренных народов Дальнего Востока, сохранив свое самоназвание. Особую роль в сохранении идентичности играет традиционное танцевальное искусство, представленное во Владивостоке ансамблем этнического танца «Бонго». Однако существование данного ансамбля осложняется отсутствием необходимого финансирования. Среди прочих элементов, которые сохраняются у респондентов, следует выделить ностальгические чувства по отношению к своим прежним местам проживания и культурным традициям, что находит своё отражение в декоративно-прикладном искусстве и в фольклоре (песнях, сказках), передаваемых из поколения в поколение.

На сохранение и передачу культурной информации влияют как объективные, так и субъективные обстоятельства. В настоящее время активно продолжается процесс ассимиляции представителей малочисленных народов. Представители коренных народов во Владивостоке проживают довольно дисперсно. Высокие коммуникативные связи наблюдаются в основном у представителей молодого поколения и культурных активистов. Малочисленные народы в большинстве своем признают необходимость сохранения своей культуры, однако проявляют пассивность при участии в подобных мероприятиях. Местные органы власти не оказывают должной поддержки и не уделяют внимания проблемам сохранения традиционной культуры коренных народов.

Городская форма расселения и отрыв от традиционной этнокультурной среды ведет к потере представителями коренных народов основных этнических признаков. Наблюдаются активные ассимиляционные процессы, приводящие к исчезновению из повседневной жизни важных элементов культуры и быта, определяющих этническую идентичность малочисленных народов. В результате утраты духовных, хозяйственных и бытовых традиций, своего языка и других элементов культуры народ, при сохранении внешних антропологических особенностей, превращается в некую новую общность. Городская среда, в отличие от мест компактного проживания коренных народов, ускоряет подобные тенденции. Если представители старших возрастных групп еще сохраняют какие-то элементы своей традиционной культуры, то молодое поколение стремится уже полностью перенять черты доминирующей культуры.

А.А. САВЧУК

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА «НОВОЙ ЖЕНЩИНЫ» В КОНЦЕ 1930-Х ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ «ЗАПИСОК ШТУРМАНА» МАРИНЫ РАСКОВОЙ)

Одним из основополагающих принципов формирования отношений между полами в любом обществе является набор определенных гендерных стереотипов – стандартизированных представлений о моделях поведения и чертах характера,

соответствующих понятиям "мужское" и "женское". В свою очередь набор определенных гендерных стереотипов формирует гендерный конструкт — особую систему, определяющую роль и место мужчин и женщин в обществе.

До революции гендерный конструкт определял место женщины в обществе в рамках следующих доступных женщине социальных ролей: мать-жена-монахиня. Во главу угла ставилась материнская функция, материнство считалось почетной обязанностью женщины. Но почетной она считалась только тогда, когда ребенок был рожден в законном браке, незаконнорожденный становился позором матери, клеймом, которое невозможно было смыть. Отсюда вторая составляющая конструкта — жена. Данные роли считались единственно приемлемыми для женщин, и единственным поощряемым обществом отклонением от признанных их исполнения считалась роль монахини — Христовой невесты.

При помощи ряда правовых норм и повседневных обычаев общество и государство дореволюционной России жестко контролировали соблюдение женщинами правил поведения, предписанных данным конструктом. Все попытки расширить права и свободы женщин делались под эгидой улучшения исполняемых ими ролей матерей и жен (в частности, право на образование и работу в сферах педагогики и здравоохранения).

После 1917 г. ситуация кардинально меняется. В разрушенной войной и революцией стране женщины стали не только большинством населения, но и весомой экономической силой. Поэтому, при сохранении во главе угла функции материнства, две другие составляющие гендерного конструкта меняются, в результате чего он приобретает следующий вид: мать-работница-общественный деятель. Для успешного формирования конструкта необходимо было, чтобы данные ценностные установки принимались и разделялись населением страны, особенно его женской частью. Как нельзя кстати тут пришлось личные примеры женщин, решившихся преодолеть старые гендерные стереотипы и освоить новые виды деятельности, до того считавшиеся мужскими, например, профессию штурмана как Марина Раскова.

Сама Раскова отмечает, что «Записки штурмана» она написала по просьбе молодых девушек, вдохновленных её примером и желающих стать летчицами, повышенное внимание к себе после беспосадочного перелета из Москвы на Дальний Восток (мемуары вышли в 1939 г., через год после перелета) объясняет так: «Народ нашей великой родины прекрасно понимает, что каждая победа советской авиации является лишним звеном в цепи, укрепляющей мощь и обороноспособность нашего социалистического Отечества. Только с этой точки зрения можно расценивать то огромное внимание, которым мы, три советские летчицы, пользуемся сейчас, совершив беспосадочный перелет из Москвы на Дальний Восток». В «Записках» нет осознания, что Раскова и её подруги совершили что-то сверхъестественное, несвойственное женщине, и этот прецедент создает уверенность в том, что для женщин теперь нет тех отраслей, где они не могли бы работать и совершенствоваться.

При этом семья остается для Расковой на втором плане, что проявляется уже с самого начала «Записок», где она рассказывает о ней. В отличие от коллег по военно-воздушной академии, девушек, с которыми она летала, людей, разыскивавших её в глухой тайге после аварийной посадки самолета «Родина», члены семьи получают «обезличенными». Мать, отец, брат, племянник, тетя — дорогие слова, ни одного имени родных, кроме имени дочери, не фигурирует в мемуарах, нет ни описаний внешности, ни черт характера, ни того опыта, который извлекла Марина Раскова из общения с ними. У всех остальных людей, упоминаемых в «Записках», есть и краткая характеристика, и подробное описание того, чему они научили её.

Замужество Расковой в «Записках» упоминается лишь мельком, нет ни имени мужа, ни судьбы брака. Судя по всему, супруги расстались, но каковы были причины развода, неизвестно. Но рядом с темой замужества встает и проблема материнства.

Плохие условия жизни, скученность населения, низкие зарплаты, отсутствие элементарных предметов по уходу за новорожденным, проблема отцовства и необходимость для женщины работать полный рабочий день при недостаточности дошкольных детских учреждений — все это привело к тому, что женщины в СССР предпочитали делать аборт, которые до 1936 г. были легализованы. В итоге перепись 1937 г, впоследствии засекреченная, показала вместо ожидаемых по сталинскому прогнозу 177,7 млн. человек населения в СССР всего лишь 162 млн. За прирост населения решили бороться путем запрета аборт (исключение составляли серьезные медицинские противопоказания). Тем не менее, женщины делать аборт не прекратили, сформировался подпольный рынок данных «услуг». Основной причиной подпольного аборта оставалась нужда, высокая занятость матерей и отсутствие контрацептивов. В связи с этим, в «Записках» Расковой появляется следующая вставка: «Мешала ли она (дочь — А.С.) мне работать? Никогда! Не было момента в моей жизни, чтобы я чувствовала какие-нибудь неудобства от того, что у меня ребенок. Дочь доставляла мне только радость». При этом впоследствии оговаривается, что сначала у дочери Расковой была няня, а потом с ней сидела бабушка. Вообще после прочтения «Записок» складывается впечатление, что у женщины, поступающей вопреки полоролевым стереотипам и осваивающей мужские профессии, должна быть рядом та женщина, которая возьмет на себя такие традиционные женские обязанности, как ведение дома и воспитание детей. Как правило, это женщины старшего поколения, в данном случае — матери Расковой и Гризодубовой.

Осваивая мужские профессии, женщины должны были быть готовыми к тому, что им придется столкнуться с неверием мужчин в их способности, компетентность и возможность освоить мужские профессии. Часто это считалось «бабьей блажью», кандидаткам предъявляли явно завышенные требования. Так, в своих «Записках» Раскова упоминает два таких случая: вначале курсанты военно-воздушной академии, где она преподавала, не желали стоять смиренно перед женщиной, потом летчик Гепнер, обучавший Раскову летному делу, устроил ей

проверку на выносливость. Он заставил Раскову при перегоне самолета из ангара в ангар сначала бежать рядом с самолетом, потом держаться за лыжу, и только после того как она это выдержала, признал за ней право быть летчиком.

Таким образом, перед нами в «Записках штурмана» Марины Расковой предстает образ новой женщины конца 1930-х годов: для нее все личное (любовь, брак, дом, семья) остается на втором плане по сравнению с общественной и профессиональной деятельностью, в которой она смело отстаивает право самореализовываться в тех отраслях, которые раньше традиционно считались мужскими. Для нее чужды какие-то меркантильные интересы, стремление к славе, в каждой телеграмме, посланной Сталину, Калинину и Ворошилову, подчеркивается, что все перелеты — это заслуга не лично летчиц, а прежде всего ВКП(б) и И.В. Сталина. Партийный контроль воспринимается Расковой как забота партии о ней и её товарищах, в то время как для партийных лидеров женщины-летчицы стали одним из символов обновления страны, возможностью продемонстрировать своим гражданам и всему остальному миру тезис о равноправии мужчин и женщин в СССР.

Раскова и её «Записки штурмана» играли двоякую роль: с одной стороны сама Раскова находилась под влиянием формирующегося гендерного конструкта, впитывала новые идеи равноправия мужчин и женщин (не случайно в её «Записках» возникает образ афганских женщин как противовеса образу свободной и равноправной советской женщины). С другой стороны, она становилась тем образцом, на который предлагалось равняться советским гражданкам для успешного освоения мужских профессий, что налагало на неё особую ответственность.

Центр-периферия: Дальний Восток России в контексте развития страны

А.Е. САВЧЕНКО

МОЖЕТ ЛИ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК СТАТЬ ЛОКОМОТИВОМ МОДЕРНИЗАЦИИ СТРАНЫ? (ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ ЕГО НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ)

За период со второй половины 1980-х гг. и по сегодняшний день попытки модернизации России неизменно связывались с проектами ускоренного развития Дальнего Востока. До сих пор эти проекты оставались неудачными, оставляя открытым вопрос – насколько приоритетным для страны должен быть этот регион? Государство и на рубеже XX – XXI вв. как будто не может определиться – что же делать с Дальним Востоком. Это отмечают как учёные, так и представители власти.

Такая неопределённость во многом есть следствие парадоксально противоречивого образа Дальнего Востока, сформировавшегося в научном и политическом дискурсах – как резерва мощи и благополучия страны (что неизменно привлекает внимание к региону) и, вместе с тем, как тяжелого бремени тормозящего

её развитие (что является поводом откладывать решение насущных проблем и реализацию перспектив региона до лучших времён). Данная дилемма, спроецированная на актуальные задачи России ближайшего будущего, выявляет проблему не только теоретического, но и практического плана – роли и места Дальнего Востока в будущем, уже официально провозглашённом, проекте модернизации. Предстоит ли региону остаться на периферии модернизационных процессов и пользоваться плодами общенационального развития (т.е. когда государство "подтягивает" его до среднероссийских социальных стандартов) или же стать одним из локомотивов модернизации (т.е. регионом, развитие которого придаст России новые вектор и динамику)? В региональной политике Центра заключены потенции обеих возможностей, но какая в итоге реализуется, это зависит от стратегии, которая будет в ней преобладать. Дальневосточная политика Центра определялась и определяется попеременным чередованием трёх стратегий, в которых Дальний Восток выступает как:

- 1) "бремя" – территория, требующая напряжения материальных ресурсов всей страны для решения военно-стратегических и геополитических задач;
- 2) "резерв" – источник сырьевых и прочих материальных ресурсов, для усиления всей страны;
- 3) "перспектива" – регион, всестороннее развитие которого выведет Россию на новые рубежи. Именно последняя стратегия и подразумевает Дальний Восток в качестве локомотива модернизации.

В реальной дальневосточной политике Центра всегда присутствовали все три стратегии, но их соотношение изменялось во времени. Во второй половине-конце XX в. преобладало сочетание «бремя/резерв», при этом, «бремя» всё чаще выходило на передний план, хотя на короткое время доминировала и «перспектива». Основной вопрос в том, какие факторы определяют доминирование той или иной стратегии?

На наш взгляд основные факторы таковы: геополитическая ситуация, ресурсная обеспеченность и управленческий потенциал государства.

Геополитическая ситуация может выступать как положительным, так и отрицательным фактором для развития региона. Россия имеет два мощных фланга стратегической обороны на Западе и на Востоке. Если создаётся сильное напряжение на обоих из них, то дальневосточная политика Центра реализуется по стратегии "бремя/резерв": регион насыщается войсками, его ресурсы усиленно эксплуатируются в интересах Центра, в то время как социально-экономическое развитие самого региона отодвигается далеко на задний план. Такая стратегия доминировала во второй половине XX в. в период конфронтации СССР со странами блока НАТО и Китаем.

В то же время, стабильная геополитическая ситуация на обоих флангах, также имеет отрицательное значение, стимулируя стратегию "бремя". Пример последней мы могли наблюдать все 1990-е гг. и начало 2000-х: страна выбрала про-западную ориентацию и Дальний Восток, в отсутствии явной угрозы его утраты, отошёл на периферию внимания центральной власти.

Для реализации сценария "перспектива" наиболее благоприятна умеренно напряжённая геополитическая ситуация на обоих флангах, когда явно осознаются угрозы, но в то же время открыты пути для международного экономического сотрудничества. При таких условиях, чтобы сохранить суверенитет России на Дальнем Востоке, этот регион требуется "развивать" а не "защищать". Именно такая ситуация сложилась в короткий период конца 1980-х гг. и наблюдается в настоящее время.

Следующим определяющим фактором выступает ресурсная обеспеченность государства. Дальний Восток поглощает ресурсы страны при любой из выделенных нами стратегий. Даже в стратегии "резерв", в силу слабой освоенности территории и эффектов больших расстояний, требуются гигантские материальные затраты для введения в хозяйственный оборот ресурсов региона. Наиболее затратной является стратегия "перспектива", так как помимо расходов на оборону, хозяйственную деятельность, она ещё подразумевает значительные траты на политические, социальные, научные и культурные проекты, не гарантирующие быстрого эффекта.

С точки зрения критерия ресурсной обеспеченности государства вполне объяснимы как масштабное освоение региона в 1970-е гг., когда страна еще имела средства на мега-проекты, но уже ощущался дефицит ресурсов, (стратегия "бремя/резерв") так и провал попыток модернизации Дальнего Востока конца 1980-х и 1990-х годов, когда ресурсов государства перестало хватать даже на текущие расходы (стратегия "бремя»).

Современная попытка модернизации предпринимается в сравнительно удачных условиях высоких нефтяных цен и имеет шанс на успех. В сочетании благоприятной геополитической ситуации и приемлемой ресурсной обеспеченности государства становится реальной стратегия "резерв/перспектива". О том, что развитие Дальнего Востока пошло по такому пути свидетельствуют проекты, реализуемые в Приморском крае: строительство современных судостроительных заводов, и в особенности подготовка г. Владивостока к саммиту АТЭС 2012 г., предполагающая масштабное инфраструктурное строительство.

Два фактора вселяют оптимизм, но есть и третий, способный нейтрализовать позитивное действие остальных. Управленческий потенциал государства был слабым звеном на протяжении всего рассматриваемого периода. Управленческий потенциал определяется способностью государства взаимодействовать с ключевыми группами общества и измеряется полнотой реализации принятых решений. Неспособность власти мобилизовать общество на достижение заявленных целей – одна из важнейших причин провала модернизации региона конца 1980-х гг. – наиболее близкого к сегодняшнему по заявленным целям.

Неэффективность принимаемых решений и вложенных средств – основные следствия низкого управленческого потенциала государства в России. Во многом именно этим объясняется нежелание власти вкладывать доходы от сверхвысоких цен на нефть в инвестиционные проекты, так как нет гарантии, что будет получен ожидаемый результат. Для Дальнего Востока это означает политику

Центра по сценарию "бремя/резерв" – когда централизованные средства будут вкладываться лишь в обеспечение минимальных стандартов существования или же в гарантировано окупаемые (а это, прежде всего, сырьевые) проекты. Едва проступившая стратегия "перспектива" может обернуться негативным опытом, отбив желание Центра браться за амбициозные проекты в этой части России.

Реализация стратегии "перспектива" предполагает не только совпадение умеренно-напряжённой геополитической ситуации с высокой ресурсной обеспеченностью государства, но и требует повышения эффективности государственного управления. Дальний Восток может стать локомотивом модернизации страны при условии, что само государство обретёт способность не только принимать, но и успешно реализовывать стратегические решения. В тоже время, регион является подходящей площадкой, где Центр может наработать необходимый опыт реализации масштабных социально-экономических проектов – т.е. открывается перспектива варианта модернизации страны через развитие Дальнего Востока

Е.В. ГАМЕРМАН

НЕТРАДИЦИОННЫЕ УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В условиях глобальных изменений, произошедших в мировой политике и экономике за последние два десятилетия, все большее внимание уделяется так называемым нетрадиционным угрозам безопасности. К числу современных невоенных угроз относят угрозу международного терроризма, транснациональной преступности, коррупции, миграции, экологические и экономические факторы. Особое значение имеют отдельные невоенные угрозы безопасности для российского Дальнего Востока. Кризисные явления, поразившие российскую экономическую и социальную сферы в 1990-2000 гг., острее всего сказались на наиболее отдаленных от центра регионах. В обострении ситуации сыграли свою роль и глобальные тенденции, как социально-экономического, так и политического характера.

Начнем с группы угроз экономической безопасности. Прежде всего, необходимо разобраться, что понимать под экономической безопасностью? Понятие на сегодняшний день вызывает дискуссии по причине своей неопределенности и расплывчатости! Отдельные исследователи считают, что экономическая безопасность ограничивается сугубо сырьевыми, и даже более конкретно, энергетическими аспектами. Другие полагают, что под данное понятие подпадают абсолютно все экономические проблемы. В представленной работе за основу берется определение, которое содержится в экономическом словаре. Экономическая безопасность – это состояние экономики, при котором обеспечивается достаточно высокий и устойчивый экономический рост; эффективное удовлетворение экономических потребностей; контроль государства за движением и использованием национальных ресурсов; защита экономических интересов страны на

национальном и международном уровнях. То есть присутствует и ресурсный критерий, и устойчивое экономическое развитие, и т.н. продовольственная безопасность. Данное понятие, по сути, представляет собой суммарную понятийную единицу, включающую в себя энергетическую, продовольственную и иные виды безопасности.

Дальневосточные субъекты РФ сильно отличаются друг от друга по степени экономического развития, ресурсной составляющей, уровню жизни населения, политической ситуации и др. Однако, точками соприкосновения, являются равноудаленность от центра России, разбалансированность экономики, направленность экономического развития, в первую очередь, на страны АТР, а не на центральные регионы РФ.

Большие опасения, в связи с кризисом, вызывает такая составляющая экономической безопасности, как продовольственная. Наметившиеся в последние два года тенденции к улучшению ситуации в сельском хозяйстве за счет федеральных программ (особенно актуальной данная проблема является для Амурской и Еврейской автономной областей), рискуют сойти на нет. В связи с кризисом в банковском секторе, сельское хозяйство не сможет получать кредиты в полном объеме, из-за сезонности вновь становясь убыточным. Перспектива очередного увеличения роли продовольственного импорта из северо-восточных провинций Китая вызывает большие опасения, во-первых, из-за его низкого качества, а во-вторых, из-за усиления зависимости от импорта. Следующим итогом станет очередной виток инфляции в регионах ДВФО, который многократно превзойдет прогнозируемый уровень, и который, в первую очередь, затронет продукты первой необходимости. Снижение качества жизни большей части населения Дальнего Востока – одна из основополагающих угроз безопасности региона, которая может стать реальностью уже в самое ближайшее время.

Неоднозначным является и обеспечение энергетической безопасности. Строительство нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий Океан», каскада ГЭС в Амурской области и др., т.е. проектов, которые призваны создать энергетическую площадку для стран Северо-Восточной Азии, с одной стороны, требуют колоссальных материальных ресурсов, которые в условиях финансового кризиса могут быть не совсем оправданы. С другой стороны, ситуация на мировых рынках может подстегнуть к поискам альтернативных источников энергии, не настолько затратным и экологически безопасным. В таком случае многомиллиардные энергопроекты могут оказаться неконкурентоспособными или, по меньшей мере, с длительным периодом окупаемости. Но даже в случае успешной реализации всех программ и наличия спроса на энергоресурсы в странах СВА, Дальний Восток в еще большей степени, нежели сегодня, закрепит за собой позиции сырьевого придатка (в данном случае энергосырьевого), что никак не вяжется с подходами к обеспечению экономической безопасности, подразумевающих несырьевой характер экономики, развитие производственной базы, обрабатывающей промышленности и др.

В череде экономических угроз особо стоит выделить миграционную составляющую. Миграционные процессы являются неотъемлемой частью современных социально-экономических процессов. Нарастание угроз экономической безопасности в России устойчиво сопряжено не столько с масштабами миграции, сколько с ее структурой и территориальным распределением. Существует опасность негативных последствий для рынка труда, как при неконтролируемом притоке населения, так и при необоснованных запретах на иммиграцию.

Результатом переориентации миграционных потоков в пореформенные годы является катастрофическое разрушение демографического и трудового потенциала, который целенаправленно создавался в восточных регионах страны на протяжении нескольких десятилетий. Особую остроту эта проблема приобретает ввиду того, что эти регионы располагают значительным производственным и ресурсным потенциалом, имеющим большое значение для экономики всей страны. Отток трудовых ресурсов из восточных регионов делает актуальным привлечение и использование иностранной рабочей силы.

В целом, зарегистрированное (легальное) привлечение иностранной рабочей силы в России невелико – 300-400 тыс. чел. в год. Однако по данным ФМС России только за последние семь лет число зарегистрированных иностранных работников увеличилось более чем в 2 раза. Вероятно, эта тенденция сохранится не только в ближайшей, но и в более отдаленной перспективе. Трудовая миграция в современную Россию характеризуется большим разнообразием миграционных потоков по странам выезда. В стране официально заняты иностранные граждане из 127 стран мира, причем около половины из них прибывает из стран СНГ, еще около 20% из КНР. В течение 2000-2007 гг. число иностранных рабочих, занятых в экономике регионов Дальнего Востока, возросло в 13 раз. Приоритетными сферами приложения их труда являются сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, строительство, оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств. Процессы, связанные с трудовой иммиграцией, требуют определения и упорядочения. Концептуальной основой для решения возникающих вопросов может выступать региональная иммиграционная политика. В настоящее время в России отсутствуют четкая миграционная политика. Регулирование трудовой миграции должно быть тесно увязано с концепцией демографического развития страны, в том числе с необходимостью обеспечения социокультурной и геополитической безопасности отдельных регионов и страны в целом.

Особняком стоят проблемы, связанные с деятельностью транснациональных преступных группировок. Близость регионов АТР и стран Средней Азии, демографические и экономические проблемы, наличие огромных территорий, определяют повышенную активность организованных преступных группировок, осуществляющих свою деятельность на международном уровне. Наркобизнес, торговля людьми, незаконная добыча и торговля биоресурсами, неразрывно связанная с данными процессами коррупция местных и федеральных чиновников, и

тенденции к ухудшению ситуации в данных сферах, так или иначе, становятся факторами, угрожающими безопасности Российской Федерации.

Таким образом, нетрадиционные угрозы безопасности становятся одним из ключевых факторов риска в развитии регионов Дальнего Востока и России в целом, что требует серьезного изучения, и принятия необходимых мер.

С.А. ПИСКУНОВ

ДОБРОВОЛЬНОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ НА РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: ПРОРЫВ ИЛИ ПРОВАЛ

Решение демографической проблемы является одной из важнейших задач современной России. Численность россиян снизилась со 147,4 млн. чел. в 1989 г. до 145, 2 млн. чел. в 2002 г. (1,5%). В региональном срезе статистика выглядит еще менее благоприятной: число жителей, проживающих на Дальнем Востоке, за 1989-2002 гг. сократилось с 7 941 тыс. до 6 693 тыс. чел. (15,7%). Подобная ситуация вызывает тревогу не только в среде ученых, но и на самом высшем государственном уровне. В итоге были разработаны и стали реализовываться мероприятия, с одной стороны, направленные на стимулирование рождаемости, с другой, на привлечение соотечественников из-за рубежа.

В первом случае, государство использует стимулирующие меры, прежде всего материального характера, направляя их на постоянно проживающее на территории России население. Переселение соотечественников из-за рубежа является в некоторой степени новым способом решения демографической проблемы, одновременно свидетельствуя об изменении традиционной миграционной политики России/СССР. Новизна этого подхода состоит в переходе от перераспределения населения в рамках одной страны к миграционному обмену (в пользу России) с иностранными государствами (прежде всего т.н. Ближним зарубежьем). При положительном эффекте от реализации программы должны выиграть все – и соотечественники, находящиеся за границей, и государство. Первым будут созданы благоприятные условия для жизни с учетом их добровольного выбора региона вселения. Государству, в свою очередь, это позволит решить не только тесно связанные друг с другом экономические и демографические, но и политические проблемы.

Указом Президента РФ была определена цель Государственной программы, заключающаяся в стимулировании и организации процесса добровольного переселения в Российскую Федерацию соотечественников на основе повышения привлекательности ее субъектов, а также компенсация естественной убыли населения в стране в целом и в ее отдельных регионах за счет привлечения переселенцев на постоянное место жительства.

Реализация программы намечена на 2006-2012 гг. На 2006 г. пришелся подготовительный этап, в течение которого была сформирована нормативно-правовая база переселения. Собственно переселение началось с 2007 г.

На Дальнем Востоке были определены два субъекта, куда осуществляется переселение – Амурская область и Приморский край. Анализ промежуточных результатов реализации Государственной программы свидетельствует о том, что количество привлеченных переселенцев на сегодняшний день не оказало серьезного положительного влияния на демографическое развитие указанных выше субъектов России.

Причины негативных явлений на этапе реализации миграционной политики многообразны, поскольку сочетают в себе экономические, природные, социальные и культурные основы. По мнению большинства специалистов наиболее существенным недостатком реализуемых мер государственной поддержки переселенцев является отсутствие полноценной политики обеспечения жильем. А ведь положительный опыт в этой области имеется. Например, переселенческая политика, осуществляемая в СССР в послевоенный период и основанная также как и в современной России на добровольном привлечении мигрантов, предполагала обеспечение их жильем. При этом на Дальнем Востоке государство в течение десяти лет компенсировало 50% стоимости взятого на эти цели кредита. Таким образом, Государственная программа по привлечению соотечественников, проживающих за рубежом, концептуально представляет серьезный прорыв. Фактически же, как это следует из первых результатов реализации миграционной политики, есть все основания утверждать, что если не будут приняты более серьезные меры поддержки переселенцев, речь пойдет о провале.

В.О. ШАБАНОВ

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Одной из острейших проблем Российской Федерации является сокращение населения. Демографический упадок и рост безработицы – серьезные угрозы для страны в целом. Для Дальнего Востока сохранение достаточной численности населения стало одним из показателей устойчивого развития.

Дальний Восток исторически развивался под постоянным патронажем государства, что определяло его устойчивое и сбалансированное развитие. Экономическая специализация ориентировалась на ресурсодобывающие отрасли с экспортным уклоном, развитие более высоких переделов, особенно машиностроения, выполняло важную производственную роль, поддерживая уровень образованности, наукоёмкости и трудовой квалификации работающего населения. После распада СССР российский Дальний Восток, в условиях перехода от плановой к рыночной экономике и неконтролируемого роста цен, оказался предоставлен сам себе, экономическое развитие региона прекратилось, что повлекло за собой стремительное снижение жизненного уровня населения.

Поворот к рынку сразу же обнажил относительную перенаселенность северных районов, откуда население стало быстро выезжать. Дальний Восток впервые со времени освоения его русскими стал терять население. Толчок этому процессу дало сокращение армии. Регион превратился в сплошную зону оттока

населения. Если по данным всех предыдущих переписей населения он отличался от других экономических районов страны высокими темпами численного прироста населения за счет значительного участия миграции и достаточно высокого естественного прироста, то накануне переписи населения 1989 г. этот процесс как бы пошел вспять. В конце 1980-х годов роль миграции в формировании населения региона стала отрицательной. Максимальная численность населения была отмечена в 1991 г. (8,1 млн. чел.).

Среднегодовая численность постоянного населения ДВФО сократилась по сравнению с 1990 г. более чем на 1,5 млн. чел. (на 19,3%) и в 2007 г. насчитывала 6,5 млн. чел. При этом в целом по России сокращение за указанный период составило всего 4%. Таких потерь не знает ни один регион страны. Предположения, что основной поток населения, убывающего с Дальнего Востока, схлынул и миграционная обстановка нормализуется, являются спорными. Сокращение численности выезжающего из региона населения, главным образом, связано с возросшими экономическими затруднениями переезда. Настроения временности проживания сохраняются, 2/3 жителей северной зоны и 1/3 жителей южных районов ориентируются на выезд. Следовательно, Дальний Восток стоит перед угрозой потери населения в количественном и качественном плане. Особенно это касается северных территорий, где условия жизни и труда наиболее экстремальные. Так, в межпереписной период (1989-2002 гг.) население Чукотского автономного округа уменьшилось на 67,2%, Магаданской области на 53,4 %, Камчатской и Сахалинской областей соответственно на 24 и 23%. По мнению В.К. Заусаева, катастрофическое сокращение населения произошло, во-первых, из-за экономических реформ, во-вторых, истощенности старой парадигмы развития региональной экономики, в-третьих, из-за вынужденного возвращения на родину мигрантов ввиду угрозы потери гражданства, в-четвертых, высокой концентрации временного населения, которое было ориентировано на выезд. Поэтому при ухудшении общеэкономической ситуации с Дальнего Востока начался интенсивный отток.

С 1989 по 2002 гг. в результате миграционного обмена ДВФО потерял более 1260 тыс. чел., за последние пять лет (2003-2007 гг.) – 102,2 тыс. чел. Однако настораживает другое – если за 1989-2002 гг. регион получил естественный прирост 4,9 тыс. чел., то за период 2003 -2007 гг. естественная убыль составила 91,9 тыс. чел. Можно смело сказать, что естественная убыль населения почти догнала миграционную. Рождаемость снизилась во всех регионах Дальнего Востока, кроме Чукотки. Суммарный коэффициент рождаемости составляет от 2,17 на Чукотке до 1,33 в Приморском крае. При этом общей тенденцией является увеличение коэффициентов естественной убыли по всем регионам Дальнего Востока, кроме Республики Саха (Якутия), Камчатской области, Чукотского автономного округа.

2000 г., первый год заметного экономического подъема, уже ярко высветил значение демографических проблем для России. В течение одного года акцент сместился с проблем безработицы и трудоустройства на проблему поиска рабо-

чей силы. Чем можно ответить на этот вызов? Даже теоретически существует только два возможных ответа: восстановление устойчивого положительного естественного прироста или приток населения извне. Первый ответ предполагает резкое и очень значительное повышение рождаемости, практически удвоение ее нынешнего уровня, что, как отмечалось выше, маловероятно. Остается иммиграция. Но этот ответ на вызов времени несет с собой новые риски и опасности. Россия может рассчитывать и на приток титульного населения из стран СНГ, в размерах, примерно равных притоку русских. Расчеты показывают, что бывшие партнеры по Союзу могут удовлетворить перспективную потребность России в иммигрантах не более чем наполовину. Что касается второй половины, то здесь у китайцев нет серьезных конкурентов. Поэтому китайская иммиграция объективно обусловлена интересами России. Угроза китайской экспансии действительно существует, но это и угроза, и необходимость для России одновременно.

Значительное снижение численности населения, перспектива которого вполне вероятна, порождает ощутимые геополитические опасности, угрожает национальной безопасности. Огромная протяженность границ России не исключает демографической экспансии, когда демографический вакуум будет заполняться людскими и экономическими ресурсами сопредельных стран (например, Китая). Основную угрозу позициям России на Дальнем Востоке представляет не «желтая опасность» (массовая китайская колонизация или силовой захват), а упадок и ослабление России. Иммиграция из Китая, как способ развития производительных сил Дальнего Востока – это наиболее реализуемый сегодня сценарий. Но при этом надо понимать все негативные последствия и дополнять его развитием отношений с другими странами.

Для оздоровления процессов воспроизводства населения Дальнего Востока должна быть выработана соответствующая федеральная программа, обеспеченная финансами, а также имеющая четкие приоритеты по отдельным группам территорий. Необходимы средства для первоочередного развития и обустройства производственной и социальной инфраструктуры – дорог, коммуникаций, связи, энергетики, транспорта и т.д., без чего невозможно нормально развивать бизнес. Соседство с миллиардным населением требует незамедлительного вмешательства, как на государственном, так и региональном уровнях, нужна новая концепция региональной демографической и миграционной политики. В демографических программах необходимо ввести дополнительные государственные компенсирующие меры, направленные на стимулирование рождаемости, сокращение смертности по «региональным причинам», увеличение продолжительности жизни населения, привлечение и закрепление населения в Дальневосточном федеральном округе.

Стоит задача формирования постоянного населения на юге Дальнего Востока. Крупными городскими поселениями должны стать города Хабаровск, Владивосток, Благовещенск, Комсомольск-на-Амуре, Южно-Сахалинск. Идея максимального повсеместного заселения себя исчерпала. В дальневосточном регионе должно быть ядро постоянного населения на юге вдоль границы с Китаем, где

более благоприятные климатические условия для жизни населения и имеется хорошая научно-производственная база для создания «полюсов роста». Только постоянное российское население сможет быть гарантом сохранения Дальнего Востока в качестве ресурсной базы экономики России в XXI в.

А.А. ЗЫКОВ

ПРИГРАНИЧНЫЙ РЕГИОН В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В конце XX в. Россия переосмысливала стратегию развития страны, свои отношения с другими государствами и систему национальной безопасности. По мнению С.В. Картунова, политику национальной безопасности можно определить как деятельность государства, всего общества и каждого гражданина в отдельности, направленную на защиту национальных интересов и ценностей и их приумножение.

Российское руководство, как активный участник внешней политики, связывает свои международные позиции с приоритетом устойчивого развития страны, для чего направляет собственные усилия на выстраивание двусторонних и многосторонних партнерских отношений с другими государствами. Особенно важно учитывать состояние баланса интересов с соседями по границе, так как по суше и морям Россия граничит с 16 странами, имеющими различные и очень контрастные политические системы. Многократное увеличение контактного назначения государственных границ в условиях развития глобальных процессов, как следствие, увеличило значимость характера политических режимов и экономических систем для обеспечения безопасности приграничных регионов.

В первую очередь это подчеркивает необходимость соблюдения одного из важнейших методологических принципов – принципа неразрывного единства внутренней и внешней политики, что обуславливает необходимость уделять пристальное внимание сочетанию национальных интересов на международном и внутриполитическом уровнях. При этом на первое место ставятся приоритеты внутренней политики, исходя из понимания безопасности как состояния защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства.

Внутриполитическая стабильность как условие региональной и национальной безопасности может быть обеспечена поддержанием баланса интересов различных социальных и национальных групп. Исследователи выделяют следующие основные блоки современного политического процесса: конституционные проблемы, экономические проблемы, проблемы власти, культурные проблемы, которые определяют содержательную сторону политической риторики и характеризуют тематизацию дискурса государственности.

Особое значение имеет региональная проблематика. В условиях существенного усиления зависимости региональных политических режимов от федерального уровня перед участниками российского политического процесса встает острая необходимость налаживания баланса отношений между центром и регионами, установление которого предполагает адекватное представление регио-

нального интереса при формировании общенациональной политики. Расхождение интересов регионов и центра приводит к росту сепаратистских настроений на местах и недоверию федеральных властей к региональным сообществам, что одинаково негативно отражается на пространственном развитии страны. Р.Ф. Туровский определяет две составляющих такого баланса. Во-первых, это соотношение централизации и децентрализации (отношения между стратами); во-вторых, это межрегиональный баланс (и в связи с ним территориальная справедливость), характеризующий отношения между фрагментами (отдельными регионами), включая их представительство на общенациональном уровне.

Децентрализация в эпоху стихийной федерализации 1990-х годов форсировала развитие приграничного сотрудничества, что открыло новые возможности экономического развития регионов и одновременно поставило страну перед новыми вызовами и угрозами распада российских территорий. Такое положение не могло долго устраивать высшее руководство страны, следствием чего стало принятие в 2000-е годы политико-территориальной модели государственного управления, получившей название административного (или унитарного) федерализма. Это привело к большей централизации страны, а, следовательно, к более пристальному контролю над регионами и ограничению их действия по многим направлениям (в том числе и международным), что сняло накал сепаратизма. В немалой степени это обусловлено потребностью государства в обеспечении эффективного контроля над собственными границами в условиях активизации глобализации и регионализации.

Безусловно, нельзя сказать, что сепаратизм сегодня снят с повести дня, но угроза, исходящая от национальных республик РФ, не представляет более опасности для российской государственности, как это было в 1990-е годы. А.С. Макарычев выделил два аспекта особой значимости этнонационального фактора в политических процессах приграничных регионов. Во-первых, во многих приграничных территориях преобладают националистические настроения, которые стали следствием чувства маргинализации и ущемленности (к примеру, Краснодарский край и Волгоградская область). Во-вторых, регионы, находящиеся в гуще межэтнических пересечений, вынуждены были в некоторых аспектах отойти от общероссийских политических стандартов, тем более что федеральный центр лишился возможности влиять на выработку внутрирегиональных «правил игры» (наиболее яркие примеры Чечня и Дагестан).

К вышесказанному можно добавить еще один аспект, заключающийся в перекосах демографических потенциалов восточных приграничных регионов России с их южными соседями (в первую очередь с Китаем). Население и власть этих российских территорий испытывают смешанные чувства: с одной стороны, они нуждаются в привлечении дешевых трудовых мигрантов, в силу ограниченного количества собственного населения; с другой, опасаются демографического давления и тихой экспансии соседей. Современная политика национальной безопасности России направлена на обеспечение баланса интересов коренного населения и трудовых мигрантов, т.е. соответствующие структуры власти ста-

раются учесть их этнические, языковые, культурные и конфессиональные различия, совершенствуют миграционный учет, а также осуществляют территориальное распределение мигрантов исходя из потребностей регионов в трудовых ресурсах.

Помимо этого вполне актуальным остается нездоровая конкуренция регионов друг с другом (в случае обострения сепаратистских настроений нельзя исключать конкуренцию региона с центром), в том числе за внешнеэкономических партнеров.

Российское руководство видит решение диспропорции в уровнях развития субъектов Российской Федерации в проведении рациональной государственной региональной политики, направленной на улучшение координации деятельности органов государственной власти, местного самоуправления, предпринимательского сообщества и институтов гражданского общества. Но на данный момент такой подход остается на уровне правительственной риторики и только ожидает своей реализации.

И.Н. АБАТУРОВ

ТРАНСЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ДИФфуЗИЯ «КИТАЙСКОГО» В РОССИЮ НА ПРИМЕРЕ УРАЛЬСКИХ ЗАВОДЧИКОВ ДЕМИДОВЫХ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII ВЕКА)

В настоящее время особенно актуальна проблема межцивилизационных контактов, которые, как правило, сопровождались диффузией идей, представлений, обычаев и многого другого. Представляет интерес не только прямая диффузия, возникающая в результате непосредственных контактов между двумя цивилизациями, но и опосредованная или трансцивилизационная диффузия, возникающая тогда, когда межцивилизационные связи осуществляются через третью цивилизацию, выполняющую функцию посредника. Такой тип диффузии представляет особый интерес, поскольку любое посредничество вольно или невольно искажает восприятие “чужого”. О влиянии диффузии европейского в России написано много исследований, авторы которых выделяют различные уровни этого проникновения. Из последних исследований можно отметить работы Е.В. Алексеевой. Однако, ставя в центр исследования контакты между Россией и Европой, авторы уделяют мало внимания той посреднической роли, которую европейская цивилизация сыграла в деле трансляции достижений восточных цивилизаций в нашу страну. Интересно, что несмотря на наличие общей границы с Цинской империей, знакомство с китайскими обычаями и товарами в XVIII в. во многом осуществлялось благодаря европейской цивилизации и ее представителям.

Эта особенность была характерна даже для Урала – региона, традиционно выполнявшего роль моста между Европейской Россией и Дальним Востоком. Причины такого феномена крылись в политике изоляционизма, проводимой маньчжурами. Неудивительно, что уральские заводчики знакомились с дости-

жениями китайской цивилизации в Европе, во время своих путешествий. Первые европейские поездки уральских заводчиков, о которых до нас дошли документальные свидетельства, относятся к середине XVIII в., были не просто развлекательными мероприятиями, а играли роль образовательных и деловых вояжей. Посещая музеи и библиотеки в европейских городах, а также кабинеты редкостей, заводчики и их наследники знакомились с теми достопримечательностями, которые были доставлены из Поднебесной. В результате всего этого именно в Европе уральские заводчики впитывали “китайские” стереотипы. Например, Никита Акинфиевич Демидов, владелец Нижнетагильских заводов, посетив Париж в 70-е гг. XVIII в., купил там “китайской рыбы золотой и серебряной”, то есть домашних рыбок в банке, которых отправил в Санкт-Петербург [ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 40. Л. 44 – 44 об.]

Вероятно под влиянием Европы Китай стал ассоциироваться у уральских заводчиков с некой невероятно далекой, почти сказочной страной. Как писал вышеупомянутый Н.А. Демидов: “могу ли я хотя чрез вас уведомлен быть о Александре Стахеевиче, в китайском ли государстве или где он находится ибо на многия мои писма не могу от него толку добится” [Там же. Л. 61]. Сыновья Г.А. Демидова, племянники Никиты Акинфиевича, путешествовавшие по Европе в молодом возрасте, в 1751 – 1761 гг. во Флоренции посетили кабинет редкостей барона Шторха, в котором хранились и географические карты. Вот как описаны впечатления от этого в черновом подневном журнале, который вел тогда Павел Демидов: “одна комната вся заполнена географическими картами и планами городов всех стран, а также и Китая и Японии и т.д.”. Как видим Китай и Япония упомянуты особо. Неслучайно при перечислении манускриптов французской королевской библиотеки китайские рукописи упомянуты не с английскими или испанскими, а вместе с арабскими, турецкими и халдейскими. Китай ассоциировался с чем-то роскошным (шелком, фарфором и т.п.), а также с чем-то примечательным и “куриозным” (например, “китайские идолы из кореньев алое”). В Европе были встречи с теми коммерсантами, которые вели торговлю с Китаем и которые рассказывали свои впечатления. Так, например, вышеупомянутые братья Демидовы встретились в Амстердаме со шведом, который упомянут в путевых бумагах под именем Гейнриг Кениг. Они встречались с ним и в Париже. Этот человек “для комерциальных дел уже 5 раз в Китае был и в прочем очень много вояжировал, чрез что он много познания получил и разных диковенных вещей видал. Его два брата ныне на дороге в Китай и равномерно же негоцианты, как и сей”.

Несмотря на то, что Цинская империя влекла к себе своей таинственностью, китайские товары уральские заводчики покупали редко. Примером может служить уже упоминавшийся Н.А. Демидов (1724 - 1787), после которого осталась обширная (по большей части неопубликованная) деловая и личная переписка, содержащая сотни писем. Из множества просмотренных нами документов удалось найти только редкие упоминания о приобретении “китайских” товаров. Речь идет о покупке так называемых “китайских” чернил. В реестре посланных

в село Фокино красок для написания образов от 12 декабря 1762 г. содержится упоминание о присылке “чернил китайских шесть золотников” [Там же. Д. 17. Л. 472]. Любопытно, что, скорее всего, означенные чернила не были произведены в Китае и заводчик хорошо понимал, что покупает подделку, но других не было.

Таким образом, можно отметить, что уральские заводчики Демидовы второй половины XVIII в. служат примером того, как представления о Китае и о других странах Дальнего Востока ретранслировались через Европу в Россию. Иными словами, имела место трансцивилизационная передача культурного типа, при котором представители европейской цивилизации играли роль посредников. В результате, Китай воспринимался уральскими заводчиками как далекая и таинственная страна, откуда поставляются в Европу предметы роскоши (шелк, фарфор) и различные курioзные вещи.

Р.С. АВИЛОВ

ВЛИЯНИЕ МАНЗОВСКОЙ ВОЙНЫ 1868 ГОДА НА РАЗВИТИЕ СУХОПУТНЫХ СИЛ РОССИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Несмотря на рост интереса к военной истории, история российских сухопутных сил на Дальнем Востоке в период с 50-х гг. XIX в. до 1914 г. остаётся слабо изученной. В этой связи особого внимания заслуживают события Манзовской войны 1868 г. и их влияние на развитие вооруженных сил России в регионе. Ход этого конфликта достаточно тщательно исследован в работе Р.В. Кондратенко «Манзовская война. Дальний Восток 1868 г.» (2004), но вопрос о ее влиянии на эволюцию, дислокацию и численность российских войск в регионе был оставлен автором без внимания. В то же время, война сыграла существенную роль в осознании военным руководством стратегической ситуации в Южно-Уссурийском крае. Стало ясно, что находящиеся в крае войск недостаточно даже для водворения порядка в среде многочисленного китайского населения, не желавшего считаться с существующим административно-территориальным разграничением между Россией и Китаем.

Постоянное использование военных частей в качестве рабочей силы крайне отрицательно сказалось на их боеспособности, но и эти силы не были в состоянии в нужное время быстро оказаться на месте боев. Во-первых, сами они обладали низким уровнем мобильности, а, во-вторых, ситуацию усугубляло почти полное отсутствие в крае дорог и нормальной системы связи. Таежные тропы манзы знали намного лучше русских военных, у которых и карт почти не было, а телеграф функционировал плохо. Все это наталкивало на мысль о необходимости создания мобильного регулярного кавалерийского соединения, способного быстро оказаться в месте боев.

Проблемы были и при взаимодействии с китайскими властями, что проявилось во время переговоров в г. Хунчуне о судьбе плененных манз. Проведение

таких мероприятий требовало особой подготовки, знания китайского языка, местных обычаев – случайные люди для этого не годились.

На момент начала военного столкновения войска в Южно-Уссурийском крае располагались следующим образом: в Новгородском посту (командир Я.В. Дьяченко) находилась команда в 350 человек, выставлявшая отряды по 25 человек во Владивосток, п. Находку, на р. Даубихэ и в б. Стрелок. 1-й Восточно-Сибирский линейный батальон (майор К.А. Пфлингстен) с двумя взводами горной артиллерии, из которых в запряжке находился один, дислоцировался в ур. Новокиевском, выставлял караулы (Корейский, Хунчунский и Тизенхинский) на путях из Кореи и китайского города Хунчун. 3-й Восточно-Сибирский линейный батальон (майор И.П. Корольков) был разбросан на значительной территории: штаб и 2 роты находились в п. Камень-Рыболов, откуда высылался караул за 70 верст к Турьему Рогу для контроля дороги в Нингуту, 1 рота – в п. Находка, еще 1 – в Раздольном. Существовала так же и Ольгинская постовая команда. Солдат туда обычно доставляли морем и никакой помощи в случае необходимости они в силу больших расстояний и транспортных затруднений оказать не могли.

Ближайшие части, которые могли прийти на помощь: 5-й Восточно-Сибирский линейный батальон (майор Юзевович) – в Хабаровке, 4-й (подполковник Коробейников) и 6-й (подполковник Кондратович) – в Николаевске, а 2-й Восточно-Сибирский линейный батальон (полковник В.Е. Языков) стоял в Благовещенске. Уссурийский пеший батальон Амурского казачьего войска располагался в станции Казакевичевой.

Передислокация и переформирование войск начались сразу после конфликта. В том же году горный дивизион 2-й легкой батареи Забайкальской линейной артиллерийской бригады передвинули из г. Благовещенска в п. Камень-Рыболов, 1-й Восточно-Сибирский линейный батальон продолжал оставаться в ур. Новокиевском, но теперь должен был выставлять 6 постов: Корейский, Хунчунский, Рязановский, Монгугайский, Ханшин и Вяземский, а также содержать людей на телеграфных станциях от Посъета до ст. Баранова. 3-й Восточно-Сибирский линейный батальон по-прежнему держал 2 роты в п. Камень-Рыболов, где находился его штаб, выставляя посты в Турий-Рог и на почтовые станции. Остальные 2 его роты стояли теперь в с. Никольском и на постах Барановском и Раздольном. Горная артиллерия была рассредоточена: дивизион в п. Камень-Рыболов, взвод во Владивостоке и взвод в районе зал. Посъета. Новгородская постовая команда должна была разместиться в Новгородской гавани, Владивостоке, Находке и Угловом. Хабаровская постовая команда должна была занять пост Бельцова и станции по р. Усури до ст. Буссе.

Уже на следующий год, 29 марта 1869 г. было Высочайше утверждено положение Военного совета о переформировании батарей линейной Забайкальской артиллерийской бригады в 4-х фунтовые и о сформировании из состоящих при них горных дивизионов горной батареи. Саму же бригаду надлежало переименовать в Восточно-Сибирскую артиллерийскую бригаду.

Решение остальных вопросов без санкции Петербурга было невозможно. Посетивший летом того же года Южно-Уссурийский край Командующий войсками Восточного Сибирского военного округа генерал-адъютант М.С. Корсаков признал необходимым для поддержания порядка, в виду значительности пространств края и разбросанности в нем населения, в будущем разделить его на 5 округ: Уссурийскую, Ханкайскую, Суйфунскую, Сучанскую и Аввакумовскую, а население каждой – подчинить особому Окружному Начальнику, из числа начальников частей войск, там находящихся. Он также представил в столицу соображения о мерах по обеспечению безопасности края, среди которых было перенесение областного центра со всем гражданским и военным управлением из Николаевска в Хабаровку, образование особого пограничного дивизиона для защиты границ Южно-Уссурийского края от возможного внешнего вторжения, учреждение в крае должности пограничного комиссара для заведования сношениями с иностранными пограничными властями, проведение преобразований в составе Сибирской военной флотилии и изучение вопроса о создании постоянной эскадры в водах Тихого океана.

Для рассмотрения этих предположений в Петербурге была образована особая комиссия под председательством генерал-адъютанта И.С. Лутковского, а затем и особое совещание министров, на котором постановили, в частности, для обеспечения границ Южно-Уссурийского края сформировать безотлагательно одну сводную казачью сотню, усилив ее пехотными солдатами, если не найдется достаточного числа казаков-охотников. Учредить в Южно-Уссурийском крае пограничное комиссарство и приступить к устройству почтового сообщения между Хабаровкой и заливом Посьета. Рассмотрение остальных предположений отложили до получения результатов другой комиссии, под председательством генерал-адъютанта Сколкова, командированной в 1869 г. на Амур на 2 года.

Высочайшее повеление о создании Уссурийской казачьей конной сотни состоялось 24 мая 1869 г., а 12 ноября было Высочайше утверждено мнение Государственного совета об учреждении управления пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае. Сам комиссар и управление должны были находиться недалеко от зал. Посьета, подчиняться военному губернатору Приморской области, а по дипломатическим вопросам обращаться напрямую к Восточно-Сибирскому генерал-губернатору.

Таковы были первоочередные меры, направленные на предотвращение возможного повторения конфликта. Однако влияние Манзовской войны 1868 г. на развитие сухопутных сил России на Дальнем Востоке этим не ограничилось. С этого времени военные стали обращать внимание на развитие военно-транспортной инфраструктуры в крае, осознали необходимость увеличения в нем русского населения, без которого реальное закрепление этой территории за Россией было немислимо. Полученный опыт постоянно учитывался при разработке планов усиления группировки войск в Южно-Уссурийском крае и изменении их дислокации.

Таким образом, Манзовская война 1868 г. заставила развивать в крае административную систему и в значительной степени повлияла на концепцию размещения военных частей в регионе, основные элементы которой благополучно просуществовали до 1917 г.

Д.А. НИКОЛАЕВ, В.В. МОРОЗОВ

К ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ БОКСЁРОВ В КИТАЕ: ПИСЬМА С ВОЙНЫ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ЦЕРПИЦКОГО НИЖЕГОРОДСКОМУ ГОРОДСКОМУ ГОЛОВЕ
(НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ИЗ ФОНДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО АРХИВА НИЖЕГОРОДСКОЙ
ОБЛАСТИ)

Восстание боксеров в Китае явилось одним из наиболее значимых военных конфликтов начала XX в. Его причиной явилась политика правящей династии Цин, допускавшей широкую экспансию иностранных держав. Рост налогов, отчуждение земель под железную дорогу, прочие негативные социально-экономические факторы – все это привело к тому, что в 1900 г. в Китае началось восстание, вдохновителем и организатором которого стало общество «И-хэ-туань» («Кулак во имя справедливости и согласия»), позже весьма упрощенно названное «боксерским». Объединенными усилиями великих держав (Германии, Японии, США, Италии, Франции, Австро-Венгрии, России, а также Англии) восстание было подавлено и в сентябре 1901 г. подписан «заключительный протокол» между иностранными державами и Китаем.

В связи с вышеупомянутыми историческими фактами, немалый научный интерес представляет изучение действий на территории Китая русского экспедиционного корпуса, участвовавшего, совместно с армиями иностранных государств, в подавлении восстания. В 1993 г. «Военно-исторический журнал» (№ 11 – 12) предпринял наиболее серьёзную попытку освещения данного вопроса, перепечатав мемуары одного из участников этих событий, полковника К.П. Кушакова, но всё же указанная тема, несмотря на очевидную научную актуальность и, особенно, современную общественно-политическую значимость, продолжает, что называется, ждать своих исследователей.

В фондах Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО) автору этих строк удалось обнаружить документы, еще не введенные в научный оборот. Это письма, адресованные нижегородскому городскому голове А.М. Меморскому* генерал-майором Церпицким прямо с театра военных действий. Генерал-майор Церпицкий – непосредственный участник событий 1900-1901 гг., командир 2-й Восточно-сибирской стрелковой бригады, которая, совместно с другими воинскими подразделениями русской армии, вела активные боевые действия в Маньчжурии против отрядов повстанцев.

* Меморский Александр Михайлович (1855-1913) – Нижегородский городской голова в 1897-1909 гг.

Эпистолярное наследие Церпицкого составляет шесть писем, отправленных им в период с октября 1900 г. по август 1901 г. из Шанхай-Гуаня, Мукдена (три письма), Порт-Артура и Владивостока. Первое письмо датировано 15 октября 1900 г., три последующих – второй половиной апреля 1901 г., остальные августом 1901 г. Общий объём текста составляет 30 страниц. Записи производились черными чернилами на белой бумаге; письма от 24 и 27 апреля 1901 г., отправленные из Мукдена, написаны на бланке с грифом «Начальник Маньчжурского отряда»; часть записей (в письме от 15 октября 1900 г.) уничтожена.

К письмам приложен ряд документов делопроизводственного характера: «Приказ по отрядам Лунганской экспедиции» от 10 июля 1901 г., подписанный генерал-лейтенантом бароном Каульбарсом и 2 приказа «Главного Начальника и Командующего войсками Квантунской области и морскими силами Тихого океана» (от 27 сентября 1900 г. и 17 июня 1901 г.), подписанный генерал-адъютантом Алексеевым.

Повествуя о боях и походах, тяготах воинской службы, Церпицкий чрезвычайно высоко оценивает мужество и героизм, воинское умение своих солдат, имевших дело «с противником, хорошо вооруженным и превосходившим вверенный ему отряд в десять, а иногда и двадцать раз» (Л. 5)*. Войска союзных России держав порой не спешили на помощь: «все они между собой ссорятся и больше всего ненавидят нас, в особенности, англичане, за достигнутые нами успехи» (Л. 7). Письма Церпицкого - это не только зарисовки картин воинского быта, это, в первую очередь, внимательные заметки любознательного путешественника, хладнокровного политика, государственного «служилого человека». Генерал отмечал, например, что многие представители китайской администрации сочувствовали восставшим и «поощряли всеми способами враждебное против нас движение», распространяли прокламации, «призывающие народ к поголовному избиению всех русских» (Л. 25), но подобные мероприятия, к счастью, не увенчались успехом.

Церпицкий отмечает слабость местных властей и продажность китайских чиновников, наличие огромного количества разбойничьих шаек, живущих за счёт населения, «не имеющего защиты и безропотно переносящего всё»; почувствовав в русском отряде реальную защиту от своих притеснителей, народ «стал к нам, русским, относиться очень доброжелательно и приветливо» (Л. 23). В письмах отмечаются большие природные ресурсы Маньчжурии, перечислены залежи полезных ископаемых с вполне очевидной целью дальнейшего развития этих мест с широким привлечением российского капитала.

Значительное внимание в письмах уделяется различным сторонам жизни и быта местного населения, приводятся любопытные этнографические сведения, описываются многочисленные памятники прошлого, имеющие серьезное историко-культурное значение.

* ЦАНО ф. 1829, оп. 1, д. 54.

Несмотря на военные успехи отряда, Церпицкий стал жертвой, как полагал он, интриг офицеров Генерального Штаба, «которым мой постоянный успех колол глаза и многие из которых любили получать награды, но очень избегали всякой опасности для себя» (Л. 28). Получив отставку, боевой генерал так завершил своё последнее письмо: «Я с радостью уезжаю теперь отсюда с сознанием исполненного мною долга перед Родиной и Государем» (Л. 29).

В заключении хотелось бы отметить важность и чрезвычайную научную актуальность изучения вопросов военно-политической истории, связанных с участием России в локальных конфликтах, с учётом постоянного совершенствования методики научных исследований, неустанного поиска новых исторических источников.

А.А. ИЛЛАРИОНОВ, Я.А. БАРБЕНКО

ПЛАНЫ ТРАНСПОРТНОГО РАЗВИТИЯ ПРИАМУРЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА*

Дальний Восток второй половины XIX в., особенно Приамурье, являлся территорией начального освоения, эффективность же освоения во многом зависит от насыщенности территории инфраструктурой, в т.ч. дорогами. Транспорт выступает в качестве общего, интегративного показателя колонизации, а возможности и эффективность транспортной системы – возможностей и эффективности колонизации. Исходя из специфики природных и социальных условий, Дальний Восток не вписывался в общероссийскую картину транспортного освоения и требовал особых подходов к решению данной проблемы. Несмотря на существование специальных правительственных учреждений, задачей которых было решение вопросов, связанных с развитием сибирских и дальневосточных территорий, системные планы освоения восточных территорий еще не вошли в управленческую практику государства. Вместе с тем, следует помнить о существовании доктрин развития, как планов наиболее высокого уровня, имеющих в первую очередь политический подтекст и политическое значение, а также прикладных планов, подразумевающих реализацию конкретных проектов по строительству новых объектов или совершенствованию существующих. Им и посвящена данная работа.

Первые проекты железнодорожного строительства на Дальнем Востоке возникли еще в 50-х гг. XIX в.: известно, что в 1857 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев предполагал составить проект важнейшей железной дороги от Софийска до залива Де-Кастри, для более удобного соединения амурского пути с океаном. Дорогостоящему и трудоемкому железнодорожному проекту власти предпочли устройство в 1869 г. вьючной тропы от Софийска в на-

* Работа подготовлена в рамках аналитической ведомственной целевой программы Федерального агентства по образованию «Развитие научного потенциала высшей школы», проект №2.1.3/6074.

правлении Де-Кастри. Регулярное пароходное сообщение по Амуру начинается в 60-х гг., до этих пор основная транспортная нагрузка ложилась на нерегулярные сплавы и случайные рейсы. До конца XIX в. Нижний Амур имел фарватер, водный путь не обустроивался, что усложняло навигацию по реке. С 60-х гг. на Амуре появляются флотилии казённых речных пароходов, в 70-е организовано Товарищество Амурского пароходства, кроме того, услуги речного извоза оказывали частные пароходы.

Устроенная в 60 – 70-х гг. XIX в. дорожная сеть с трудом удовлетворяла даже минимальные потребности в коммуникациях и нуждалась в дальнейшем развитии. В 1883 г. министр внутренних дел запросил у генерал-губернатора Восточной Сибири подробные сведения о необходимых Южно-Уссурийскому краю дорогах. В Петербурге ожидали предложений Анучина, более компетентного в нуждах Дальнего Востока. Свои идеи по данному вопросу генерал-губернатор Восточной Сибири оформил в особой записке. Магистрالی, связующей Южно-Уссурийский край с Хабаровкой, Анучин уделил особое внимание, он подчеркивал такие недостатки существовавшего пути как ледоход, обмеление рек и прочие неудобства, надолго прерывавшие сообщение. Самой насущной была потребность в строительстве 175-верстного участка от Посъета до Раздольного. В числе других особо важных дорог генерал-губернатор называл и 35-верстную дорогу от Владивостока до Углового, которую он предлагал провести в глубине п-ва Муравьева-Амурского, вместо наспех построенной под началом полковника Широкова в 1881 г. береговой дороги. Вся предложенная генерал-губернатором сеть колесных дорог имела протяженность около 1800 км.

Важным звеном формировавшейся транспортной системы Дальнего Востока был морской транспорт. Сибирская флотилия, перевоза пассажиров и грузы, занималась несвойственным для военно-морского соединения делом. При этом флотилия лишь изредка предпринимала крейсерские операции с военно-политической целью, в чем было ее основное назначение. Подобное положение не отвечало государственным интересам России. В 1875 г. при морском министерстве создается особая комиссия для предварительного обсуждения вопроса об установлении частными компаниями пароходного сообщения в Приморской области. Хуже всего на Дальнем Востоке было поставлено морское сообщение административных и экономических центров Приморской области с побережьем Охотского моря и Камчаткой, а другая удобная связь с этими краями была просто невозможна, поэтому комиссия признала целесообразной, прежде всего, эту линию. Важными для развития региона линиями были признаны: по Татарскому проливу от Владивостока до Николаевска; заграничная линия Владивосток – Ханькоу; по заливу Петра Великого от Владивостока до Посъета. В те годы это были наиболее перспективные и востребованные как с административной, так и с экономической точки зрения маршруты.

Планы российского правительства по развитию судоходства в бассейне Тихого океана содержали еще один аспект. Он был особенно подчеркнут на заседаниях очередной комиссии при морском министерстве в 1885 г. В журнале ко-

миссии обоснована заинтересованность государства в появлении большего числа русских судовладельцев на Дальнем Востоке. Особую пользу России они могли принести в военное время. Идея использования торгового флота в военных целях на Дальнем Востоке была не нова, в 1880 г., в период обострения отношений с Китаем, пароходами «Добровольного флота» была усилена русская тихоокеанская эскадра. Именно на это общество, учрежденное в 1879 г. и созданное на народные пожертвования, правительство возлагало особые надежды. С ним были связаны планы по доставке массы переселенцев на Дальний Восток. Следует подчеркнуть, что операции компании с 1883 г. обеспечивались дотациями казны.

В конце XIX в. отчетливо проявилась необходимость в модернизации транспортной инфраструктуры восточных районов империи. По указанию царя, планы строительства железных дорог за Уралом обсудило особое совещание министров в 1887 г. Его заключение было положительным. Особо подчеркивалось значение Уссурийского участка, без которого главный порт России на Дальнем Востоке – Владивосток – оставался лишенным всякой базы. Министры – путей сообщения, финансов, государственного контроля и военный – рекомендовали приступить к изысканию трасс на участках: Томск – Ачинск – Красноярск – Канск – Иркутск, восточный берег Байкала – Верхнеудинск – Чита – Сретенск, Владивосток – Усури. Решение совещания император утвердил в июне 1887 г. Грандиозная Транссибирская железная дорога имела для царизма стратегическое значение по политическим и экономическим основаниям. Существенный мотив строительства Транссиба заключался в потенциальной возможности погасить этим предприятием социальную напряженность в европейской части страны. Стройка железной дороги давала работу, Сибирь и Дальний Восток – землю. Анализ планов транспортного освоения Дальнего Востока демонстрирует существование приоритетов в развитии видов транспорта в разные периоды колонизации. Так, первое время – до конца 70-х гг. – реальностью могли стать только внутренние водные и грунтовые пути, развитие морского сообщения 80-х гг. сменяется железнодорожным «бумом» рубежа веков. Безусловно, причинами такого порядка являются затратность обустройства путей и сама техническая возможность реализации проекта на удаленной окраине. Также менялась позиция центральной власти в отношении степени инициативы и самостоятельности местной власти в решении транспортных проблем на этапе постановки задач и выработки решений: несмотря на поддержку дальневосточной администрации идеи железной дороги на Амуре в 50-х гг. и на рубеже веков, правительство стремилось к реализации тех вариантов, которые были удобнее именно ему.

В результате железная дорога на среднем и верхнем Амуре появилась только в XX веке, а Нижний Амур в дореволюционное время в качестве транспортной магистрали использовал течение великой реки. Вместе с тем, решение локальных вопросов центр безоговорочно отдавал местной власти.

ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСИ 1897 ГОДА

В конце XIX – начале XX веков для Российской империи были характерны высокие темпы роста удельного веса и абсолютной численности населения, одни из лучших в Европе. Несмотря на данную динамику, процесс урбанизации шел медленно. На Дальнем Востоке России, в отличие от её европейской части, во второй половине XIX в. процесс урбанизации только начинался. Она носила во многом искусственный характер, так как население увеличивалось за счет миграции, и рост населения и образование городов стимулировались государством. К рубежу веков темпы процесса урбанизации стали заметно увеличиваться.

Т.З. Позняк выделяет следующие этапы этого процесса для юга дальневосточного региона:

середина 50-х – начало 70-х гг. XIX в. – первоначальное заселение территории юга Дальнего Востока, образование населенных пунктов, впоследствии ставших городами, рост численности населения преимущественно Николаевска и Благовещенска;

начало 70-х – начало 90-х гг. XIX в. – постепенное развитие новых городов, рост процесса урбанизации в связи с переселением из европейской части страны;

начало 90-х гг. XIX в. – 1917 г. – значительное увеличение темпов роста в связи с переселенческим движением и строительством железной дороги.

На 1897 г., время проведения Первой всеобщей переписи населения Российской империи, статус города на Дальнем Востоке (в Приморской и Амурской областях) имели Хабаровск, Владивосток, Николаевск-на-Амуре, Благовещенск, Гижига, Охотск, Петропавловск. Согласно одной из распространенных в рассматриваемый период классификации, города делились на: 1) города-села – менее 5 тыс. жителей, 2) малые города – от 5 до 20 тыс., 3) средние – от 20 до 100 тыс., 4) большие города – свыше 100 тыс. жителей. В соответствии с ней, по данным переписи 1897 г., на Дальнем Востоке крупных городов не было. Благовещенск (32 834 чел.) и Владивосток (28 933 чел.) можно было отнести к категории средних городов, Хабаровск (14 971 чел.) и Николаевск (5 684 чел.) к малым городам. Петропавловск, Гижига и Охотск относились к городам-селам, так как их население не превышало 500 человек. В целом, по Амурской области доля городского населения составляла 27% населения всей области, а в Приморской 23%. Таким образом, несмотря на то, что численность городского населения Дальнего Востока, выраженная в абсолютных показателях, является незначительной, его доля в общей сумме населения региона значительно превышает общеимперские показатели (от 9% в сер. XIX до 15% в нач. XX в.).

По данным переписи 1897 г., население городов Дальнего Востока было относительно постоянным. По крайней мере, подавляющее большинство жителей относилось к таковому (от 82% в Николаевске до 98% в Охотске).

Города Петропавловск, Гижига и Охотск были населены преимущественно местными уроженцами (92,4% в Петропавловске и Гижиге, 79,6% в Охотске). В городах юга Дальнего Востока местные уроженцы составляли едва ли не меньшинство (31,3% в Благовещенске, 16,1% в Хабаровске, 15% в Николаевске и 8,5% во Владивостоке). Такое различие является следствием ряда причин. Северные города, основанные значительно раньше южных, наиболее активно развивались в XVIII в. С присоединением новых территорий вектор государственной политики сместился на юг региона, и политика заселения, меры, принимавшиеся для экономического развития (в первую очередь строительство железной дороги), для усиления обороноспособности были направлены на его развитие. Переселенцы, в силу особенностей транспортной инфраструктуры, а также более благоприятных климатических условий южных территорий, оседали в Николаевске (60,6% уроженцев других губерний), Благовещенске (58,5%), Хабаровске (56,9%), Владивостоке (47,4%). Вместе с тем, юг Дальнего Востока привлекал уроженцев других государств, которые также составляли значительную часть горожан (44,1% во Владивостоке, 27% в Хабаровске, 24,4% в Николаевске, 10,2% в Благовещенске). Это также обуславливает тот факт, что «семейных» жителей (так или иначе входивших в состав семей) в городах севера было подавляющее большинство (88% в Гижиге, 87% в Петропавловске, 84% в Охотске). В городах юга Дальнего Востока, вследствие большого количества иностранцев и малого числа местных уроженцев, доля семейных не превышала 40% (35% в Николаевске, 32% в Хабаровске, 23% во Владивостоке). Благовещенск занимал по данному показателю промежуточное положение – 60%, что представляется следствием большего количества местных уроженцев и меньшего иностранцев, по сравнению с тремя другими городами.

Город как таковой отличает не только концентрация значительного количества населения на ограниченной территории, не только выполняемая им функция (административный, экономический, торговый, культурный центр, крепость), но и разнообразие занятий населения, причём, сельское хозяйство отходит на второй план. Данные переписи 1897 г. свидетельствуют о том, что этот вид деятельности во всех городах не являлся ведущим (1% в Николаевске, 2% во Владивостоке, 3% в Благовещенске, 4% в Хабаровске и Гижиге, 5% в Охотске). Для всех городов также характерен высокий процент занятых службой по найму (15% в Гижиге, 19% в Охотске и Хабаровске, 24% в Петропавловске, 25% во Владивостоке, 26% в Благовещенске, 30% в Николаевске) и военной службой (34% в Хабаровске, 13% в Благовещенске, 2% в Гижиге, 20% в Охотске, 8% в Петропавловске, 19% в Николаевске и 33% во Владивостоке). Доля военнослужащих во Владивостоке и Хабаровске намного превышает аналогичный показатель для других городов, что связано с их стратегическим значением, однако в общей структуре занятости каждого отдельного города данный показатель также является достаточно высоким.

Для городов севера Дальнего Востока характерна значительная доля рыболовства и охоты в общей структуре занятости (от 28% в Охотске до 13% в Гижиге).

ге), что обусловлено природными и климатическими особенностями и историей развития. В свою очередь, в городах юга одной из массовых сфер приложения труда являлось строительство (12% в Хабаровске, 11% в Благовещенске, 9% в Николаевске и Владивостоке).

Практически везде горожане активно занимались торговлей (4% в Николаевске, 6% в Хабаровске, Петропавловске и Охотске, 7% во Владивостоке, 10% в Благовещенске, 12% в Гижиге) и предоставлением транспортных услуг (4% во Владивостоке и Хабаровске, 2% в Николаевске и Петропавловске, 14% в Гижиге, 5% в Благовещенске).

Характерно, что в сфере управления во всех городах, за исключением Гижиги (15%), трудилось сравнительно небольшое количество горожан (1% в Николаевске и Владивостоке, 2% в Благовещенске, 3% в Хабаровске и Охотске, 4% в Петропавловске).

Таким образом, несмотря на небольшое количество дальневосточных городов, их малую численность в абсолютных показателях, в силу особенностей заселения региона, сложности сельской жизни, города становятся центрами притяжения населения. Данные переписи 1897 г. свидетельствуют, что при наличии отличающихся показателей (соотношение местных уроженцев и приезжих, некоторые отличия в структуре занятости) население Гижиги, Охотска и Петропавловска, оторванное от сельскохозяйственного производства, имеющее в своей структуре занятости разнообразные сферы деятельности, кардинально не отличается от населения городов юга Дальнего Востока, оказавшихся в рассматриваемый период в более выгодном положении. Структура занятости населения последних свидетельствует в пользу развития их не только и не столько как административных центров, сколько военных и экономических, с высоким потенциалом развития благодаря наличию значительного количества нового, приезжего населения, для закрепления которого нужны были лишь благоприятные условия. Создание таковых являлось одним из требований набиравшего силу на рубеже веков поворота в геополитической концепции Российской империи.

А.С. ЗАКОЛОДНАЯ

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА АДВОКАТУРЫ В ПРИМОРЬЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Судебная реформа 1864 г. предполагала ввести некоторые элементы западного образца в существовавший в России правопорядок. Для подготовки судебной реформы в 1861 г. была образована комиссия, результатом работы которой стали «Основные положения преобразования судебной части России», утвержденные Александром II 29 сентября 1862 г. «Основные положения» состояли из трех частей, посвященных судоустройству, гражданскому и уголовному судопроизводству. В данном документе было зафиксировано отделение суда от администрации, создание мирового суда, появление присяжных заседателей, введение принципа состязательности.

Основные положения указанного положения легли в основу «Судебных установлений», принятых 20 ноября 1864 г. в виде закона, которым впервые в России был учрежден институт адвокатуры – присяжные поверенные, без которых был бы невозможен принцип состязательности судебных слушаний. Требования к присяжным поверенным были установлены очень высокие. Ими могли быть лица, имевшие аттестаты университетов или других высших учебных заведений об окончании курса юридических наук, или о выдержанных экзаменах по таким наукам, либо прослужившие не менее пяти лет по судебному ведомству в таких должностях, при исправлении которых могли приобрести практические сведения о производстве судебных дел, либо состояли не менее пяти лет кандидатами на должности по судебному ведомству, или же занимались судебной практикой под руководством присяжных поверенных в качестве их помощников.

Присяжными не могли стать неграмотные; лица, не достигшие двадцатипятилетнего возраста; иностранцы; граждане, объявленные несостоятельными должниками (банкротами); люди, состоявшие на службе правительства или по выборам, за исключением лиц, занимавших почетные или общественные должности без получения жалования; граждане, подвергшиеся по судебным приговорам лишению или ограничению прав состояния, а также священнослужители, лишенные духовного сана по приговорам духовного суда; лица, состоявшие под следствием за преступления или проступки, влекущие за собой лишение или ограничение прав состояния, а также те, которые были под судом за такие действия и не оправданы судебными приговорами; исключенные из службы по суду или из духовного ведомства за пороки или же из среды обществ или дворянских собраний по приговорам тех сословий, к которым они принадлежат; те, кому по суду были воспрещены хождения по чужим делам, а также исключенные из числа присяжных заседателей.

Присяжные поверенные приписывались к судебным палатам. Таких палат в начале XX в. в Российской Империи было четырнадцать. Присяжные поверенные должны были жить в одном из городов округа той палаты, к которой они были приписаны. Присяжные поверенные округа могли избрать Совет присяжных поверенных. Для того чтобы выбрать Совет общее число присяжных поверенных должно было быть не менее двадцати. Следует отметить, что с 1890 г. стала развиваться коллективная форма работы в виде юридических консультаций. Но самоуправляющиеся адвокатские объединения, такие как консультации и, в дальнейшем, коллегии, были созданы не везде. В тех округах, где не было создано советов присяжных поверенных и их отделений, их права и обязанности принадлежали местному окружному суду, что естественно не позволяло говорить о полном самоуправлении адвокатуры.

Таким образом, в дореволюционный период произошло разделение адвокатуры на две четкие группы: присяжных поверенных – корпорацию дававших профессиональную присягу адвокатов и частных поверенных, занимавшихся адвокатской практикой индивидуально.

В «Судебных установлениях» были зафиксированы права и обязанности присяжных поверенных. Присяжный поверенный, назначенный для производства дела советом, не мог отказаться от исполнения данного ему поручения, не предоставив достаточных для этого причин. Он также не мог действовать в суде в качестве поверенного против своих близких родственников. Не мог быть поверенным в одно и то же время у обеих спорящих сторон, переходить по одному и тому же делу последовательно от одной стороны к другой. Присяжный поверенный не должен был разглашать тайн своего доверителя не только во время производства, но и даже после окончания дела.

Также была определена и ответственность присяжных поверенных. Она могла быть уголовной, дисциплинарной и гражданской. Уголовная ответственность наступала при совершении умышленных действий во вред своим доверителям. Например, за злонамеренное превышение пределов полномочий, злонамеренное вступление в заключение сделки с противниками своего доверителя во вред ему или за злонамеренную передачу или сообщение противнику документов своего доверителя. Присяжные поверенные подлежали уголовному наказанию за оскорбление суда или участвующих в деле лиц (в судебных речах или бумагах). Они подвергались дисциплинарным взысканиям за нарушение профессиональных обязанностей (не дающих основания для уголовного преследования), за несоблюдение адвокатской этики. Гражданская ответственность предусматривалась за совершение действий, связанных с нанесением материального ущерба доверителю, а также небрежным исполнением своих обязанностей (пропуск процессуальных сроков и т.п.).

В состав адвокатуры входила большая группа помощников присяжных поверенных. Это были новички, которые проходили стажировку у присяжных поверенных в течение пяти лет и только после этого получали право вступления в адвокатский корпус.

В мае 1874 г. наряду с присяжной адвокатурой учреждается институт частных поверенных. Для того чтобы стать частным поверенным и получить право на участие в производстве гражданских дел, как мировых, так и в общих судебных установлениях, необходимо было получить особое свидетельство, выдававшееся судами, в округе которых частный поверенный осуществлял ходатайство. Этими же судами накладывалось дисциплинарное наказание. В отличие от присяжных поверенных, имевших право выступать в любом суде Российской империи, частные поверенные могли выступать только в судах, выдавших им такое разрешение. В каждом суде существовала своя сертификационная процедура, включавшая в некоторых случаях даже письменный экзамен. Частные поверенные, имеющие свидетельство от мирового или уездного съезда, могли ходатайствовать и по делам, производящимся у мировых судей, земских начальников, городских судей и в губернских присутствиях, находящихся в округе данного съезда.

Судебная реформа 1864 г. была распространена на территорию Дальнего Востока только в 80-х гг. XIX в. 25 февраля 1885 г. Высочайшим указом были

утверждены «Временные правила о некоторых изменениях по судоустройству и судопроизводству в губерниях Тобольской и Томской Восточной Сибири и Приамурском крае», в которых указывалось, что «по делам о преступлениях, влекущих за собой лишение всех прав состояния, прокурорский надзор поддерживает обвинение в суде, а подсудимому назначается председателем суда защитник из состоящих при суде чиновников или из посторонних лиц, которым закон не воспрещает ходатайство по чужим делам. При недостатке таких лиц, защитник не назначается». 13 мая 1896 г. были утверждены «Временные Правила о применении Судебных уставов к губерниям и областям Сибири», включая и Приморскую область. В «Объяснительной записке к проекту Временных Правил об устройстве судебной части в Сибири» от 29 февраля 1896 г. № 7464 указывалось, что «учреждение в Сибири присяжных поверенных не вызывает никаких отступлений от общих по сему предмету постановлений; в частности, в этом крае должен сохранить силу закон, коим образование Советов присяжных поверенных не допускается». Поверенных в Приморской области было немного. К 1913 г. в области было 16 присяжных поверенных, 6 помощников присяжных поверенных 10 частных поверенных.

П.В. ЖУРАВЛЁВ

АДМИНИСТРАТИВНАЯ РЕФОРМА 1924 – 1926 ГОДОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ: ПРИЧИНЫ, ХОД И СПЕЦИФИКА

После окончания Гражданской войны на Дальнем Востоке Дальневосточная республика была ликвидирована. На её территории образовалась Дальневосточная область (ДВО). Административно-территориальное деление ДВО окончательно сложилось к 1924 г. В её состав входили 4 губернии (Амурская, Забайкальская, Камчатская, Приморская), 18 уездов и 107 волостей. Однако эта структура имела ряд существенных недостатков:

- она являлась наследием дореволюционной эпохи и не отвечала долговременным потребностям развития региона, в том числе задачам его колонизации;
- громоздкость и многозвенность приводили к раздуванию аппарата управления и росту финансовых затрат;
- стихийность складывания, в результате чего характер административно-территориального деления региона не соответствовал задачам социального и экономического развития Дальнего Востока, а также изменившимся внешнеполитическим условиям.

Подготовка и проведение реформы шли в русле общесоюзных административно-территориальных преобразований, имевших целью, во-первых, создание экономически самостоятельных административно-территориальных единиц (АТЕ); во-вторых, упрощение структуры деления и уменьшение расходов на аппарат низовых органов власти (в частности, в ДВО планировалось сократить штаты более чем на 26 %); в-третьих, сокращение АТЕ путём их укрупнения.

Старт административным преобразованиям на восточной окраине СССР положил съезд, посвящённый районированию Восточной Сибири и созванный по инициативе Госплана в феврале 1924 г. в Чите. Однако фактическая работа по переустройству административно-территориального деления (АТД) в ДВО началась ещё в 1923 г., когда Дальплан наметил принципы нового районирования и выдвинул проект образования Приморской Дальневосточной области. 1 – 5 сентября 1924 г. в Хабаровске прошло Областное совещание по вопросам районирования Дальневосточного края, на котором эти принципы были уточнены и чётко сформулированы:

- модернизация устаревшей административно-территориальной структуры (отказ от схемы «губерния – волость – уезд» в пользу схемы «округ – район»);
- ставка на критерий экономической специализации (на уровне округа) и численности населения (на уровне района/волости) в качестве доминанты нового районирования;
- максимальное удешевление управленческого аппарата и упрощение его взаимодействия с населением;
- учёт степени развитости транспортной инфраструктуры, климатического фактора и экономического потенциала территории.

Ценз численности для районной волости (так первоначально именовался район) был установлен на уровне 15 – 25 тысяч человек. Однако уже на Совещании возник ряд проблем, потребовавших для своего решения согласованных и длительных усилий специалистов секции районирования Дальплана и работников губернских учреждений.

Во-первых, встал вопрос о месте Забайкалья: следует ли присоединить его к проектируемой Ленско-Байкальской области или оставить в составе ДВО? В итоге точка зрения о преобладании общих интересов у Забайкалья и Дальнего Востока победила. Оно вошло в ДВК в составе Читинского и Сретенского округов.

Во-вторых, выявились разногласия по поводу судьбы Охотского побережья и, в частности, порта Аян. Руководство Якутской АССР предлагало присоединить его к Якутии, мотивируя это необходимостью выхода к морю. Местные органы власти Охотоморья отчасти поддержали данный проект, поскольку географо-климатические условия серьёзно затрудняют связь Охотска и Аяна с Камчаткой или Нижним Амуром. Но, в конечном счёте, район Охотского побережья остался за ДВК, но край при этом приобрёл и территорию бассейна р. Колымы (она вошла в состав Камчатского округа, а Охотский и Ольский районы отошли Николаевскому округу).

В-третьих, комиссия ВЦИК по районированию потребовала от Дальревкома при разбивке края на округа учесть дальнейшую колонизацию, а также определить, насколько предложенная Хабаровском окружная «сетка» соответствует критериям удобства управления населением, дальности расстояний и развитости средств сообщения.

В-четвёртых, много вопросов породила конкретная схема разбивки территории на округа и районы, включения тех или иных районов в округа и проведения границ между этими округами. На Совещании в сентябре 1924 г. было намечено к выделению 6 округов (Владивостокский, Хабаровский, Николаевский, Амурский, Камчатский, Зейско-Алданский). Забайкалье временно вывели за рамки районирования в связи с неопределённостью его административно-территориальной принадлежности.

Особое место в планируемой реконструкции ДВО занимал Зейско-Алданский округ. Специалисты Дальплана уделили ему немало внимания. Дело в том, что этот округ изначально планировался как специализирующийся на добыче и переработке золота. Поэтому его образование работники Совещания признали «государственно необходимым». Могочинский район в результате дискуссий был включен в состав Зейско-Алданского округа, хотя делалась оговорка, что в случае отклонения проекта образования округа его следует передать Сретенскому округу. Таким образом, судьба района и золотопромышленного округа оставалась неясной.

Много возражений и критики вызвало планировавшееся разделение Приморской губернии на 3 округа: Владивостокский, Хабаровский и Николаевский. Комиссия ВЦИК по районированию потребовала детального обоснования такой разбивки, аргументируя это потенциальными трудностями управленческого и хозяйственного характера. На Совещании 1924 г. в качестве резервного был предложен вариант выделения помимо Владивостокского ещё и Никольско-Уссурийского округа.

Особую остроту приобрела проблема районирования Приамурья, а именно количества образуемых здесь округов. Вследствие переезда Дальревкома из Читы в Хабаровск сложилась парадоксальная ситуация: связь между Хабаровским уездным исполкомом и Дальревкомом осуществлялась через Приморский губисполком. Для её устранения последний предложил, не дожидаясь окончания районирования ДВО, образовать Хабаровский округ, повысив тем самым административный статус города, а также временно соединить с ним тогда же образованный Николаевский округ, ввиду территориально-транспортной близости и отсутствия экономической самостоятельности. Первоначально ВЦИК принял данную точку зрения (постановление от 10 августа 1925 г. «Об образовании Хабаровско-Николаевского округа с окружным центром в г. Хабаровске»), но благодаря настойчивости Николаевского уездного исполкома и позиции, занятой краевой комиссией по районированию, это постановление 21 сентября того же года было отменено. В итоге возобладал вариант двух округов, так как связь между двумя городами представлялась проблематичной, да и по хозяйственным параметрам между ними было много различий.

Проблемы районирования ДВО постоянно находились в поле зрения Президиума ВЦИК. Рассматривал их и I Краевой Съезд Советов (март 1925 г.). Первоначальная схема нового деления «область – округ – район – селение» была намечена ещё в конце 1924 г. (тогда вопрос об образовании ДВК не ставился). В

дальнейшем акцент в данной структуре был сделан на АТЕ мезоуровня (край/область – округ) в ущерб АТЕ микроуровня (район – сельсовет). Связано это было с общесоюзными тенденциями к концентрации средств в округах и областях/краях. В августе 1925 г. Президиум Дальревкома принял первую редакцию Положения о ДВК, в котором речь уже шла о 9 округах. 28 октября 1925 г. проект Положения о ДВК был одобрен на заседании краевой Комиссии по проведению районирования и выборов в ДВК. В итоге к концу 1925 г. вся теоретическая и практическая работа по подготовке реформы была завершена. 4 января 1926 г. Президиум ВЦИК принял постановление «Об образовании Дальневосточного края» в составе 9 округов (Владивостокский, Хабаровский, Николаевский, Амурский, Зейско-Алданский, Читинский, Сретенский, Сахалинский, Камчатский) и 75 районов.

А.А. МЕЗЕНЦЕВА

ОБРАЗ КАНАДЫ НАЧАЛА XIX ВЕКА В ОЧЕРКАХ Н.М. КАРАМЗИНА
(ПО МАТЕРИАЛАМ «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ»)

В Россию уже в конце XVIII в. поступала информация о Канаде. На страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» регулярно публиковались материалы об англо-французском соперничестве в Новом Свете. Первой русской книгой, где речь шла о Канаде, была небольшая брошюра Д.М. Лодыгина «Известия в Северной Америке о селениях аглинских», опубликованная в Санкт-Петербурге в 1789 г.

Но, пожалуй, наиболее содержательные сведения о Канаде появились в России в начале XIX в. Их автором был известный русский историк Н.М. Карамзин. Его очерки о Канаде появились в «Вестнике Европы» в 1803 г. – «Письмо одного англичанина из Квебека» и «Письмо одного молодого француза из Монреалья». Первый очерк Н.М. Карамзин посвятил описанию прекрасных климатических условий Верхней Канады для ведения земледелия, выращивания сельскохозяйственных культур, прежде всего пшеницы. Автор акцентировал внимание на стремительном заселении недавно пустынных территорий Верхней Канады: «Число людей беспрестанно умножается. Целые семейства почти ежедневно приезжают туда из Соединенных Областей и селятся, покупая или нанимая землю. Необозримые дубовые леса доказывают ее плодородие. Пшеница и другой хлеб рождаются удивительным образом: каждое зерно приносит сорок! В иных местах нет нужды и удобрять поля».

Н.М. Карамзин восхищался трудолюбием канадских земледельцев, плодородием земель Верхней Канады, благоприятных для ведения земледелия и основания поселений, изумляющими дубовыми лесами, богатыми урожаями пшеницы, чистотой и аккуратностью жилищ поселенцев Верхней Канады. Писатель особенно подчеркивал важную черту такого стремительного развития молодой провинции – это «мудрое Правление и всеобщее увольнение от податей». Н.М. Карамзин отмечал, что именно английское правительство, которое прислушива-

лось к нуждам населения, выделяло финансовые средства на развитие земледелия в провинции и способствовало открытию торгового пути между Нижней и Верхней Канадой через реку Святого Лаврентия для отправки хлеба, оказывало огромную помощь населению провинции в совершенствовании земледелия и в успешном развитии провинции.

Еще одним важным аспектом, затронутым Карамзиным в данной очерке, был быстрый рост городов Канады, таких как Йорк и Квинс-Таун, возникновение которых было связано с успехами в вырубке лесов, что позволило в совсем недавно непроходимых дубовых лесах выстроить новые города. Уже здесь Карамзин отмечал высокое мастерство канадцев в вырубке лесов, что свидетельствовало о трудолюбии жителей Канады и о зарождении промышленного производства на ее территории.

Во втором очерке Н.М. Карамзин подробно описал коренные народы Канады (племя Могавков), ареал их распространения, их обычаи, восходящие еще к родоплеменному строю, их добродушие и гостеприимство. Автор описывал гостеприимство Могавков, радушные приемы, которые они оказывали своим гостям, отмечал успехи этого древнего племени в земледелии и выращивании сельскохозяйственных культур. Как видно, и здесь автор сделал акцент на усердном труде жителей Канады в возделывании ее земель.

Нетрудно заметить, что портрет Канады, нарисованный Н.М. Карамзиным, был вовсе не случайным. Как известно, время Карамзина – это эпоха Александра I, «поворота к либеральным идеям Европейского Просвещения». Начало царствования императора Александра I ознаменовалось бурной «либеральной практикой»: политические амнистии после «жесткого» царствования Павла I; открытые политические дебаты по поводу выработки альтернативных путей для дальнейшего развития Российской империи и ее государственного устройства, свободные от контроля со стороны цензуры; бурная активность российской печати; повышенный интерес к Европе и широкое общение с иностранцами. Ранее запретные для обсуждения темы, такие как введение Конституции и отмена крепостного права, стали предметом открытого обсуждения в России. Император и круг его близких друзей-соратников из так называемого «Негласного комитета» встречались регулярно, обсуждая вопросы путей модернизации России.

Пробуждению общественной мысли в России во многом способствовала отечественная печать. Одним из ведущих изданий того времени являлся журнал «Вестник Европы», издаваемый Н. Карамзиным. Это издание способствовало возрождению любознательности и интереса российского общества к культуре и ценностям Европы, и Карамзин сыграл в этом немалую роль. В своих «Записках путешественника» он доносил до русского общества интересы, ценности, обычаи и традиции европейцев. По мнению Н.М. Карамзина, только Просвещение может «излечить все болезни человечества», а европейская модель просвещенной монархии – реальная альтернатива для дальнейшего развития России.

Сам Н. Карамзин был противником сохранения крепостного права в России и в своих пропагандистских целях против «рабства» активно использовал опыт

Канады. Именно поэтому он делал акцент на свободном труде канадских поселенцев Верхней Канады, их усердной работе по возделыванию своих плодородных почв, поддержке, оказанной им со стороны власти, что фактически отсутствовало в Российской империи.

Характерно, что уже Н.М. Карамзин резко противопоставлял США и Канаду. Он считал, что США добились своей свободы и независимости благодаря насилию, и именно это насилие стало вечной чертой, присущей американцам. По его мнению, «дух торговли и наживы» - это тоже неотъемлемая черта американского общества. «Накопление, стремление к наживе в обход других ценностей – вот главные интересы Америки».

Кроме того, Н.М. Карамзин был яростным противником рабства, существующего в Америке, считая его одним из атрибутов американского общества. Он отмечал, что и американская промышленность, и сельское хозяйство полностью обслуживаются трудом «черных рабов» Соединенных Штатов. Поэтому Канада привлекала внимание Карамзина как средство протеста против рабства и крепостного права в России, а также против американской модели развития. Он писал о стремительном развитии сельского хозяйства в Канаде на основе свободного труда земледельцев, о бурном освоении новых территорий, усердном труде канадских поселенцев, которые осваивали и возделывали земли без принуждения, о покровительстве английского правительства развитию земледелия на канадских территориях. Карамзин считал, что и российская монархия должна вести такую же политику по отношению к крестьянской деревне и был яростным противником того, чтобы Россия следовала американскому пути развития – пути бунтов и революций.

До Карамзина Канада оставалась фактически незнакомой для российского общества страной, упоминания о которой появлялись лишь в рамках внешнеполитических акций России в Северной Америке, связанных с соперничеством Российско-Американской компании и компании Гудзонова залива. Интерес России к Канаде оставался минимальным, основное содержание заметок о Канаде, появлявшихся изредка в российской печати касалось торговых дел английской колонии и начавшегося переселения туда эмигрантов. На примере Канады Н.М. Карамзин пытался привить российской публике свою точку зрения о приоритете просвещенной монархии, которая заботится о своих поданных, и осудить республиканизм и революцию на примере Соединенных Штатов, противником которых являлся.

М.В. ЯКОВЕНКО

КАНАДСКОЕ УЧАСТИЕ В ИНТЕРВЕНЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В 1918-1919 ГОДАХ

В августе 1918 г. началась крупномасштабная интервенция стран Антанты на Дальнем Востоке России. В ней приняло участие 11 стран, более 130 тыс. военных. В отечественной историографии исследованы американская и японская

интервенции, но не предпринималась попытка изучить польскую, итальянскую или румынскую интервенцию, хотя количество войск данных стран превосходило американские и английские войска вместе взятые. Особняком стоит и канадское участие в интервенции. На фоне других Канада не принимала участия в боях против партизан и большевиков, не вмешивалась в политическую жизнь Владивостока, а была сторонним наблюдателем происходящих геополитических и экономических интриг среди союзников и первая из всех заявила о выводе войск из России.

В начале июня 1918 г. Военное министерство Англии обратилось к правительствам своих доминионов с предложением отправить войска во Владивосток с целью представить империю среди остальных союзнических сил. Лондон не мог отправить большие части из-за военных действий в Европе, поэтому рассчитывал на помощь доминионов. Первой из всех отреагировала Канада, у которой к тому моменту возникли свои причины для отправки войск во Владивосток. Как и другие союзники по Антанте, правящие круги Канады во главе с премьер-министром Робертом Боденом главной целью интервенции в Россию называли воссоздание Восточного фронта и помощь русскому народу в борьбе с немцами. Однако была внутривнутриполитическая причина: желание получить большую независимость от Великобритании во внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности. Промышленные и финансовые круги Канады считали, что участие Канады в интервенции поможет в достижении этой цели. Однако основной причиной участия в интервенции являлась экономическая заинтересованность. К 1917 г. российский рынок стал седьмым для канадских товаров. Но с Октябрьской революцией все изменилось, Россия оказалась потерянной для иностранного рынка и капитала. По заявлению Н. Роуэла, президента Тайного совета Канады, цель канадской экспедиции – восстановить торговые связи между странами, более того, превзойти показатели 1917 г., что могло сблизить Канаду и Сибирь еще ближе, а также принести обоюдную пользу. Р. Боден понимал, что без военного присутствия в регионе, канадская экономическая миссия, которую планировалось отправить во Владивосток, не сможет конкурировать с британским, американским и японским капиталом.

Длительные переговоры между Оттавой и Лондоном о деталях интервенции привели к тому, что Канада только в августе 1918 г. приступила к формированию войск, в то время как во Владивосток каждый день приплывали военные корабли Японии и США. Командующим канадскими экспедиционными силами в Сибири (CEFS) был назначен генерал-майор Д. Элмслей, который при поддержке премьер-министра добился от Лондона самостоятельности в управление канадскими войсками в России, что являлось большим достижением канадского правительства и лично Р. Бодена в длительном процессе получения независимости Канады от метрополии.

27 октября 1918 г. первый отряд Элмсрея, состоящий из 677 человек, прибыл во Владивосток, ознаменовав начало пребывания канадских экспедиционных сил на востоке России.

Всю осень 1918 г. на западном побережье Канады в лагере Уилоус в Виктории проходила подготовка основных сил (3500 человек) к последующей отправке во Владивосток. С окончанием войны с Германией 11 ноября главная причина ввода войск в Россию отпала, союзникам пришлось открыто заявить о поддержке нового правительства Калчака и объявить войну большевикам. В Канаде это не нашло поддержки среди рабочих движений и журналистов. В телеграмме к Р. Бодену от 14 ноября Т. Уайт писал, что парламент и большинство политиков в Канаде вместе с обществом не поддерживают дальнейшую отправку в Сибирь, более того, рекомендуют как можно быстрее вернуть военные силы в Канаду. Однако, стремясь сохранить репутацию и престиж, Р. Боден продолжал настаивать на отправке основных частей.

Основные военные силы отплыли в конце декабря 1918 г. из г. Виктория во Владивосток под протесты рабочих и журналистов. Во время марша к кораблям канадские солдаты нарушали боевой строй, выкрикивая слова несогласия с отправкой. Под надзором полицейских и вооруженного караула погрузка завершилась, более 20 солдат были арестованы и помещены в бортовую тюрьму.

С прибытием основных сил во Владивосток в середине января 1919 г., отношения между канадским и английским командующими сильно охладели. Последний не видел «необходимости присутствия» Канадцев во Владивостоке, его также не устраивало сближение канадцев с американцами, к которым он относился с презрением. Ситуация усугубилась, когда экономические интересы Канады столкнулись с английскими по вопросам продовольственного снабжения Сибири. Канадские комиссионеры Вилгрес и Джаст не получили самостоятельности в ведении торговли от лица Канады, как предполагалось до этого, в результате чего вся деятельность канадской экономической миссии была сведена до банковского и продовольственного обслуживания своих военных.

Не понимали целей своего пребывания во Владивостоке и канадские солдаты и офицеры. Разместившись в казармах на Второй речке и Горностае, большую часть своего времени они проводили в созданных ими театрах или посещали американские заведения. Особенной популярностью у экспедиционных сил пользовался театр «Менестрель в доме у дороги», где помимо канадских солдат играли за небольшие деньги беженцы. Канадцы выпускали в городе две газеты «Сибирский рог» и «Сибирский сапер», где печатались комментарии к местным событиям и литературное творчество рядовых солдат. Примечательно, что главный заголовок первого выпуска газеты «Сибирский сапер» спрашивал «Что мы здесь делаем?». К февралю 1919 г. вопросы военных и разочарования торговых агентов были услышаны премьер-министром Р. Бодена. Он принимает решение о приостановке интервенции во Владивостоке и информирует об этом Лондон, который не стал чинить препятствия Канаде в выводе войск из России. Эвакуация началась в апреле и завершилась 5 июня 1919 г. Канадцы были первыми из интервентов, кто покинул Владивосток в момент, когда интервенция была в самом разгаре, а власть Колчака распространилась вплоть до Урала. За 7 месяцев интервенции от болезней и несчастных случаев погибло всего 19 канадцев.

Канадское участие в интервенции показало всю несостоятельность политики стран Антанты по отношению к России. Р. Боден был первым, кто высказался за всеобщую остановку интервенции и организацию мирной конференции для примирения белогвардейцев и большевиков. Эвакуировав свои военные силы раньше всех, Канада проделала путь, по которому затем пошел другой доминион Великобритании Австралия, а спустя год во Владивостоке оставались только японские интервентские силы.

Н.С. ЗУЕВА

ВОСПРИЯТИЕ СЕЛА НИКОЛЬСКОГО СОВРЕМЕННОКАМИ

Город, независимо от административной функции, размеров и численности населения, является центром сгущения социокультурных процессов и накопления инноваций, в силу чего в каждом городе возникает свое символическое культурное пространство. Реконструировать живую среду мест помогают воспоминания жителей и приезжих того или иного города. Этот материал позволяет представить его внешний облик и устройство, почувствовать его ауру.

История г. Уссурийска начинается с 1866 г., когда было основано село Никольское. Никольское не было однородным в профессиональном и в этническом планах. Оно населялось переселенцами из Астраханской и Воронежской губерний, украинцами и белорусами, китайцами, корейцами и японцами, крестьянами, торговцами и военными. Эта пестрота не могла не отразиться на «внешности» села. Восприятие села современниками (писателями, врачами, путешественниками и т.д.) рождает феномен «образа места».

В работе В.В. Крестовского «Посъет, Суйфун и Ольга. Очерки Южно-Уссурийского края» содержится интересный материал, позволяющий представить внешний облик села в 1880-м., узнать о роде занятий селян. На основе личных наблюдений В.В. Крестовский пришел к выводу, что служащим людям «жить было бы можно, даже с некоторым удобством» (несмотря на 9820 верст расстояния от Петербурга), однако препятствует этому «ужасная дороговизна». Он отметил, что подобное явление характерно для края в целом.

Бесценным источником для исследователей, изучающих историю г. Уссурийска, является «Краткий исторический очерк города Никольско-Уссурийского», написанный в 1913 г. В.А. Калининым. Автор приехал в Никольское 6 февраля 1884 г. Для нас особую значимость имеет зафиксированное впечатление от общего вида села, а также сведения о расположении улиц, домов, гостиниц, лавок, а также о населении Никольского и образе жизни различных его слоев. Вот каким он увидел село: «В год моего прибытия село Никольское уже было довольно большим и представлялось в следующем виде: главная, так называлась «Большая» улица была занята постройками от арки до Занаво-ровской улицы; редкими постройками обозначалась часть Хабаровской улицы от Бульварной до Назаренковского переулка; в некотором отдалении стояло особняком новое здание уездного полицейского управления, в котором помеща-

лось Управление Южно-Уссурийского округа, с начальником округа Занадворовым. Севернее этого здания были три домика по Сухановской улице, на месте китайского базара была уже группа фанз, местность между ними и уездным полицейским управлением в районе Занадворовской и Корсаковской улиц представляла болото местами кочковатое; площадь теперешнего старого базара представляла зыбун – дно выпущенного не глубокого озера, поэтому-то эта площадь и не застраивалась, а служила выпасом для гусей. Бульварная улица представляла ряд озёр. Кроме того, были значительных размеров не пересыхавшие три озера: по Духовской улице, по Пушкинской улице около городской больницы и по Павленковской улице к северу от здания городской управы. Эти озёра были рассадниками мошек, комаров и лягушек, последние своим кваканьем всю весну наводили уныние на жителей...»

Для исследователя особый интерес представляет описание Никольского, данное в брошюре «Владивосток и Южно-Уссурийский округ Приморской области. Путеводитель и справочная книга с приложением Адрес-Календаря г. Владивостока и проч.», составленной А.Е. Прик и А.Д. Беляевым (1891). Оценка авторов строится на сравнении Владивостока и Никольского: «Глаз обитателя Владивостока, отвыкший от равнины поражается ею здесь, 15-ти сажени-ная ширина улиц, лужайки и совершенно однообразные строения. Недавно разбитый сад, церковь, училище, манзовский базар, обилие садилов при домах дватри дома более изящной архитектуры, несколько ветряных мельниц и своеобразное (Забайкальское) устройство колодцев придают с. Никольскому и вид разбросанного города, и зажиточного села в одно и то же время».

Составители отметили климатическое преимущество Никольского перед Владивостоком: «Морские туманы сюда не достигают и сила ветров не так ощутительна». Однако главным недостатком, по мысли авторов, является «грязь в сырую погоду и отсутствие какого-либо освещения на улицах в тёмную ночь при неимении руководящих надписей с названием улиц». Характеризуя общественную жизнь, которой «в смысле общественности нет», А.Е. Прик и А.Д. Беляев пишут: «Изредка танцы и картишки в военном собрании (в крайности), именинный пирог и праздничное катание на собственной лошади по длиннейшей и пыльнейшей улице вот и всё». К удобствам жизни они относят единственного извозчика и две бани. Данный источник, таким образом, позволяет не только узнать об облике Никольского, но и познакомиться с укладом жизни селян, проживавших в Никольском более ста лет назад.

Описание улиц села в 1898 г. оставил старший врач Верхнеудинского Забайкальского казачьего полка К. Кардашевич: «В настоящее время оно [селение – З.Н.] скорее походит на небольшой уездный город европейской России. Три параллельные улицы, около 2 верст длинно, пересекаются несколькими поперечными, вследствие чего образуются кварталы правильной формы, застроенные деревянными домами почти одинакового типа. Улицы в селении не мощёные, но по сторонам имеются дощатые тротуары и кое-где освещаются керосиновыми

фонарями. Отдельный квартал на юго-западной стороне селения представлен китайцами или по-здешнему ”манзами”».

В 1870 г. на юго-западной окраине села возникло военное поселение. К. Кардашевич отметил, что в самом селении имелся недостаток растительности, так как густые леса вырублены, и Никольское представляло собой «голую степную равнину, покрытую кустарником лишь на низменных местах». Исключением, по отзыву современника, являлась территория, занятая войсками. Она была покрыта густыми насаждениями деревьев, отличалась чистотой и порядком, в то время как само село в дождливое время года утопало в грязи.

Интересно, что похожую характеристику дал путешественник Д.И. Шрейдер: «На вид это обширное село не особенно казисто. Оно раскинуто при впадении небольшой реченки Супутинки в бурный Суйфун, на обширной равнине, некогда сплошь покрытой первобытной тайгой, а ныне совсем оголенной от леса усердными колонизаторами. Только кое-где на горизонте приходится встречать одинокие, чахлые деревца, покрытые скудной зеленью. В самом селе вы также почти напрасно искали бы растительности: на улицах – ни деревца, и только в немногих дворах сохранились небольшие сады и чаще всего – скудные палисадники. Улицы села довольно широки, но, понятно, совсем, не мощены, благодаря чему в летнюю пору, особенно в конце июля и августа, когда солнце здесь обыкновенно немилосердно жжет, приходится подчас просто задыхаться в пыли. Следует, однако, отметить, что обонянию путешественника здесь почти вовсе не приходится страдать: просторные дворы и глинобитные или деревянные одноэтажные домики, из которых состоит все село, очень опрятны, и глаз приятно поражает белая окраска жилищ местных обитателей и, оживляемая зелеными ставнями». Общее впечатление, которое произвело Никольское на путешественника Д.И. Шрейдера, определено так: «если исключить специальные туземные кварталы, занимающие, благодаря скученности своих фанз, лишь незначительную часть территории Никольского, – селение это производит впечатление русского поселения».

Несомненно, этническая и профессиональная пестрота Никольского повлияла на восприятие села жителями и приезжими. Анализ различных источников позволил осмыслить «Дух места», буквально «увидеть» жизнь Никольского более чем 100 лет назад.

Сведения об авторах

- Абатуров И.Н.**, аспирант ИИиА УрО РАН, Екатеринбург
Авилов Р.С., студент ДВГУ, Владивосток
Алешко М.В., аспирант ДВГУ, Владивосток
Асташенкова Е.В., кандидат исторических наук, научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
Барбенко Я.А., кандидат исторических наук, старший преподаватель ВГУЭС, Владивосток
Беликов В.И., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИРЯ РАН, Москва
Борисов Д.А., аспирант НГПУ, Новосибирск
Бородина В.В., ассистент ДВГГУ, Хабаровск
Бурдина К.С., аспирант ДВГУ, Владивосток
Буяров Д.В., кандидат философских наук, доцент БГПУ, Благовещенск
Васильева Л.Е., инженер-исследователь ТОИ ДВО РАН, Владивосток
Веремейчик А.С., аспирант ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
Гамерман Е.В., кандидат исторических наук, доцент БФ МАП, Благовещенск
Гирченко Е.А., аспирант ИАЭ СО РАН, Новосибирск
Горбенко П.Л., аспирант ДВГУ, Владивосток
Журавлев П.В., аспирант ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
Заколотная А.С., старший преподаватель МГУ им. Невельского, Владивосток
Зверев С.А., младший научный сотрудник ТОИ ДВО РАН, Владивосток
Зуева Н.С., студент УГПИ, Уссурийск
Зуенко И.Ю., ассистент ДВГУ, Владивосток
Зыков А.А., аспирант ВГУЭС, Владивосток
Иванов С.А., младший научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
Илларионов А.А., кандидат исторических наук, доцент ВГУЭС, Владивосток
Кожевников В.В., кандидат исторических наук, заведующий Центром внешней политики и международных отношений Японии ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
Козлов Л.Е., кандидат политических наук, доцент ВГУЭС, Владивосток
Кондратенко Г.В., старший лаборант-исследователь ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
Краюшкина Т.В., кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
Кузнецов Д.В., кандидат исторических наук, доцент БГПУ, Благовещенск
Латушко Ю.В., кандидат исторических наук, научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
Мезенцева А.А., аспирант ДВГУ, Владивосток
Макитрюк Е.В., аспирант БГПУ, Благовещенск
Морозов В.В., аспирант НГУ, Нижний Новгород
Мушта Д.Л., студент АмГУ, Благовещенск
Накасава Х., аспирант Университета Чуйо, Токио

Никитин Е.Ю., аспирант ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
Николаев Д.А., аспирант НГУ, Нижний Новгород
Олейников И.В., канд. ист. наук, старший преподаватель ИГУ, Иркутск
Олесик Ю.С., аспирант ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
Палишева Н.В., аспирант НГПУ, Новосибирск
Пасмурцев В.А., старший преподаватель ТГУ, Хабаровск
Петелин Е.Н., аспирант ИДВ РАН, Москва
Пискарева Я.Е., кандидат исторических наук, младший научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
Пискунов С.А., кандидат исторических наук, доцент БГПУ, Благовещенск
Поповкина Г.С., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
Пустовойт Е.В., старший лаборант-исследователь ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
Рябченко О.Н., старший лаборант-исследователь ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
Савченко А.Е., старший лаборант-исследователь ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
Савчук А.А., аспирант ДВГУ, Владивосток
Саранцева С.Е., кандидат исторических наук, научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
Ставров И.В., кандидат исторических наук, научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
Ташлыкова А.Л., аспирант ДВГУ, Владивосток
Телелюев А.Ю., аспирант ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
Тютрина К.С., аспирант ДВГТУ, Владивосток
Хаймурзина М.А., аспирант АмГУ, Благовещенск
Шабанов В.О., аспирант БГПУ, Благовещенск
Шалунова Л.А., аспирант ДВГТУ, Владивосток
Шарова О.А., аспирант ТОИ ДВО РАН, Владивосток
Щербина П.А., аспирант ДВГУ, Владивосток
Яковенко М.В., аспирант ДВГУ, Владивосток

Содержание

Опыт международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Кожевников В.В. Российско-японские отношения во внешней политике Японии на современном этапе (теория и практика).....	5
Пасмурцев В.А. Граничность и коммуникация: опыт российско-китайского взаимодействия в Северо-Восточной Азии (конец XVII – начало XX вв.).....	8
Пустовойт Е.В. Переговорный процесс по статусу бывшего королевства Рюкю между Японией и Китаем в 1870-1880-х гг.....	11
Мушта Д.Л. Особенности и содержание докладных записок по китайско-российским отношениям первых пяти лет правления Гуансюя.....	13
Козлов Л.Е. Интерференция региональной и внешней политики России на Дальнем Востоке.....	15
Иванов С.А. Эволюция геополитических интересов современного Китая: шансы и угрозы для российского Дальнего Востока.....	17
Буяров Д.В. Некоторые аспекты китайской миграции в ракурсе общественного мнения.....	19
Петелин Е.Н. Развитие атомной энергетики Китая как сфера сотрудничества с Россией.....	21
Борисов Д.А. Сотрудничество в сфере экологической безопасности в рамках Шанхайской организации сотрудничества.....	24
Олейников И.В. Взаимодействие Новой Зеландии и КНР в международных форматах АТР.....	27
Кузнецов Д.В. Взаимоотношения между США и СРВ: на пути к нормализации и современное развитие.....	29
Политика, экономика и культура стран АТР: прошлое, настоящее и будущее	
Ставров И.В. Реализация национальной политики КПК на Северо-Востоке КНР на рубеже XX – XXI вв. (отечественная историография).....	31
Веремейчик А.С. Исследование миграционных процессов в Северо-Восточном Китае в трудах отечественных авторов.....	34
Кондратенко Г.В. Система хукоу как фактор социальной политики КНР.....	37
Зуенко И.Ю. Формирование системы местного самоуправления в КНР на современном этапе.....	39
Рябченко О.Н. Чанчуньская киностудия в годы реформ.....	41
Хаймурзина М.А. Прошлое, настоящее и будущее конфуцианства в Китае: точка зрения Ду Вэймина.....	44
Горбенко П.Л. Изменения в японском национальном характере во второй половине XX века.....	46
Алешко М.В. Основные этапы развития военно-политической стратегии Японии в 1960-2006 гг.	46
Палишева Н.В. Проблема политической модернизации Индии.....	49
Бурдина К.С. Истоки формирования антиамериканизма в Канаде (в XVIII – первой половине XIX в.).....	51
Бородина В.В. Основные этапы колониальной политики Франции в XIX – XX вв. и французские владения в южной части Тихого океана.....	53

**Человек и культура в антропологическом измерении:
антропология, археология и этнография Дальнего Востока**

Васильева Л.Е., Раков В.А., Федорец Ю.В. Фауна пролива Босфор-Восточный в позднем голоцене.....	56
Шарова О.А. Промысел прибрежных моллюсков в заливе Петра Великого в период неолита.....	56
Зверев С.А., Полищук Т.В. Эффективность методов дистанционного зондирования при исследованиях культурного слоя Краскинского городища.....	58
Телелюев А.Ю. Область применения геоинформационных систем в археологии.....	60
Пискарева Я.Е. Обработка поверхности мохэских сосудов Приморья.....	62
Саранцева С.Е. Сравнительная характеристика бохайской и чжурчжэньской черепицы (на примере памятников Приморья).....	65
Nakasawa H. Comparative archeological approach to the tableware style in the medieval northeast Asia (the regional difference and historical significance).....	67
Асташенкова Е.В. К вопросу о социально-экономической дифференциации населения Восточного Ся (1215-1233).....	70
Гирченко Е.А. Ритуальные нефриты Саньсидуй (к проблеме межкультурного взаимодействия).....	70
Никитин Е.Ю. Государство Бохай и мир-системные связи в Восточной Азии.....	73
Беликов В.И. Центр vs. периферия в лингвогеографии русскоговорящего города.....	75
Краюшкина Т.В. Структурные эмоциональные однолинейные цепи в русских народных волшебных сказках Сибири и Дальнего Востока.....	78
Олесик Ю.С. Пригласительные открытки (на материале современной свадьбы Приморья).....	80
Тютрина К.С. Наадым – праздник тувинских животноводов (по материалам прессы).....	82
Поповкина Г.С. Антропология болезни в русской православной культуре: первый взгляд.....	85
Латушко Ю.В. Генезис государства в Полинезии.....	88
Ташлыкova А.Л. Политика Канады в области образования коренных народов.....	90
Макитрюк Е.В. Особенности политики царской администрации в отношении конных эвенков Приамурья во второй половине XIX в.	93
Шалунова Л.А. Проблемы адаптации коренных народов Дальнего Востока в городской среде (на примере Владивостока).....	94
Савчук А.А. Формирование образа «новой женщины» в конце 1930-х годов (на примере «Записок штурмана» Марины Расковой).....	96

Центр-периферия: Дальний Восток России в контексте развития страны

Савченко А.Е. Может ли Дальний Восток стать локомотивом модернизации страны? (перспективы региона в контексте новейшей истории).....	99
Гамерман Е.В. Нетрадиционные угрозы безопасности Дальнего Востока России: проблемы и перспективы.....	102
Пискунов С.А. Добровольное переселение соотечественников на российский Дальний Восток: прорыв или провал.....	105
Шабанов В.О. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке в начале XXI в.	106
Зыков А.А. Приграничный регион в системе национальной безопасности.....	109

Абатуров И.Н. Трансцивилизационная диффузия «китайского» в Россию на примере уральских заводчиков Демидовых (вторая половина XVIII века).....	111
Авилов Р.С. Влияние манзовской войны 1868 г. на развитие сухопутных сил России на Дальнем Востоке.....	113
Николаев Д.А., Морозов В.В. К истории восстания боксеров в Китае: письма с войны генерал-майора Церпицкого Нижегородскому городскому голове (новые источники из фондов центрального архива Нижегородской области).....	116
Илларионов А.А., Барбенко Я.А. Планы транспортного развития Приамурья во второй половине XIX в.	118
Щербина П.А. Городское население Дальнего Востока по материалам переписи 1897 г.	121
Заколотная А.С. Становление и развитие института адвокатуры в Приморье в конце XIX – начале XX вв.	123
Журавлев П.В. Административная реформа 1924 – 1926 гг. на Дальнем Востоке России: причины, ход и специфика.....	126
Мезенцева А.А. Образ Канады начала XIX в. в очерках Н.М. Карамзина (по материалам «Вестника Европы»).....	129
Яковенко М.В. Канадское участие в интервенции на Дальнем Востоке России в 1918-1919 гг.	131
Зуева Н.С. Восприятие села Никольского современниками.....	134

Научное издание

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РОССИИ И СТРАН АТР

XII всероссийская научная конференция
молодых ученых
19-21 апреля 2010 г., Владивосток

Программа и тезисы

Утверждено к печати ученым советом Института истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
Ответственные за выпуск: канд. ист. наук Ю.В. Латушко,
канд. ист. наук И.В. Ставров

Редактор-корректор, электронная верстка Ю.В. Латушко.
Техническое обеспечение Отдел информационных технологий ИИАЭ ДВО РАН

Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Формат 60x84/16.
Уч.-изд. л. 10,01. Усл. печ. л. 8,14
Тираж 120 экз.

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
690950, Владивосток, Пушкинская, 89
E-mail: ihae@eastnet.febras.ru